КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

стр.

I. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА (біографическій очеркъ), **Ф. Терновскаго** 1

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. **Ор. Левицкаго** . 25

III. КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ. (Памяти М. А. Максимовича). **И. П. Новицкаго** 58

IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО во время крестьянскихъ волненій 1855 г. Прот. **Вас. Сикорскаго** 85

V. ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ и запорожцы. **А. Скальковскаго.** . . 106

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества кіевскаго. Гр. Ив. Ив. Толстаго.—б) Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Ор. Новицкаго.—в) Józef Dunin-Karwicky. Szkice obyczajowe i historyczne.—г) Исторія русской церкви, митр. Макарія. Т. XI. кн. II-я 133

VII. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ 1881 г.—б) Рукописи румянцевскаго музея по исторіи Кіева.—в) Коденская книга и три бандуриста.—г) Выборные священники.—д) Пасхальная вирша.—е) Козаки въ партикулярной надобности.—ж) Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.—з) Къ портрету Петра Могилы 153

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Петра Могилы.

Май.

I. КІЕВСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ . . 177

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** 193

стр.

III. АРХІЕРЕЙСКІЯ ПЕЧАЛИ. **К. Березы** 226
IV. ПОѢЗДКА ВЪ БѢЛУЮ-ЦЕРКОВЬ. **Н. Костомарова** . . . 241
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, перев. **В. А.** *(Продолженіе)* . . 257
VI. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. . . . 276
VII. МАНИФЕСТЪ императрицы Екатерины II, 9 іюля 1768 г. . . 308
VIII. ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ изъ суммъ малороссійской коллегіи. . 312
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Харьковъ, историко-статистическій опытъ. К. П. Щелкова.—б) Описаніе кіево-софійскаго собора. П. Г. Л.—в) Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Соч. гр. Биберштейна.—г) Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podał ks. Sadok Barącz.—д) Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793. Przep. d-r Antoni J. 316
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Подарокъ кіевскому церковно-археологическому музею.—б) Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.—в) Старинные малороссійскіе портреты.—г) Гетманскіе клейноды (1758 г.).—д) Потомки запорожцевъ на островѣ Лети.—е) Гайдамацкій кутъ.—ж) Курьезный бракъ.—з) Скорбь кіевлянъ.—и) Панщина въ пѣснихъ и молитвѣ 327

Іюнь.

I. ПОЧАЕВСКАЯ УСПЕНСКАЯ ЛАВРА въ концѣ іюля 1855 года. **Кн. Н. С. Голицына** 365
II. О НАЧАЛѢ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ КІЕВѢ. **Ст. Т. Голубева** . 382
III. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и югозападной Руси. *(Окончаніе).* **Ореста Левицкаго** 401
IV. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** *(Продолженіе)* 433
V. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. *(Окончаніе).* . 451
VI. ИНТИМНАЯ ПЕРЕПИСКА ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА съ Яковомъ Марковичемъ. Сообщ. **Н. Петровъ** 498
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) «Хуторна поэзія» и «Крашанка». П. А. Кулиша.—б) Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Дмитрія Багалѣя.—в) Szujski. Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.—г) Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi. Zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881, in 8° . . . 509

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Рѣчь Д. Г. Бибикова къ дворянству юго-западнаго края.—б) Земляные валы близь с. Кудинки.—в) Старинные тракты, или дороги въ южной Россіи.—г) Искорость—древній Коростень или Скоростень.—д) Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану (1709—34).—е) Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ—ж) Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ.—з) Пѣсня запорожцевъ о высселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи.—и) Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила.—і) Обманутый солдатъ. (*Стихотвореніе*) 530

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ замѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ во II томѣ.

Р 3591 Е IV 5/22

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

51.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго, Крещатикъ, домъ Зейделя.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **К. Н. Милевскаго**, Крещатикъ, домъ Зейделя.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го марта 1882 года.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

(біографическій очеркъ).

Одинъ изъ давнихъ нашихъ ученыхъ (помнится, Венелинъ) выразился такъ: «это еще вопросъ, который Петръ произвелъ болѣе значительную реформу и болѣе заслуживаетъ имя *Великаго*—Петръ ли I-й или Петръ Могила?» Отзывъ парадоксальный, но не лишенный нѣкоторой доли правды. Петръ Великій и Петръ Могила—двѣ историческія величины, если не равныя, то во всякомъ случаѣ соизмѣримыя; ихъ можно сопоставлять между собою. Оба они знакомили Русь съ западнымъ просвѣщеніемъ, оба были люди идеи, съ тою энергіею и послѣдовательностію, съ тѣмъ пренебреженіемъ частныхъ отношеній и смѣлымъ устраненіемъ препятствій, стоящихъ на пути къ цѣли, однимъ словомъ—съ тѣми качествами, которыя всегда свойственны людямъ идеи. Можно сказать, что и исходный пунктъ дѣятельности у обоихъ Петровъ былъ одинаковъ: это сознаніе русской отсталости и невѣжества, ради коихъ Русь находится въ положеніи бѣдственномъ и приниженномъ и служитъ *притчею во языцѣхъ*. И лекарство для увраченія русскаго недуга у обоихъ Петровъ предполагалось одно и тоже, состоявшее въ томъ, чтобы на время пойти въ науку къ иноземцамъ. Оба Петра одинаково подвергались у современниковъ упрекамъ въ ксеноманіи, и одинаково упреки эти были несправедливы, ибо оба Петра, прежде всего и паче всего, добра хотѣли русской землѣ. Вотъ черты сходства; что же касается различія, то оно такъ велико и такъ очевидно, что распространяться о немъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Главное и существенное различіе состоитъ конечно въ томъ, что Петръ Могила пересаживалъ на Русь латино-польское просвѣщеніе, а Петръ I-й—просвѣщеніе, выросшее на почвѣ протестантизма.

Мы далеки отъ мысли въ настоящей статьѣ представить біографію знаменитаго архипастыря; но, съ помѣщаемымъ въ настоящей книжкѣ *Кіевской Старины* портретомъ и facsimile Петра Могилы, хотимъ припомнить читателямъ лишь главныя черты его жизни и дѣятельности [1]).

Петръ Могила происходилъ изъ фамиліи молдавскихъ бояръ Могилъ и родился—должно полагать—21 декабря 1596 года. Родной дядя его по отцу, Іеремія, былъ господаремъ Молдавіи (1593—1607), а отецъ Симеонъ—господаремъ Валахіи (1601—1602) и потомъ Молдавіи (1607—1609). Оба эти господари отличались приверженностію къ православію, покровительствовали львовскому православному братству и присылали ему значительныя денежныя пособія на постройку братской церкви [2]). Гдѣ воспитывался Петръ Могила, мнѣнія различны; но болѣе вѣроятнымъ представляется, что онъ воспитывался во львовскомъ братскомъ училищѣ, гдѣ и могъ проникнуться тою горячностію къ православной вѣрѣ и непріязнію къ уніи, какими отличался впослѣдствіи. Вѣроятно также, что, по окончаніи обученія въ львовскомъ училищѣ, Могила слушалъ лекціи и въ заграничныхъ академіяхъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что Могила былъ отлично по тому времени образованъ и свободно владѣлъ латинскимъ и греческимъ языками. Бѣдствіе, разразившееся надъ господарскимъ домомъ Могилъ въ 1612 г. (когда Петру было 16 лѣтъ), заставило ихъ искать убѣжища въ Польшѣ, гдѣ они имѣли сильныя родственныя связи. (Двоюродныя сестры Петра Могилы, четыре дочери дяди его Іереміи, были въ замужествѣ за польскими аристократами: *Регина*—за княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ, *Марія*—за Стефаномъ Потоцкимъ, *Катерина*—за княземъ Самуиломъ Корецкимъ, *Анна*—за Максиміліаномъ Пжерембскимъ и т. д.). Въ Польшѣ Петръ Могила сначала поступилъ-было въ военную службу и 24 лѣтъ отъ роду участвовалъ въ извѣстной битвѣ и побѣдѣ подъ Хотинымъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, благодаря, кажется, вліянію кіевскаго

[1]) При составленіи этого біографическаго очерка мы имѣли подъ рукою недавно вышедшій XI томъ *исторіи русской церкви* м. Макарія и еще не вышедшую въ свѣтъ диссертацію С. Т. Голубева о Петрѣ Могилѣ, часть которой напечатана въ журналѣ „Странникъ“ на 1882 г.

[2]) Портреты этихъ господарей во весь ростъ, вышитые по канвѣ и осыпанные жемчугомъ, были на археологической выставкѣ III арх. съѣзда въ Кіевѣ; они составляютъ собственность одного монастыря въ Буковинѣ.

митрополита Іова Борецкаго, Петръ Могила рѣшился принять монашество и поступить въ кіево-печерскую лавру. На кіевскомъ соборѣ въ сентябрѣ 1627 г. Петръ является еще мірянином, а въ самыхъ послѣднихъ дняхъ года онъ былъ уже *кіево-печерскимъ архимандритомъ*. Ему было тогда 31 годъ. Въ санѣ кіево-печерскаго архимандрита Петръ Могила пробылъ около пяти лѣтъ. Къ первому году его архимандритства относится торжественное осужденіе *апологіи* Мелетія Смотрицкаго, состоявшееся въ присутствіи самого автора, на соборѣ въ день лаврскаго праздника, 15 августа 1628 года. Будучи печерскимъ архимандритомъ, какъ настоятель ставропигіальной лавры, Петръ Могила признавалъ надъ собою только номинальную власть константинопольскаго патріарха, но не былъ подчиненъ никому изъ русскихъ архіереевъ, занималъ среди русскаго духовенства самое почетное и независимое положеніе и титуловался *великимъ архимандритомъ*. Впрочемъ къ митрополиту кіевскому, Іову Борецкому, Петръ Могила относился съ сыновнимъ почтеніемъ, а Іовъ умирая (2 марта, 1631 г.) отказалъ Петру Могилѣ свои греческія и латинскія книги и сдѣлалъ его своимъ душеприкащикомъ, поручивъ ему достроить михайловскую колокольню и заботиться о кіево-братской школѣ. Совсѣмъ иныя были отношенія Петра Могилы къ преемнику Іова Борецкаго, митрополиту Исаіи Копинскому. Быть можетъ, Петръ Могила былъ увѣренъ въ томъ, что покойный митрополитъ желалъ имѣть своимъ преемникомъ именно его, Петра, а не кого другаго. Какъ бы то ни было, но въ избраніи на митрополію Исаіи Копинскаго, печерскій архимандритъ видѣлъ несправедливость и личную для себя обиду. Неудовольствіе П. Могилы высказалось во 1-хъ въ томъ, что онъ долго не пускалъ новаго митрополита въ михайловскій монастырь, замѣстивъ михайловское игуменство печерскимъ намѣстникомъ Филоѳеемъ Кизаревичемъ, въ 2-хъ въ томъ, что, оставивъ безъ вниманія братскую школу на Подолѣ, Петръ Могила задумалъ основать и дѣйствительно основалъ новое высшее училище въ лаврѣ, *для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ*. Лаврское училище съ широкою программою (грамматика, реторика, діалектика, ариѳметика, музыка, геометрія, астрономія, ѳеологія) существовало не болѣе двухъ лѣтъ. Петръ Могила смиловался надъ братскою школою и не сталъ

подрывать ее лаврскимъ училищемъ,—послѣ того какъ богоявленскіе братчики дали ему письменное удостовѣреніе, что онъ, *какъ старшій братъ, будетъ пожизненнымъ блюстителемъ и опекуномъ не только братскихъ школъ, но и братскаго монастыря, со всѣми ихъ имѣніями... съ тѣмъ, чтобы призванные имъ учителя всѣ неизмѣнно состояли подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха.* Изъ этого удостовѣренія, писаннаго вѣроятно подъ диктовку Петра Могилы, видно, что братская школа становилась въ полную независимость отъ мѣстнаго митрополита; а этого только и нужно было властолюбивому печерскому архимандриту, для того, чтобы, согласно завѣщанію Іова Борецкаго, взять братскую школу подъ свое протекторство. Завѣдуя лаврскою типографіею и братскою школою, управляя обширною и богатою лаврою, *великій архимандритъ* и въ то время былъ уже болѣе сильнымъ и вліятельнымъ лицемъ, чѣмъ митрополитъ Исаія, *обнищавшій до зѣла* и едва втѣснившійся въ михайловскій монастырь, гдѣ, по его словамъ, не нашелъ даже *ни одного святительскаго епитрахиля.* Петру Могилѣ недоставало только митрополичьяго сана, для того, чтобы представительность положенія стала въ уровень съ его силою и вліятельностію. Скоро былъ полученъ и митрополичій санъ.

Въ 1632 г. 30 апрѣля скончался король Сигизмундъ III. На избирательный сеймъ, предшествующій выбору новаго короля, главнымъ духовнымъ посломъ изъ Кіева отправился печерскій архимандритъ, имѣвшій полномочія не только отъ всего духовенства, но и отъ самого митрополита. На сеймѣ печерскій архимандритъ горячо хлопоталъ въ пользу православной церкви и добился значительнаго разширенія ея правъ, но не забылъ и самого себя. Православная церковь получила права легальнаго существованія въ польскомъ государствѣ, которыхъ лишена была со времени брестскаго собора 1596 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло было поставлено такъ, что наличные православные владыки (на которыхъ польское правительство смотрѣло также, какъ напр. русское правительство смотритъ на архіепископа Антонія Шутова и его собратій) были игнорированы и каѳедры ихъ были сочтены вакантными. Петръ Могила конечно ничего не имѣлъ противъ такой постановки дѣла, ибо она была для него выгодна. Тутъ же на сеймѣ онъ избранъ православными дворянами (въ числѣ 49) кандидатомъ на кіевскую митрополію, былъ

утвержденъ новымъ королемъ Владиславомъ въ этомъ званіи, съ сохраненіемъ и кіево-печерской архимандріи, и поѣхалъ посвящаться во Львовъ. Почему во Львовъ, а не въ Кіевъ, догадаться не трудно. Въ Кіевѣ жилъ прежній митрополитъ Исаія, котораго привыкли уже считать за настоящаго митрополита, и многіе, въ томъ числѣ и самъ Исаія, были убѣждены, что онъ устраненъ только по честолюбію и происканъ Петра Могилы, который, воспользовавшись обстоятельствами, исходатайствовалъ себѣ грамату на митрополію при живомъ митрополитѣ. Поэтому въ Кіевѣ, если бы здѣсь состоялось посвященіе Петра Могилы, могли произойти какія-либо демонстраціи и протестаціи со стороны приверженцевъ Исаіи и самого Исаіи. А послѣ Кіева оставался одинъ Львовъ, гдѣ могло совершиться посвященіе новаго митрополита съ подобающимъ благолѣпіемъ. Во Львовѣ имѣлъ пребываніе единственный православный епископъ, сохранившій свою каѳедру, Іеремія Тиссаровскій, титуловавшійся *экзархомъ константинопольскаго патріарха* и слѣд. имѣвшій право совершить посвященіе кіевскаго митрополита отъ имени вселенскаго патріарха. Къ назначенному сроку прибыли во Львовъ всѣ три православные епископа, хотя и уволенные отъ своихъ епархій: Авраамій (бывшій пинскій и туровскій), Исаакій (бывшій луцкій) и Паисій (бывшій холмскій) и множество православныхъ духовныхъ и мірянъ. Первое посвященіе (т. е. нареченіе) Могилы, по словамъ мѣстнаго лѣтописца, происходило въ среду на св. недѣлѣ, второе (вѣроятно въ санъ епископа) въ субботу, а третье (въ санъ митрополита) въ недѣлю проводную или Ѳомину, которая въ 1633 году приходилась 28 апрѣля. Посвященіе Петра Могилы совершилъ патріаршій экзархъ Іеремія Тиссаровскій съ тремя другими, названными выше, русскими епископами, въ великолѣпной, недавно оконченной церкви львовскаго ставропигіальнаго братства, на построеніе которой много жертвовала фамилія Могилъ. Новый митрополитъ прожилъ во Львовѣ около двухъ мѣсяцовъ и въ концѣ іюня отправился торжественно, съ преднесеніемъ ему креста, на свою каѳедру въ Кіевъ. Петру Могилѣ было отъ роду 36 съ половиною лѣтъ. Въ Кіевѣ многіе встрѣтили первосвятителя съ великою радостію; ему были поднесены два панегирика: одинъ отъ лавры, другой отъ Кіево-братскаго училища. Но не одни панегирики ждали Петра Могилу въ Кіевѣ; здѣсь ждали его и большія непріятности.

Самымъ появленіемъ своимъ въ Кіевѣ новый *упривилегированный* митрополитъ, по выраженію хроникера, *деградовалъ*, т. е. низлагалъ съ каѳедры стараго митрополита Исаію. Исаія не захотѣлъ добровольно подчиниться своей участи и рѣшился бороться съ сильнымъ соперникомъ. Могила съ своей стороны прибѣгъ къ крутымъ мѣрамъ. Онъ запретилъ или низложилъ поповъ, посвященныхъ Исаіею, а самого Исаію велѣлъ перевезти изъ михайловскаго монастыря въ лавру, чтобы старый митрополитъ былъ лишенъ возможности заявлять свои прошенія и жалобы гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, спустя немного времени, неизвѣстно по какому побужденію, Петръ Могила выпустилъ изъ лавры стараго митрополита, который опять поселился въ михайловской обители и управлялъ ею до 10 августа 1635 года, когда выѣхалъ изъ нея уже навсегда. Поѣхалъ м. Исаія жаловаться королю на *кривды, шкоды* и *оппрессіи* со стороны Петра Могилы и его сторонниковъ, но желаемой «управы» не получилъ. 1 февраля 1637 г. соперничествующіе митрополиты встрѣтились въ Луцкѣ, въ домѣ мѣстнаго епископа, и сдѣлали попытку къ примиренію. Исаія *квитовалъ* Могилу *изо всѣхъ на него починенныхъ протестацій*. Но едва соперники разстались, какъ Исаія передумалъ, опротестовалъ свой квитъ и занесъ этотъ протестъ въ гродскія книги владимірскія. Жилъ послѣ этого м. Исаія гдѣ-то въ глуши на Полѣсьѣ и ограничивался тѣмъ, что сообщалъ своимъ приверженнымъ монахамъ компрометирующія Могилу извѣстія. «Кіевскій-де митрополитъ Петръ Могила», писалъ Исаія въ лубенскій и прилуцкіе монастыри въ 1638 г., «вѣры хрестьянской нынѣ отпалъ, и благословенъ-де митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго нынѣ въ великій постъ въ патріархи, будто быть патріархомъ христьянскія вѣры. А присегалъ-де онъ, Петръ Могила, королю и всѣмъ панамъ роднымъ и всѣмъ арцибискупамъ ляцкимъ, что ему хрестьянскую вѣру ученьемъ своимъ попрать» и т. д. Досадная борьба Петра Могилы съ слабымъ, но упорнымъ соперникомъ, не имѣвшимъ великодушія отказаться отъ власти, удержать которую былъ не въ состояніи, продолжалась до самой смерти Исаіи († 5 окт. 1640 г.). Были у Петра Могилы и другія непріятныя столкновенія—съ уніатами, съ непослушными монахами никольскаго пустынаго монастыря и т. д.

Но, миновавъ эту *злобу дня*, обратимся къ свѣтлымъ и па-

мятнымъ для исторіи сторонамъ митрополичьей дѣятельности Петра Могилы. И здѣсь для порядка мы должны разсказать отдѣльно: о возсозданіи Петромъ Могилою православныхъ храмовъ, объ устройствѣ братскаго училища и объ изданіи нужныхъ и полезныхъ для церкви книгъ.

Въ силу королевской привилегіи Петръ Могила, хотя и съ трудомъ, взялъ изъ рукъ уніатовъ Софійскій соборъ, Выдубицкій монастырь, и другіе храмы. Но всѣ они были въ разоренномъ видѣ. Софійскій соборъ былъ не только пустъ внутри, но и стоялъ безъ крыши, и нѣкоторыя стѣны его обвалились. «*Взялъ отецъ Могила*, пишетъ отступникъ православія Саковичъ, *церковь св. Софіи въ Кіевѣ отъ колико сотъ лѣтъ пусту сущу, а нынѣ такъ ее украсилъ, что отъ всѣхъ имать похвалу*». Выдубицкій монастырь въ 1635 г. перешелъ отъ уніатовъ въ руки Могилы также разореннымъ и опустошеннымъ, а въ слѣдующемъ году Могила могъ уже называть себя «*ктиторомъ* и *обновителемъ того святого монастыря выдубицкаго, по конечномъ запустѣніи и разрушеніи его отъ отступныхъ уніатъ*. Въ тоже время Могила воздвигъ изъ развалинъ находившуюся близи лавры церковь Спаса на Берестовѣ, построенную, по преданію, еще св. кн. Владиміромъ. Другую болѣе знаменитую церковь Владимірову—*десятинную*, нѣсколько вѣковъ лежавшую въ развалинахъ, отъ которой едва выдавалась на поверхность часть одной стѣны, митрополитъ велѣлъ раскопать въ 1635 г., открылъ подъ развалинами гробъ и въ немъ мощи св. князя Владиміра, и началъ было также возобновлять; но, не успѣвъ окончить самъ, завѣщалъ окончить по смерти своей, для чего и назначилъ тысячу злотыхъ. А третью древнѣйшую церковь, во имя св. Василія или трехъ святителей, отобранную у уніатовъ, митрополитъ приписалъ для обновленія и устроенія къ кіево-братскому училищному монастырю. Въ тоже время кіево-фроловскій монастырь былъ обновленъ и приведенъ въ добрый порядокъ игуменьею Агафіею Гуменицкою, *подъ протекціею и урядомъ духовнымъ* м. Петра Могилы. Всѣ такія постройки, особенно возобновленіе Софійскаго собора, требовали громадныхъ суммъ; и Могила употреблялъ для этого частію свои средства и средства лавры, частію пожертвованія другихъ, и наконецъ испрашивалъ милостыню у московскаго государя.

Другимъ предметомъ заботъ Могилы было кіево-братское учи-

лище, которое называлось то *школами*, то *гимназіею*, то *коллегіею*, и которому митрополитъ старался, но не успѣлъ исходатайствовать у короля имя *академіи*. На содержаніе училища Могила назначилъ два лаврскихъ имѣнія — Вишеньки и Гнидинъ и свой собственный фольваркъ Позняковщину, который купилъ за 4000 злотыхъ. Построилъ для училища въ братскомъ монастырѣ особую деревянную церковь во имя св. муч. Бориса и Глѣба, которая называлась *конгрегаціонною*, такъ какъ въ ней собиралась на молитву *конгрегація* воспитанниковъ. Для помѣщенія классовъ соорудилъ большое двухъ этажное зданіе; завелъ при училищѣ библіотеку, а для бѣдныхъ учениковъ учредилъ бурсу. О внутреннемъ устройствѣ училища при Петрѣ Могилѣ подробныхъ свѣденій не сохранилось; но несомнѣнно, что учебное дѣло было поставлено хорошо. *По истинѣ, въ школахъ учатъ хорошо*, заявлялъ самъ Петръ Могила. Для хорошаго ученья необходимъ хорошій составъ профессоровъ, и объ этомъ особенно радѣлъ Могила. Многіе профессора предварительно нарочито посылаемы были Могилою за границу для довершенія своего образованія въ заграничныхъ академіяхъ. Первымъ ректоромъ коллегіи былъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, *докторъ богословія* и *премудрый богословіи учитель*, духовникъ Могилы. Затѣмъ упоминаются какъ ректоры коллегіи: Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, Игнатій Оксеновичъ Старушичь, Иннокентій Гизель; въ числѣ профессоровъ были Сильвестръ Коссовъ, Софроній Почасскій и др. Ученики, вѣроятно обучаемые *высшимъ наукамъ*, именовались *студентами* и *спудеями*. Школьное дѣло настолько процвѣтало, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Петръ Могила имѣлъ возможность отправить изъ своихъ питомцевъ *благообразныхъ иноковъ* и *добрѣ ученыхъ учителей* валашскому господарю и выражалъ желаніе оказать туже услугу московскому государю. Отеческія отношенія Петра Могилы къ школѣ всего лучше видны изъ предисловія къ изданной имъ книгѣ: *Анѳологіонъ—сирѣчь молитвы и поученія душеполезныя въ душевную пользу спудеевъ* и т. д. (24 мая 1636). «Постаравшись съ Божіею помощію (говорится въ предисловіи) при моихъ слабыхъ силахъ, на мои собственныя средства, обновить гимназію, т. е. школы въ Кіевѣ, отчасти уже бывшія въ упадкѣ и опустѣлыя, я снабжалъ васъ, снабжаю и до конца жизни не престану снабжать книгами, учителями, содержаніемъ бѣдныхъ

сотоварищей—студентовъ и прочими надобностями. Но мнѣ желательно также, чтобы въ этихъ школахъ не только преподавались *высшія науки*, а еще болѣе и выше всего посѣвалось и вкоренялось въ сердцахъ вашихъ благочестіе.... Я самъ рѣшился, какъ бы для отдохновенія отъ другихъ ежедневныхъ трудовъ и заботъ, взять на себя обязанность, чтобы въ весеннее цвѣтущее время вашему цвѣтущему дѣтскому и юношескому возрасту собрать на лугахъ богодухновенныхъ церковныхъ наукъ и св. писаній благоуханные цвѣты благочестивыхъ размышленій и умиленныхъ молитвъ, и вамъ, всему содружеству, т. е. конгрегаціи кіевскихъ школъ, въ знакъ отеческой любви, въ даръ принести,—что теперь и исполняю».—За свои труды и заботы по училищу Петръ Могила на первый разъ былъ довольно худо награжденъ. «*Въ то время*, сообщаетъ одинъ изъ позднѣйшихъ кіево-могилянскихъ воспитанниковъ—Гавріилъ Домецкій, *отъ неученыхъ поповъ и отъ козаковъ велікъ было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, и спасались? Было - хотъли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили*». Еще тяжеле для Могилы, конечно, было то, что кіевскій воевода Янъ Тышкевичъ, горячій католикъ, вымещалъ на студентахъ свое нерасположеніе къ митрополиту и къ православію. Такъ въ 1640 г., въ отсутствіе митрополита изъ Кіева, студентъ Ѳеодоръ Гоголевскій былъ схваченъ, обвиненъ въ ночномъ буйствѣ и безъ суда и слѣдствія обезглавленъ. Это обстоятельство очень огорчило митрополита. Кіево-братской коллегіи митрополитъ былъ преданъ до смерти. Въ своемъ духовномъ навѣщаніи онъ отказалъ коллегіи 75000 злотыхъ по документамъ и 6000 наличными; всю свою библіотеку, хуторъ Позняковщину, всѣ свои дома, (пріобрѣтенные имъ вѣроятно въ Кіевѣ,) и разныя вещи. Отцовъ же коллегіатовъ митрополитъ просилъ, чтобы они кіевскую коллегію сохранили въ цѣлости, согласно съ фундаціею, а по душѣ его совершали богослуженіе каждую недѣлю въ четвергъ и ежегодно въ день его кончины.

Не мало потрудился Петръ Могила и для обогащенія церковной литературы, для изданія нужныхъ и полезныхъ церковныхъ книгъ. Для пособія священникамъ въ проповѣданіи издано было въ въ лаврѣ въ 1637 г. *Евангеліе учительное*, или собраніе поученій на всѣ годовыя недѣли и праздники,—патріарха константинополь-

скаго Каллиста. Это *евангеліе*, употребляющееся у насъ въ славянскомъ переводѣ издавна, напечатано было на западно-русскомъ языкѣ въ 1616 г. иноками виленскаго свято-духовскаго монастыря. Теперь Могила издалъ это *евангеліе* на общепонятномъ для народа языкѣ вновь и приложилъ отъ себя предисловіе, въ которомъ увѣщевалъ священниковъ, чтобы они какъ можно чаще читали то *евангеліе* и сами поучались изъ него и поучали народъ.

Для руководства священниковъ П. Могила издалъ также (къ концу 1646 г.) свой знаменитый *евхологіонъ, альбо молитвословъ или требникъ*, огромный фоліантъ въ 1529 страницъ. «Вѣдая несомнѣнно», пишетъ митрополитъ въ предисловіи, «что противники наши ... называютъ нашихъ духовныхъ неучами и невѣждами въ совершеніи божественныхъ таинствъ и другихъ богослуженій, утверждаютъ, что Русь православная уклонилась въ ересь, не знаетъ ни числа, ни формы, ни матеріи, ни интенціи, ни обрядовъ божественныхъ таинствъ, не умѣетъ дать о нихъ отчета и въ совершеніи ихъ держится различнаго способа, я, потрудившись по силамъ моимъ о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ, предпринялъ отнять такое тяжкое поношеніе противниковъ отъ православнаго причта св. россійской церкви. И, по благодати Божіей, не вотще потрудился, какъ можетъ видѣть каждый просвѣщенный и благочестивый читатель этой книги, названной *требникомъ*». Требникъ состоитъ изъ трехъ частей: въ первой помѣщены чинопослѣдованія всѣхъ семи таинствъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ чиновъ; во второй—чины различныхъ освященій, какъ то: освященія воды, церквей и церковныхъ вещей и т. д.; въ третьей—чины различныхъ молебновъ и молитвъ по разнымъ случаямъ—въ день пятдесятницы, въ день новолѣтія, и т. д. Кромѣ того находятся въ *требникѣ* объяснительныя статьи о значеніи того или другаго таинства, о поведеніи священника при томъ или другомъ чинопослѣдованіи и т. д. Всего помѣщено въ требникѣ П. Могилы до 126 чиновъ и статей. Источниками его были евхологіи греческіе, харатейные славянскіе требники и даже ритуалы римскіе.

Для всѣхъ православныхъ христіанъ Петръ Могила далъ весьма полезное руководство въ *катихизисѣ*, извѣстномъ подъ его именемъ. Въ тотъ вѣкъ вѣроисповѣдныхъ споровъ каждому православному приходилось часто сталкиваться съ латинами и протестан-

тами и нужно было твердо знать догматы своей вѣры, а для этого нужно было имѣть такое же точное изложеніе догматовъ православія, какое имѣли латины и протестанты для своихъ исповѣданій. Однимъ словомъ нуженъ былъ *православный катихизисъ*. Первые опыты составленія такой символической книги были неудачны. Катихизисъ Мелетія Смотрицкаго уклонился къ латинству; катихизисъ, изданный въ 1629 г. въ Женевѣ, подъ именемъ патріарха Лукариса, уклонился къ кальвинству. Зная, какой осторожности и обдуманности требуетъ изданіе символической книги для православной церкви, Петръ Могила, составивъ совмѣстно съ своимъ духовникомъ и *премудрымъ богословіи учителемъ*, Исаіею Трофимовичемъ Козловскимъ, *православное исповѣданіе*, подвергъ эту книгу публичному обсужденію сначала на соборѣ кіевскомъ (въ кіево-софійскомъ храмѣ, въ сентябрѣ 1640 г.), а потомъ на соборѣ ясскомъ 1643 г., и отправилъ на разсмотрѣніе всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Книга *православнаго исповѣданія* хотя и была одобрена и утверждена подписомъ всѣхъ восточныхъ патіарховъ, но заложена, какъ говорится, *въ долгій ящикъ*, и напечатана въ первый разъ въ Амстердамѣ на греческомъ языкѣ въ 1662 г., много лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Могилы. Не дождавшись возвращенія съ востока своей рукописи *православнаго исповѣданія*, Петръ Могила, чтобы удовлетворить вопіющей нуждѣ времени, издалъ въ печерской типографіи сокращеніе книги, подъ заглавіемъ: *собраніе короткой науки объ артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской*, сначала на польскомъ, а потомъ въ 1645 г. и на русскомъ языкѣ. Содержаніе и составъ *православнаго исповѣданія* Петра Могилы хорошо извѣстны всѣмъ получившимъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, гдѣ эта книга еще въ недавнее время числилась какъ особый предметъ преподаванія.

Издавалъ Петръ Могила книги и для назидательнаго чтенія. Таковы сочиненія—Сильвестра Коссова Paterikon, abo zywoty s. s. ojców pieczarskich... 1635 г. и Аѳанасія Кальнофойскаго Τερατουργήμα, lubo cuda, które były tak w samym swięto-cudotwornym Monastyru pieczarskim kiiowskim, jako y w obudwu s. pieczarach... 1638 г. Для второй изъ этихъ книгъ матеріаломъ послужили, между прочимъ, собственноручныя записки Петра Могила съ повѣствованіями о разныхъ чудесахъ и знаменіяхъ отъ святыхъ печерскихъ. Такъ какъ

обѣ книги, служащія къ прославленію печерской обители, изданы на польскомъ языкѣ, то должно думать, что издатель имѣлъ въ виду не однихъ только русскихъ и православныхъ читателей, а главнымъ образомъ поляковъ и латинянъ.

На польскомъ же языкѣ и очевидно съ тѣмъ же назначеніемъ издана другая книга Петра Могилы апологетическаго содержанія, направленная противъ сочиненія отступника отъ православія Кассіана Саковича, подъ заглавіемъ: Ἐπανόρθωσις abo perspectywa i objasnienie błędow, heresiey i zabobonów w grecko-ruskiey cerkwi dizunickiey... w Krakowie 1642. Отвѣтъ на это сочиненіе, если не составленный, то по крайней мѣрѣ проредактированный Петромъ Могилою, озаглавливается такъ: Λιθος albo kamień z praszczy prawdy cerkwie swiętey, prawosławney ruskiey na skruszenie faleczno-ciemney Perspectiwy od Kassiana Sakowicza wydaney, wypuczczony przez pokornego oyca Eusebia Pimina... 1644. Книга *Λιθος* весьма объемистая и обстоятельная; характеръ полемики, какъ и въ *Перспективѣ*, желчный и бранчивый.—Много было задумано и другихъ важныхъ литературныхъ изданій Петромъ Могилою. Онъ хотѣлъ подарить русское общество *житіями святыхъ*,—трудомъ, который чрезъ полвѣка былъ исполненъ св. Димитріемъ ростовскимъ. Для сей цѣли Могила досталъ съ Аѳона греческій подлинникъ житій Метафраста и распорядился переводомъ ихъ на славянскій языкъ. Петръ Могила трудился надъ исправленіемъ текста славянской библіи и собиралъ уже деньги для новаго изданія ея, болѣе исправнаго, чѣмъ острожское, т. е. приступилъ къ предпріятію, которое осуществилось не ранѣе, какъ чрезъ сто лѣтъ, при императрицѣ Елизаветѣ.

Ранняя смерть пресѣкла начинанія Петра Могилы. Онъ скончался въ 4 часу ночи подъ 1 генваря 1647 года, ровно 50 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, далеко не доживъ до нормальнаго предѣла человѣческой жизни. Въ умѣ, энергіи, широтѣ замысловъ и строгости жизни никто, даже самые враги никогда ему не отказывали. Отступникъ отъ православія Кассіанъ Саковичъ свидѣтельствуетъ о Могилѣ, что онъ *монастыри строитъ, и школы заводитъ, и много доброва народу въ странѣ своей дѣлаетъ. И если бы только схизму хотѣлъ оставить.., безъ всякаго размышленія не только митрополіи, но и патріаршескаго сана достоинъ бы быти.* Кіевскій лѣтописецъ Іерличъ, видимо не расположенный къ Могилѣ при

его жизни, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ, что митрополитъ *жилъ на этомъ свѣтѣ богобоязненно, хорошо и трезво, и подвизался въ дѣлахъ благочестивыхъ, всегда заботясь о цѣлости церкви Божіей и оберегая свое стадо, хотя и не чуждался мірской славы.*

Въ русской литературѣ довольно много писано о Петрѣ Могилѣ. Нѣтъ ни одного учебника по русской исторіи вообще и въ частности по исторіи церкви и литературы, гдѣ бы не шла рѣчь о Петрѣ Могилѣ. Есть и спеціальныя изслѣдованія, напр. о *требникѣ* Петра Могилы, и въ особенности объ основанной имъ кіево-могилянской коллегіи. Личная жизнь Петра Могилы менѣе подвергалась изслѣдованію, хотя и объ этомъ есть не мало хорошихъ страницъ въ XI томѣ *исторіи* митр. Макарія (Спб. 1882 г.) и въ диссертаціи С. Т. Голубева. Но замѣчательно, что біографы Петра Могилы обращали преимущественное вниманіе на одинъ фактъ его жизни: именно на то, что Могила занялъ кіевскую каѳедру при живомъ митрополитѣ. Апологія Петра Могилы по этому обстоятельству составляетъ главную заботу его біографовъ; между тѣмъ какъ самъ Могила, думается намъ, вовсе не придавалъ этому дѣлу особенно важнаго значенія. Подобныя недоразумѣнія часто бываютъ съ историками. Карамзинъ, напр., очень совѣстится за Владиміра Мономаха, вѣроломно перебившаго половецкихъ заложниковъ, и едва находитъ возможнымъ оправдать его тѣмъ, что «вѣкъ извиняетъ человѣка»; между тѣмъ самъ Мономахъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи хладнокровно замѣчаетъ: *чадъ Итлареву избиша*, и нисколько не думаетъ въ этомъ оправдываться. Въ такомъ же точно положеніи, кажется намъ, стоитъ и Петръ Могила по отношенію къ вопросу о *деградованіи* Исаіи Копинскаго. Внутренняя правда въ этомъ поступкѣ была на сторонѣ Петра Могилы, ибо онъ искалъ митрополіи, ради блага православной паствы, и получивъ митрополію, доказалъ, что былъ того достоинъ; что же касается до нарушенія внѣшней легальности, то это было такимъ ежедневнымъ и заурядnымъ въ Польшѣ явленіемъ, которое не могло никого ни возмущать, ни даже удивлять.

Менѣе было обращаемо вниманіе историками на внутреннюю духовную жизнь Петра Могилы; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одной попытки охарактеризовать его міросозерцаніе, взгляды и убѣжденія. Между тѣмъ для такой характеристики имѣется не ли-

шенный значенія матеріалъ въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы, которыя хранятся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора и отчасти уже испорчены временемъ. Часть этихъ записокъ вошла въ составъ *Тератургимы* Кальнофойскаго; нѣсколько сказаній помѣщено въ *Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 г., небольшой отрывокъ въ *Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1881 г.; остальныя сказанія еще ждутъ издателя, а всѣ, какъ изданныя и неизданныя, ждутъ прилежнаго читателя и изслѣдователя. Вообще записки Петра Могилы не останавливали на себѣ вниманія изслѣдователей. О существованіи *записокъ* знали; иные, можетъ быть, и перелистывали ихъ въ рукописи, но ни читать, ни издавать ихъ не спѣшили. Какъ ни страннымъ кажется такое холодное отношеніе любителей старины къ запискамъ Петра Могилы, но оно легко объяснимо. Должно думать, что и тѣ немногіе, которые перелистывали ихъ, отходили отъ нихъ съ чувствіемъ неудовлетворенности. Отъ записокъ Могилы очевидно ждали чего-то большаго, лучшаго; онѣ казались слишкомъ простыми, наивными, суевѣрными, во всякомъ случаѣ не такими, какія подобало бы написать Могилѣ, быть можетъ даже роняющими его историческое значеніе. Но что́ дѣлать! Историческихъ дѣятелей мы должны брать такими, какими они были въ дѣйствительности, хотя бы эта дѣйствительность и не приходилась по нашему вкусу.

Содержаніе сказаній Петра Могилы, при всемъ ихъ разнообразіи, очень просто и однородно. Всѣ они представляютъ варіацію на одну тему, распадающуюся на два положенія, которыя можно выразить такъ: *и теперь еще есть святые подвижники въ православной церкви; и теперь еще совершаются Богомъ чудеса въ православной церкви, свидѣтельствующія объ ея истинности.* Эта тема не принадлежитъ исключительно одному Петру Могилѣ. Она обща тогдашней церковной литературѣ. Захарія Копыстенскій въ своей *Палинодіи* (часть 2, разд. 10, арт. 6) цѣлую главу посвящаетъ доказательству того, что *много святыхъ и чудотворныхъ у грековъ, у сербовъ, у болгаръ и у руссовъ сталося по одорванюся латинниковъ отъ грековъ.* Очевидно, что эта тема выдвигалась впередъ самою жизнію и тогдашними отношеніями латинъ къ православнымъ. Разница между Копыстенскимъ и Могилою въ разработкѣ этой темы та, что Копыстенскій посвятилъ ей нѣсколько страницъ въ своемъ обширномъ сочиненіи и заимствовалъ примѣры изъ книгъ,

а Петръ Могила, такъ сказать, хронически занимался разработкою этой темы, заимствуя примѣры изъ текущей жизни, изъ личнаго опыта, изъ бесѣдъ съ иноками и набожными христіанами, несомнѣнно вѣруя въ дѣйствительность повѣствуемыхъ чудесъ, добросовѣстно стараясь *констатировать факты*, указать время, мѣсто, свидѣтелей и т. д. Для нашего времени Петръ Могила покажется, пожалуй, довольно легковѣрнымъ, а индѣ и суевѣрнымъ, но примемъ во вниманіе, что тогда былъ вѣкъ XVI, а нынѣ XIX.

Представляемъ нѣсколько разсказовъ изъ записокъ Петра Могилы на любимую имъ тему, расположивъ ихъ по двумъ рюбрикамъ: I., *о современныхъ подвижникахъ въ православной церкви.* II., *о современныхъ чудесахъ въ православной церкви.*

Думаемъ, что эти разсказы не лишены будутъ значенія для характеристики того, кто былъ ихъ тщательнымъ собирателемъ. Кромѣ того, всѣ эти сказанія писаны со словъ современниковъ и очевидцовъ и потому носятъ на себѣ тотъ колоритъ мѣста и временъ, который всегда присущъ подобнымъ разсказамъ.

I.,

О современныхъ подвижникахъ въ православной церкви.

Изъ жизни современныхъ подвижниковъ въ *запискахъ* Петра Могилы содержатся разсказы: о Леонтіѣ Карповичѣ, о схимникѣ Іезекіилѣ и о Григоріѣ Межигорскомъ.

О Леонтіѣ Карповичѣ.

Разсказывалъ намъ отецъ Исаія Трофимовичъ, іеромонахъ виленскаго братства, о своемъ архимандритѣ Леонтіѣ Карповичѣ слѣдующее: однажды въ виленскомъ общежитіи было такое безденежье, что оставалось въ братской сокровищницѣ всего ½ гроша. И созвавъ отецъ Леонтій братію, говорилъ такъ: «думаю, братіе, что такое оскудѣніе могло постигнуть насъ ради двухъ причинъ: или между нами есть святотатецъ, скрывающій свое частное стяжаніе, и за него Богъ караетъ всю братію, или Богъ искушаетъ насъ, дѣйствительно ли мы желаемъ быть ревнителями нищеты Христовой».

Тотъ же братъ Исаія разсказывалъ намъ, что авва Леонтій, если задумывалъ какое нибудь доброе дѣло и не находилъ сочувствія въ братіи, то говорилъ: *не отъ Бога ваши мысли*, и дѣлалъ, какъ задумалъ.

Еще: однажды молился авва Леонтій, по обыкновенію, съ затворенными дверями, и вотъ пришли братія и толкнувшись доложили аввѣ, что князь Богданъ Огинскій желаетъ съ нимъ видѣться. По неволѣ старецъ вышелъ (ибо князь былъ ктиторъ и великій благодѣтель обители), но прежде всплакнулъ, что ради угожденія человѣку ему приходится оставить молитву прежде конца.

Однажды тотъ же авва Леонтій, когда ему слѣдовало идти въ путь, по обычаю затворившись творилъ молитву утреннюю. А дорожный товарищъ его, мірянинъ Максимъ Смотрицкій, въ нетерпѣніи много разъ подходилъ къ окну келліи и говорилъ: *отче! пора въ путь;* наконецъ, соскучившись, поѣхалъ впередъ, ученика же старцева Іосифа наустилъ, чтобы онъ распорядился закладкою лошадей. Старецъ, кончивъ молитву, вышелъ изъ келліи и, увидавъ запряженныхъ лошадей, приказалъ ихъ распречь и кормить.—Дальнѣйшія строки рукописи испорчены; но конецъ разсказа таковъ, что старецъ, отправившись въ путь, увидалъ Максима плетущимся въ раскаяніи назадъ на поломанномъ возѣ и изрекъ слѣдующее нравоученіе: «Богъ да проститъ тя, чадо; но знай, что преслушаніе всегда такіе плоды даетъ, а молитва ничему не мѣшаетъ, а во всемъ помогаетъ».

Тотъ же авва имѣлъ обычай ежедневно совершать божественную литургію, а когда ему говорили, что не слѣдуетъ такъ часто приступать къ божественнымъ тайнамъ, что-бы не впасть въ небреженіе, старецъ отвѣчалъ: «кто часто выходитъ на солнечный свѣтъ, тотъ видитъ на себѣ и малую черноту, такъ равно и приобщающійся чаще божественнымъ тайнамъ яснѣе видитъ свои согрѣшенія». И еще: «на бѣломъ платкѣ и маленькая капля чернилъ очень замѣтна, а на черномъ и большая не видна. Такъ и человѣкъ, имѣющій чистую совѣсть, если впадетъ и не очень въ *большой* грѣхъ, тотчасъ придетъ въ чувство и покается, а человѣкъ съ нечистою совѣстію не скоро замѣчаетъ свое паденіе, не скоро и исправляется».

О Іезекіи скитскомъ старцѣ.

Въ 1600 году пришелъ изъ Греціи въ русскую землю монемвасійскій митрополитъ Іоасафъ и проживалъ въ монастырѣ уневскомъ. И пришелъ къ митрополиту изъ своего монастыря блаженный Іезекіиль скитскій ради благословенія. Митрополитъ съ радостію принялъ старца, ибо былъ мужъ весьма человѣколюбивый, и удержалъ старца на обѣдъ. Зная, что старецъ не ѣстъ ни масла, ни яицъ, митрополитъ захотѣлъ искусить его и приказалъ всѣ кушанья приготовить съ масломъ. Подали обѣдать. По благословеніи митрополитъ и всѣ присутствовавшіе стали кушать; старецъ же только ѣлъ хлѣбъ, а кушанья не касался. Митрополитъ спросилъ: «старче! почто не ѣшь?» Старецъ молча поклонился. Митрополитъ, поднявъ руку, благословилъ и сказалъ: «кушай, старче, благословляется тебѣ». Тогда старецъ съ великою поспѣшностію взялъ ложку и вкусилъ кушанья только разъ. Митрополитъ, видя, что старецъ положилъ ложку, опять сказалъ: «благословлено уже, чего ради не ѣшь, старче?« Старецъ вставъ поклонился и сказалъ: *что потребно было для послушанія—исполнилъ: прочее прости мя, отче.* Митрополитъ, услышавъ этотъ многоразсудный отвѣтъ, похвалилъ старца и приказалъ подавать ему кушанья безъ масла.— Смотри, какъ мудръ былъ сей преподобный: и послушаніе исполнилъ, и воздержаніе сохранилъ.

Пришелъ однажды сей блаженный старецъ къ княгинѣ Корецкой, она же по обычаю радостно приняла его и стала угощать. Первыя два кушанья старецъ вкушалъ прилѣжно, такъ что присутсутствующіе дивились и пересуживали его; а послѣ третьяго блюда, когда стали подавать еще многія кушанья, старецъ совсѣмъ пересталъ ѣсть. Мальчикъ, пажъ княгини, говоритъ: кушай, отче! эти кушанья лучше прежнихъ. А старецъ отвѣщалъ: «я не ищу вкуса въ снѣдяхъ, а хочу только удовлетворить требованіе природы». И всѣ присутствующіе удивились и сказали: «вотъ истинный монахъ»! И всегда старецъ имѣлъ обычай не вкушать болѣе двухъ или изрѣдка трехъ снѣдей. И когда его просили кушать болѣе, отвѣчалъ: «болѣе уже будетъ дѣло объяденія, а не насыщенія».

Разсказъ Петра Могилы о томъ, какъ авва Іезекіиль обратилъ къ православію княгиню Анну Корецкую, напечатанъ въ *Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 года, стр. 575.

О Григоріѣ межигорскомъ.

Въ 1620 г. четверо такъ называемыхъ *севрюковъ* (т. е. обитателей земли сѣверской) отправились для ловли звѣрей и рыбъ въ пустыню *Орельскую*. Тамъ они заблудились и проплутали двѣ седмицы и крайне проголодались, ибо оскудѣла у нихъ пища. И вотъ, когда они въ унынiи бродили по пустынѣ, Божiимъ произволенiемъ увидали они узенькую недавно протоптавшую тропинку, съ радостiю пошли по ней, и нашли небольшую хату, надъ которой курился дымъ. Внутри хаты они нашли столъ, на которомъ стояли дикiя груши въ меду,—небольшую печь, ископанную въ землѣ, гдѣ сушились груши, и небольшой горшокъ съ грушевымъ сокомъ. Увидавъ это, севрюки тотчасъ же пошли вонъ изъ хаты, съ ужасомъ думая, что набрели на разбойничiй притонъ. Тѣмъ не менѣе два изъ нихъ спрятались съ одной, и два съ другой стороны хаты и, приготовивъ самопалы, ждали возвращенiя разбойниковъ во свояси. И вотъ видятъ севрюки,—идетъ изъ пустыни мужъ святолѣпный, брадатый, долговолосый, въ одеждѣ сплетенной изъ лыкъ, длиною ниже колѣнъ и съ рукавами по локоть, въ лыковыхъ сапогахъ и въ лычаномъ наглавникѣ въ родѣ иноческаго подкапка; въ рукѣ у старца была сѣкира. Подошедъ къ своей кущѣ старецъ тотчасъ же духомъ позналъ, что тутъ есть люди, и побѣжалъ въ пустыню. Севрюки погнались за пустынножителемъ и стали кричать: *не бѣгай отъ насъ, человѣче Божiй; мы христiане, сбившiеся съ пути.* Старецъ остановился, привѣтствовалъ гостей именемъ Божiимъ, пригласилъ ихъ въ свою кущу, угостилъ грушами. Вечеромъ пустынникъ вмѣстѣ съ гостями сталъ на молитву и приказалъ имъ слушать молитвы, смотря долу.

Но одинъ изъ севрюковъ не утерпѣлъ и взглянулъ на старца и увидалъ, что онъ стоитъ не на землѣ, а на воздухѣ, съ руками, простертыми къ небу.—На другой день чуть стало разсвѣтать, старецъ разбудилъ гостей, говоря: «вставайте! пора уже молиться Богу и вывесть васъ изъ пустыни». Дорогой старецъ распрашивалъ севрюковъ о церквахъ православныхъ, и о монастыряхъ печерскомъ и межигорскомъ, и объ архимандритѣ Печерскомъ Елисеѣ, живъ ли онъ (а онъ тогда еще былъ живъ). Старецъ шелъ впереди, а одинъ изъ этихъ козаковъ, идя позади, дѣлалъ отмѣтки на деревь-

ихъ, чтобы найти обратную дорогу къ старцу. Наконецъ чрезъ два дни старецъ вывелъ севрюковъ на прямую дорогу къ ихъ городу. На прощаньѣ севрюки стали умолять пустынника, чтобы онъ сказалъ имъ, кто онъ и откуда, и какъ зашелъ въ пустыню, и долго-ли живетъ въ пустынѣ. Старецъ, понуждаемый ими, неохотно разсказалъ слѣдующее: «я, чада, инокъ межигорскаго монастыря, и по дьявольскому прельщенію впалъ въ грѣхъ, а потомъ, благодатію Божіею, очувствовался и увидѣлъ свое паденіе. И пришелъ мнѣ въ сердцѣ помыслъ: *выдь изъ монастыря и иди въ пустыню и тамъ обрящешь покаяніе.* И принялъ я этотъ помыслъ за голосъ Божій, и пошелъ въ пустыню, и вотъ уже 13 лѣтъ живу здѣсь одинъ, питаясь плодами пустынными. А имя мое—грѣшный и непотребный рабъ Божій Григорій».—Спустя много времени эти севрюки съ нѣкоторыми благочестивыми людьми захотѣли опять отыскать раба Божія, подобнаго Павлу Ѳивейскому, и добрались до его кельи;—и нашли все, какъ и прежде,—и горшокъ съ грушами, но груши уже сгнили и были поклеваны птицами. И уразумѣли, что человѣкъ Божій ушелъ въ болѣе дальнюю пустыню, бѣгая похвалы человѣческой.—Все это четыре самовидца, оборочные монастырю печерскому, повѣдали братіямъ, отъ которыхъ и я слышалъ и записалъ во славу Бога, и донынѣ прославляющаго угодниковъ своихъ и являющаго блаженное житіе ихъ на пользу нашу, на утвержденіе православныя нашея восточныя вѣры.

Въ запискахъ П. Могилы есть также нѣсколько отрывковъ изъ монашескаго, такъ сказать, эпоса, которые взяты изъ современной иноческой жизни, но по тону и содержанію напоминаютъ сказанія древнихъ патериковъ. Мы озаглавимъ разсказы Петра Могилы по тому нравоученію, которое вытекаетъ изъ каждаго изъ нихъ.

1) Противъ запаздыванія къ богослуженію.

Разсказывалъ намъ Исаакій Борисковичъ, епископъ луцкій, слѣдующее: въ 1597 году при архимандритѣ печерскомъ Никифорѣ Турѣ, когда я былъ еще пономаремъ, совершалось всенощное бдѣніе на праздникъ преп. отца нашего Ѳеодосія печерскаго. Архимандритъ же не пришелъ къ началу службы, по медлилъ въ кельѣ, бесѣдуя съ князьями и благородными людьми. И вотъ мы—я и іерей

съ діакономъ—видимъ, что на архимандрітскомъ мѣстѣ стоитъ мужъ благообразный и святолѣпный, лицемъ блѣдный, съ короткою бородою. Не домышлялись мы, кто это такой, но думали, что во всякомъ случаѣ это архимандритъ, пошли и поклонились ему, приняли благословеніе и поцѣловали руку его. И всю службу стоялъ на архимандричьемъ мѣстѣ сей мужъ, подобный св. Ѳеодосію, такъ какъ пишется на иконѣ,—и, когда діаконъ начиналъ кадить на полѣлеѣ и на 9-й пѣсни, по обычаю благословлялъ. И вотъ, когда начали пѣть славословіе, пришелъ архимандритъ Никифоръ съ князьями и боярами. А мы, стоя въ алтарѣ, ужаснулись, говоря между собою: если теперь только пришелъ архимандритъ, то кто же всю ночь стоялъ на его мѣстѣ и отъ кого мы принимали благословеніе? Осмотрѣлись, а его уже нѣтъ. И тотчасъ мы уразумѣли, что это былъ самъ преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій, честь праздника его сохраняя и увѣряя насъ, что никогда не отступаетъ отъ насъ (на полѣ: *аще и лѣнивыхъ правителей имамы*). По окончаніи утрени разсказали мы архимандриту видѣнное, а онъ со слезами отвѣчалъ: «меня ради, чада, было это видѣніе, да навыкну, что архимандиту прежде всѣхъ подобаетъ быть на церковномъ правилѣ и на всякомъ дѣлѣ богодухновенномъ». И съ того времени архимандритъ Никифоръ началъ чаще бывать въ церкви и внимательнѣе наблюдать за собою.

2) Противъ чревоугодія.

При архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ былъ въ Лаврѣ печерской старецъ, именемъ Ѳеодосій, родомъ москвитинъ, большой подвижникъ. И вотъ ненавистникъ добра діаволъ, видя его постническіе подвиги и труды, вознамѣрился побѣдить его сластолюбіемъ, и вложилъ ему въ помыслъ, что не грѣхъ иноками ѣсть мясо, и такъ распалилъ его къ мясоядѣнію, что старецъ говорилъ: *если не поѣмъ мяса, умру, и буду осужденъ, какъ самоубійца.* Такимъ образомъ не позналъ діавольскаго искушенія и будучи побѣжденъ своимъ нетерпѣніемъ, старецъ приказалъ послушнику купить и приготовить мяса и поставилъ горшокъ на печи, чтобы съѣсть мясо, когда останется одинъ. Прошло два часа. Старецъ взялъ сосудъ съ мясомъ и отверывъ ощутилъ великій смрадъ;—о чудо! сосудъ

былъ полонъ червями. Видѣвъ это, старецъ тотчасъ же пришелъ въ чувство, палъ на землю и просилъ у Бога прощенія, потомъ, показавъ братіи смрадное мясо, исповѣдалъ свое грѣхопаденіе.

3) Противъ корыстолюбія.

Разсказывали намъ братія св. Лавры печерскія, что однажды при архим. Елисеѣ Плетенецкомъ пришелъ къ нему келарь и сказалъ, какъ много хлѣбовъ раздается каждый день нищимъ. Архимандриту непріятно показалось такое иждивеніе, и вотъ онъ пошелъ въ келарню и, увидѣвъ множество нищихъ, еще болѣе огорчился, потому что наряду съ недужными было много и здоровыхъ. И приказалъ архимандритъ раздавать хлѣбы только недужнымъ, то есть слѣпымъ, хромымъ и подобнымъ, а здоровыхъ отпускать ни съ чѣмъ. Едва только успѣлъ архимандритъ возвратиться въ свою келью, какъ вдругъ, о чудо! пошелъ сильный градъ, и,—всѣ жита монастырскія въ окрестностяхъ лавры побилъ, истопталъ и съ землею смѣшалъ. И ничему не повредилъ этотъ градъ, кромѣ монастырскихъ нивъ. Съ тѣхъ поръ приказалъ старецъ невозбранно раздавать хлѣбъ всѣмъ просящимъ. И когда кто-либо изъ келарей возражалъ противъ этого, старецъ говорилъ: *дай, злой рабъ, требующимъ: обитель святая никогда не оскудѣетъ* [1]).

II.

О современныхъ чудесахъ въ православной церкви.

Захарія Копыстенскій, говоря въ своей *Палинодіи* о чудесахъ, подтверждающихъ истину православной церкви, обращаетъ особенное вниманіе на постоянныя или, по крайней мѣрѣ, періодически повторяющіяся чудеса, которыя всегда могутъ быть, такъ сказать, провѣрены современниками. Авторъ *Палинодіи* упоминаетъ о святомъ огнѣ, сходящемъ ежегодно въ пасхальную ночь на гробъ Спасителя, и египетскихъ мертвецахъ, которые выступаютъ изъ земли и лежатъ поверхъ ея отъ Пасхи до Пятьдесятницы, и о Лимносскомъ прахѣ, который выбрасывается ежегодно 6 августа.

[1]) Подобные же по содержанію разсказы сообщаются Петромъ Могилою изъ жизни аѳонскихъ монастырей Діонисіатскаго и Симеона Петрскаго.

Петръ Могила, архимандритъ *чудотворной* лавры печерской, видѣлъ неизсякаемый и постоянный источникъ чудесъ въ мощахъ св. угодниковъ печерскихъ и оставилъ много записей о такихъ чудесахъ. Эти записи распадаются на два рода: однѣ гласятъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и вообще о чудесной помощи Божіей набожнымъ людямъ, съ вѣрою притекающимъ ко св. мощамъ; другіе—гласятъ о чудесныхъ наказаніяхъ Божіихъ тѣмъ невѣрамъ, которые относились къ мощамъ съ пренебреженіемъ и кощунствомъ и дерзали похищать частицы мощей. Всѣ эти записи напечатаны въ *Тератургимѣ* Кальнофойскаго; потому мы и не будемъ здѣсь повторять ихъ.

Приведемъ въ заключеніе два разсказа о чудесахъ, заимствуемые Могилою изъ его личнаго опыта.

1) О благоуханіи отъ иконы.

Въ 1629 г. октября 27 случилось мнѣ быть въ городѣ Туровѣ. Изъ усердія къ Пресвятой Богородицѣ и къ чудотворной иконѣ ея, и по благословенію епископа Аврамія совершилъ я по утрени въ каѳедральной церкви молебное пѣніе; по совершеніи котораго поклонившись лобзалъ чудотворный образъ Пресвятой Богородицы. О чудо! такое благоуханіе ощутилъ я отъ иконы, что я думаю съ нимъ не сравнятся никакіе ароматы на землѣ. И не только тѣлесно я усладился, но и душа исполнилась неизреченнаго веселія. И тотчасъ я повѣдалъ это епископу и спросилъ, всегда ли бываетъ благоуханіе отъ иконы!—Благоуханія я никогда не ощущалъ, сказалъ епископъ, но вѣрно, что икона чудотворная, и разсказалъ о чудесномъ исцѣленіи своего брата іеромонаха Матвѣя.

2) О превращеніи воды въ вино.

Въ лѣто 1629, іюля, 15 въ день св. кн. Владиміра, пришлось мнѣ быть въ моей монастырской деревнѣ Рубежовкѣ, у слуги моего Станислава Третьяка. Тамъ я освятилъ новопостроенный имъ домъ, совершилъ по обычаю малое освященіе воды; жена же Третьякова, собравъ оставшуюся священную воду въ стеклянный сосудъ, сохра-

нила ее въ особомъ мѣстѣ. Прошелъ годъ. Посмотрѣвъ ту воду, Третьякъ нашли ее превратившуюся въ вино и весьма удивились и прославили Бога. Случилось же мнѣ въ 1630, году 20 іюля, быть въ томъ же селѣ, и вотъ пришли ко мнѣ оба, Третьякъ и жена его, показывая сосудецъ съ водою и разсказывая, что та вода, которую я освятилъ въ прошломъ году на освященіе дома, превратилась въ вино. Я удивился, взялъ сосудецъ, понюхалъ, и ощутилъ что пахнетъ виномъ, вкусилъ и нашелъ, что это волосское вино. Удивившись еще болѣе, говорю имъ: «правда ли, что это вода превратилась въ вино; вѣдь это не вода, а волосское вино». Они же съ клятвою стали говорить, что въ нынѣшнемъ году мы у себя въ домѣ и вина не видали, а въ этомъ сосудѣ и вина никогда не бывало, и это не вино, а вода, которую ты оставилъ въ прошломъ году. А я, чтобы удостовѣрить дѣло при многихъ бывшихъ тогда людяхъ и братіяхъ, опять сказалъ имъ, угрожая клятвою св. отецъ: «говорите правду, не выдумываете ли небывальщину.» И они стали клясться великими клятвами, что дѣйствительно это вода, а не вино. И, слышавъ ихъ великія клятвы, я удостовѣрился и прославилъ Бога. А воду взялъ съ собою, и до нынѣ она у меня невредима, имѣетъ вкусъ и запахъ вина, какъ и тогда, не окисла, не измѣнилась ни вкусомъ, ни запахомъ. А записалъ я это для того, чтобы мы узнали, какъ многообразно Богъ показываетъ и въ сіи послѣднія времена силу своего пресвятаго Духа, дѣйствующую въ нашей восточной греческой церкви; отсюда очевидно, что вѣра наша истинна, ибо для удостовѣренія и утвержденія ея, а равно для посрамленія и искорененія всякаго зловѣрія и отступничества совершаются благодатію Божіею сіи преславныя и сверхъестественныя чудеса.

Для характеристики того времени не лишены значенія разсказы о чудесныхъ наказаніяхъ, постигшихъ иновѣрныхъ пановъ за принужденіе православныхъ крестьянъ работать и въ праздники.

Не правда ли, что по прочтеніи разсказовъ Петра Могилы нравственный образъ его рисуется нѣсколько въ иныхъ чертахъ, чѣмъ какъ мы привыкли представлять его доселѣ? Является предъ

нами не смѣлый реформаторъ, не двигатель просвѣщенія и искусный администраторъ, а прежде всего ревнитель православной вѣры, насквозь пропитанный тѣми представленіями, которые другой реформаторъ (Петръ Великій) не стѣсняясь называлъ уже *старческими бреднями.* Привлекателенъ или нѣтъ образъ Петра Могилы, рисующійся въ его *запискахъ,* но онъ вѣренъ съ дѣйствительностію. И по прочтеніи тѣхъ записокъ, мы признаемъ вполнѣ возможнымъ, что Петръ Могила на первыхъ порахъ своего монашества дѣйствительно *острою власяницею и желѣзнымъ ланцухомъ стискалъ и умерщвлялъ тѣло свое.*

Ф. Терновскій.

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

I.

Лишь только юго-западная Русь, объединенная въ XIV вѣкѣ подъ властью литовскихъ князей, нѣсколько оправилась послѣ тяжкаго удара, постигшаго ее со стороны монголовъ, и получила возможность спокойнаго развитія своей внутренней жизни, она снова вступаетъ въ близкія связи и сношенія съ западной Европой, прерванныя на нѣкоторое время монгольскимъ нашествіемъ. Литовское завоеваніе не только не препятствовало этимъ сношеніямъ, а скорѣе способствовало ихъ возобновленію, введя русскія земли въ непосредственное сосѣдство съ европейскими государствами. Сношенія эти прежде всего были торговыя. Извѣстно, что въ XIV в. Вильно, Полоцкъ, Могилевъ и другіе литовско-русскіе города имѣли постоянныя торговыя связи съ Ригой, Кролевцемъ (Кенигсбергомъ), Гданскомъ (Данцигомъ) и другими мѣстами Пруссіи; Львовъ, Галичъ, Перемышль и другіе города Червоной Руси издавна вели торговлю съ Венгріей, Силезіей и Чехіей; нѣсколько позже литовско-русскіе купцы ѣздили съ товарами въ Лейпцигъ, Франкфуртъ и въ другія мѣста сѣверной Германіи. Само собою разумѣется, что иноземные купцы въ свою очередь посѣщали литовско-русскіе города; такъ въ Кіевѣ въ XV ст. существовала многолюдная армянская колонія, здѣсь же имѣли торговый дворъ генуэзцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе. Въ Вильнѣ въ началѣ XVI в. часто проживали: греки, италіанцы и англичане, а нѣмцевъ ремесленниковъ и купцовъ было такъ много, что они имѣли въ городѣ даже особую улицу «нѣмецкую».

Кромѣ торговыхъ связей, Литва издавна находилась въ постоянныхъ политическихъ сношеніяхъ съ западными сосѣдями. Въ 1429 году въ Луцкѣ былъ отправленъ памятный съѣздъ европейскихъ государей, на которомъ, кромѣ литовскаго князя Витовта, присутствовали: польскій король Ягелло, германскій императоръ Сигизмундъ, датскій король Эрикъ VII, магистры прусскій и ливонскій, ханъ крымскій, господарь молдавскій, папскій легатъ и послы греческаго императора Іоанна Палеолога. На этомъ съѣздѣ обсуждались способы къ совмѣстному противодѣйствію угрожавшей въ то время всеобщей опасности со стороны возраставшаго могущества оттомановъ [1]). Особенно близки были сношенія Литвы съ Чехіей. Въ 1403 г. сюда пріѣзжалъ знаменитый сподвижникъ Іоанна Гусса, Іеронимъ Пражскій, а года два спустя, возвращаясь изъ Англіи, онъ снова посѣтилъ Литву и Русь и посѣялъ здѣсь сѣмена гусситскаго ученія, слѣды котораго остались до временъ реформаціи [2]). Когда начались гусситскія войны, чешскіе послы приглашали Витовта на престолъ Чехіи; вслѣдствіе этого въ 1424 году было отправлено въ Чехію на помощь гусситамъ многочисленное русское ополченіе, подъ начальствомъ князя Сигизмунда Корибутовича. Цѣлыхъ восемь лѣтъ русскіе оставались въ Чехіи и принимали дѣятельное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ съ войсками нѣмецкаго императора, къ коей покрылъ себя военной славой доблестный южно-русскій князь Ѳеодоръ Острожскій.

Но болѣе всего западная Европа влекла къ себѣ литовско-русскихъ людей своими школами и просвѣщеніемъ. Еще въ 1379 году польская королева Ядвига, въ видахъ укрѣпленія задуманнаго при ней политическаго соединенія Литвы съ Польшею, заложила на свой счетъ при Пражскомъ университетѣ особый интернатъ для студентовъ литвиновъ и русскихъ, а въ 1409 г. такой же интернатъ (contubernium pauperum) учрежденъ былъ при краковской академіи [3]). По всему видно, что въ данномъ случаѣ поляки ста-

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ съѣздѣ можно найти въ хроникахъ Бѣльскаго и Стрыйковскаго.

[2]) На констанцскомъ соборѣ, во время суда надъ Іеронимомъ Пражскимъ, въ числѣ другихъ обвиненій, ему было поставлено въ вину и то, что въ бытность свою въ Литвѣ и *на Руси* онъ старался оттортнуть отъ католической церкви тамошнихъ жителей. Iaroszewicz, Obraz Litwy, t. II, p. 178—179.

[3]) Iaroszewicz, Obraz Litwy, t. II, p. 41.

рались воспользоваться для своихъ цѣлей уже существовавшимъ среди русскихъ и литовскихъ людей обычаемъ посылать своихъ сыновей для полученія образованія въ заграничныя школы. Не даромъ великій князь Казиміръ Ягайловичъ въ своей жалованной грамотѣ 1457 года, въ числѣ другихъ правъ и свободъ, дарованныхъ имъ русско-литовскому дворянству, счелъ нужнымъ предоставить имъ право свободнаго выѣзда въ чужія земли «для набыванія лѣпшои фортуны а любо для цвиченя (обученія) въ учинкахъ рыцерскихъ» [1]). Этотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ о существованіи въ тогдашнемъ русско-литовскомъ обществѣ стремленія къ постоянному, живому общенію съ западно-европейскими народами, которое должно было еще болѣе усилиться со времени дарованія означеннаго права. Объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей конца XV и начала XVI в., князѣ Михаилѣ Глинскомъ, мы знаемъ, что онъ всю свою молодость провелъ за границей, вначалѣ занимаясь науками, а потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей: при дворѣ германскаго императора Максимиліана, саксонскаго курфирста Альбрехта, а также въ Испаніи и Италіи, и пріобрѣлъ тамъ репутацію даровитаго воина, участвуя въ кампаніяхъ италіанской и фрисландской. Таковъ же, безъ сомнѣнія, былъ и его ученый современникъ, «въ лекарскихъ наукахъ докторъ», Францискъ Скорина, напечатавшій въ 1517—1519 г. въ чешской Прагѣ свой знаменитый переводъ библіи на западнорусскій языкъ, «Богу ко чти и людемъ посполитымъ къ доброму навченю» [2]). Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе укоренялся въ средѣ литовско-русскаго дворянства обычай посылать своихъ дѣтей для образованія въ заграничные университеты или приглашать къ нимъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, учителей; такъ въ XVI вѣкѣ Радзивиллы, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Кишки и др. учились за границей. Извѣстный ревнитель православнаго просвѣщенія, издавшій въ 1568—1569 г. въ своей заблудовской типографіи славянское «учительное евангеліе», гетманъ литовскій Григорій Ходкевичъ пригласилъ въ учители къ своимъ сыновьямъ Андрею и Александру саксонца Яна Миліуса, увѣнчаннаго поэта; другой Ходкевичъ, Янъ,

[1]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 61.

[2]) Достойно вниманія, что первый *польскій* переводъ библіи былъ изданъ лишь въ 1561 г., т. е. почти полустолѣтіемъ позже изданія библіи *русской*.

староста Жмудскій, слушалъ науки въ Виттенбергѣ, Левъ Сапѣга—въ Лейпцигѣ [1]). Тотъ же обычай, безъ сомнѣнія, существовалъ и въ средѣ южнорусскихъ богатыхъ пановъ. Когда въ 1564 г. на Волыни поселился извѣстный московскій эмигрантъ, князь Андрей Курбскій, то, подъ вліяніемъ господствовавшаго здѣсь стремленія къ европейской образованности, самъ на старости лѣтъ принялся за изученіе латинскаго языка, а своего молодого родственника, князя Михаила Оболенскаго, уговорилъ оставить дома жену и дѣтей и отправиться сначала въ краковскую академію, а затѣмъ и въ Италію «совершенія ради въ вышнихъ наукахъ» [2]). Наконецъ, помимо цѣлей образовательныхъ, литовско-русскіе дворяне издавна любили ѣздить въ Германію, Швейцарію и въ другія мѣста Европы для поступленія на службу къ иноземнымъ дворамъ, а часто безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей. Король Сигизмундъ Августъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ датскому королю, жалуется на эти безцѣльныя шатанія по чужимъ землямъ, говоря, что они приводятъ лишь къ проживанью состояній, растратѣ силъ и здоровья и къ внесенію въ отечество чужихъ обычаевъ [3]). Часто случалось, что подобные туристы и женились за границей на иноземкахъ.

Такія близкія связи и сношенія съ европейскими странами и народами имѣли своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что въ общественный бытъ Литвы и югозападной Руси съ очень давняго времени начали проникать многія понятія и формы западно-европейской культуры и общественности. Съ особенной чуткостью воспринимались здѣсь всякаго рода религіозныя вольномыслія, которыя столь сильно волновали западную Европу въ XV и XVI столѣтіяхъ. Вотъ почему, когда въ концѣ первой четверти XVI в. въ Германіи и Швейцаріи возникло реформаціонное движеніе, оно нашло для себя въ Литвѣ и югозападной Руси вполнѣ приготовленную почву. Многіе литовско-русскіе дворяне учились въ Саксоніи и были слушателями Меланхтона и даже самого Лютера, другіе приглашали нѣмецкихъ учителей—протестантовъ. Кромѣ того, кружившаяся въ то время по всей Европѣ шляхта, возвращаясь въ отечество, привозила съ собой протестантскія сочиненія, которыя затѣмъ во мно-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Litwie, p. 4.
[2]) Сказанія князя А. Курбскаго, т. II, стр. 155.
[3]) S. Augusti Epistolae, legationes et responsa, Leipsiae, p. 480.

жествѣ циркулировали и читались на расхватъ въ цѣлой Литвѣ и Руси. Чтобы положить предѣлъ широкому распространенію реформаціонныхъ идей въ подвластныхъ ему государствахъ, король Сигизмундъ I издалъ было въ 1541 году запрещеніе, чтобы никто изъ его подданныхъ не отваживался ввозить въ отечество сочиненія Лютера и его послѣдователей, а равно приглашать нѣмецкихъ учителей и посылать молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты; но въ Литвѣ эта мѣра не исполнялась: за литовскихъ дворянъ всегда заступался склонный къ реформаціи королевичъ Сигизмундъ-Августъ, изъ богатой виленской библіотеки котораго также расходились по рукамъ сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и др. [1]).

Не будемъ подробно слѣдить за успѣхами реформаціи въ Литвѣ: это не входитъ въ нашу задачу. Скажемъ только, что обнаружившееся въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1539 г. реформатское вѣроученіе, благодаря главнымъ образомъ патронатству могущественнаго при дворѣ Сигизмунда-Августа князя Николая Радзивилла Чернаго, въ короткое время распространилось по всей Литвѣ и соединеннымъ съ нею русскимъ областямъ. Самые богатые и вліятельные литовско-русскіе роды, каковы: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Войны, Абрамовичи, Воловичи, Зѣновичи, князья Пронскіе, Головчинскіе, Дорогостайскіе, Пузыны, Горскіе и др. приняли новое ученіе. Слѣдуя ихъ примѣру, и остальная литовско-русская шляхта, въ особенности католическая, охотно бросала вѣру предковъ и немедленно обращала въ своихъ имѣніяхъ костелы, а часто и православныя церкви, въ реформатскіе молитвенные дома, такъ что изъ 700 католическихъ приходовъ къ 1576 году осталось во всей Литвѣ не болѣе шести [2]), всѣ же остальные перешли въ протестантство. Разливъ новаго вѣроученія былъ такъ стремителенъ, что католическое духовенство оказалось безсильнымъ для борьбы и само подчинилось ему: не только ксендзы охотно нарушали обѣты безбрачія и становились кальвинскими пасторами, но даже прелаты и бискупы (какъ напр. жмудскій бискупъ Янъ Пяткевичъ и кіевскій Николай Пацъ) нерѣдко увеличивали собою ряды вѣроотступниковъ. Успѣхи новой вѣры среди православнаго южнорусскаго дворянства хотя

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kośc. wyznania helw. w Litwie, p. 4—9.
[2]) Ibidem p. 15—16.

и не достигли такихъ крайнихъ размѣровъ, но все же были очень значительны [1]). Такіе же быстрые успѣхи протестантизмъ имѣлъ и въ Польшѣ, гдѣ онъ появился первоначально въ Краковѣ около 1520 г., т. е. раньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самой Саксоніи, и откуда онъ быстро распространился не только въ коренныхъ польскихъ провинціяхъ, но также и въ Руси Червоной, Подольи, Волыни и на Украйнѣ, находя себѣ адептовъ какъ въ средѣ католиковъ, такъ равно и среди православныхъ дворянскихъ родовъ [2]). Всѣ усилія правительства и высшаго католическаго духовенства задержать этотъ могучій потокъ, разлившійся по всему государству и угрожавшій смыть самое основаніе католической церкви въ Литвѣ и Польшѣ, не имѣли никакого успѣха. Тогда на помощь погибавшему католичеству были призваны іезуиты, и только ихъ искуснымъ усиліямъ, да еще желѣзной энергіи короля-фанатика Сигизмунда III, въ теченіе 45-лѣтняго своего царствованія упрямо преслѣдовавшаго одну вѣроисповѣдную политику, римская церковь въ Польшѣ была обязана своей побѣдой надъ иновѣріемъ. Но эта побѣда была пріобрѣтена слишкомъ дорогой цѣною: она внесла въ политическій организмъ Рѣчи-Посполитой сѣмена разложенія и привела ее сначала къ козацкимъ войнамъ и шведскому вторженію, а черезъ полтора вѣка и къ окончательной гибели польскаго государства.

II.

Церковная реформа Лютера и его послѣдователей далеко не удовлетворила всѣхъ тѣхъ, которые, отвергнувъ, подобно ему, внѣшній церковный авторитетъ, стремились установить разумное отношеніе къ предметамъ вѣры. Какъ извѣстно, основная идея реформаціи заключалась не въ переработкѣ идей христіанства, а лишь въ преобразованіи церкви и ея внѣшняго устройства. Первоначальной точкой отправленія для реформаторовъ служила критика цер-

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kośc. wyzn. helweckiego w Litwie, p. 13—17. Говоря о быстромъ распространеніи протестантства среди западнорусскаго и южнорусскаго населенія, мы разумѣемъ лишь дворянъ и отчасти мѣщанъ, но отнюдь *не простой народъ*, который всегда твердо держался отцовской вѣры и оставался въ сторонѣ отъ реформаціоннаго движенія.

[2]) Его же, Dzieje kośc. wyzn. helweckiego w Małej Polsce, стр. 20.

ковныхъ установленій римской куріи и рѣзкое порицаніе ея злоупотребленій, а не какія-либо догматическія разногласія съ католической церковью. Поэтому представители реформаціи преслѣдовали исключительно практически-религіозный интересъ и коснулись лишь нѣкоторыхъ, второстепенной важности, предметовъ христіанскаго вѣроученія, каковы: вѣра и дѣла, грѣхъ и оправданіе, церковь и таинства и т. п.; самую же внутреннюю сторону христіанства—догматы о единствѣ Бога, о троичности лицъ въ божествѣ, объ отношеніи Сына къ Отцу и другіе—они оставили не прикосновенными, ибо это не входило въ планъ практическихъ задачъ реформаціи и не подавало повода къ разсужденіямъ. Но явились смѣлые умы, которые, исходя изъ того же принципа критики установленій римской церкви, пошли другою дорогою и обратили главное вниманіе на внутреннюю сторону римскаго вѣроученія, на ея догматы и вѣроопредѣленія. Имъ казалось. что римская церковь испорчена не съ внѣшней только и практической стороны своего ученія, но главнымъ образомъ въ самыхъ основныхъ членахъ вѣры, отъ которыхъ собственно и зависитъ все остальное; что римская система вѣроученія, при всѣхъ ея діалектическихъ тонкостяхъ, полна злоупотребленій, и что истинной задачей реформаціи должно быть не видоизмѣненіе лишь старой церкви, а созиданіе новой. Опираясь на провозглашенный Лютеромъ принципъ религіозной свободы и отвергнувъ всякій авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, эти мыслители рѣшились подвергнуть критикѣ самые догматы христіанскіе, руководствуясь единственно священнымъ писаніемъ и провѣряя ихъ человѣческимъ разумомъ, и здѣсь прежде всего подвергли отрицанію самый основной догматъ христіанства—о св. Тройцѣ, какъ недоступный человѣческому пониманію и требующій отъ человѣка безусловной вѣры. Таково было происхожденіе того ученія, которое въ исторіи извѣстно подъ именемъ *антитринитаріанства* (противутроичности). Родиной его считается Швейцарія и сосѣднія съ нею нѣмецкія земли, а основателемъ этого ученія былъ испанскій врачъ Михаилъ *Сервет*ъ, извѣстный въ исторіи медицины своимъ открытіемъ хода кровообращенія. Еще въ 1531 году онъ напечаталъ въ Базелѣ книгу *«De trinitatis erroribus»*, въ которой провозгласилъ, что догматъ о св. Тройцѣ есть злоупотребленіе римской церкви, ниспосланное Богомъ въ наказаніе человѣчеству. Болѣе

двадцати лѣтъ Серветъ пропагандировалъ свое ученіе въ Швейцаріи, Германіи, Франціи и Италіи, издалъ въ защиту его множество сочиненій, вступалъ въ полемику съ Кальвиномъ, но въ 1553 году былъ имъ схваченъ, преданъ суду за еретическій образъ мыслей и по приговору этого холоднаго фанатика сожженъ на кострѣ [1]).

Но судьба людей вовсе не рѣшаетъ судьбы принциповъ. Идеи Сервета, съ одной стороны, были усвоены весьма многими среди нѣмецко-голландскихъ анабаптистовъ, скоро придавшихъ имъ мистическую окраску; съ другой стороны, онѣ въ тоже время проникли въ Италію, которая по умственному развитію стояла тогда впереди всѣхъ европейскихъ странъ и въ которой среди высшихъ образованныхъ сословій, подъ вліяніемъ знакомства съ литературой древнихъ классическихъ народовъ, давно уже распространены были сѣмена философскаго невѣрія. Здѣсь ученіе Сервета было сочувственно принято гуманистами и другими свободными мыслителями, которые скоро выработали изъ него цѣльную религіозную доктрину съ преобладающимъ раціоналистическимъ направленіемъ. Въ числѣ этихъ свободныхъ мыслителей особенно выдавался Лелій *Социнъ*, патрицій г. Сіенны, родившійся въ 1525 году. Его отецъ былъ профессоромъ юридическихъ наукъ въ падуанскомъ университетѣ, противъ котораго въ то время было возбуждено обвиненіе въ томъ, что онъ служилъ долгое время средоточіемъ атеизма. Молодой Социнъ получилъ хорошее образованіе, зналъ латинскій, греческій, еврейскій и даже арабскій языки и былъ предназначенъ отцемъ къ юридической спеціальности. Изучая право и желая согласить основанія этой науки съ свящ. писаніемъ, Социнъ пришелъ къ выводу, что ученіе римской церкви во многомъ противорѣчитъ откровенію. Занятый этими вопросами и не смѣя открыто разсуждать о нихъ, Социнъ около 1546 образовалъ въ Венеціи тайный кружокъ свободныхъ мыслителей, состоявшій болѣе чѣмъ изъ сорока лицъ, въ числѣ коихъ были: Бернардъ Охинъ, Валентинъ Gentilis, Павелъ

---

[1]) Подробности казни Сервета возмутительны по своей жестокости. Въ продолженіи двухъ часовъ его жгли на медленномъ огнѣ, не смотря на его просьбы, ради Бога, подложить сухихъ дровъ или какимъ бы то ни было образомъ покончить пытку. Присутствовавшій при казни женевскій викарій Кальвина номинутно обращался къ страдальцу съ воззваніемъ: Crede in aeternum Dei Filium Iesum Christum! на что послѣдній непоколебимо отвѣчалъ: Ego credo Christum esse verum Dei Filium, *sed non aeternum*.

Альціатъ и другіе болѣе или менѣе извѣстные послѣдователи антитринитаріанскихъ идей Сервета. На сходкахъ и совѣщаніяхъ этого кружка и было окончательно выработано основное положеніе антитринитаріанства, т. е. отрицаніе ученія о св. Тройцѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предвѣчнаго божества І. Христа и всего таинства искупленія. Но скоро римская инквизиція открыла дѣйствія этого кружка, и одни изъ его членовъ были преданы казни, другіе заключены въ тюрьму, а остальные бѣжали изъ Италіи. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Лелій Социнъ. Четыре года онъ скитался по разнымъ концамъ Европы, побывалъ въ Франціи, Англіи, Голландіи, Германіи, Швейцаріи и наконецъ въ 1551 году посѣтилъ Польшу, гдѣ, впрочемъ, не долго оставался, а возвратился въ Швейцарію и поселился въ Цюрихѣ. Здѣсь онъ занялся окончаніемъ прежнихъ и составленіемъ новыхъ своихъ богословскихъ трактатовъ, большая часть которыхъ была издана, однако, послѣ его смерти. Ученость Социна доставила ему дружбу и уваженіе образованнѣйшихъ людей того времени. Самъ Меланхтонъ, не смотря на свойственную ему религіозную нетерпимость, относился къ Социну съ большой расположенностью и въ 1557 г. просилъ за него германскаго императора Максимиліана II и польскаго короля Сигизмунда Августа, чтобы они исходатайствовали Социну позволеніе съѣздить на родину для устройства его частныхъ и фамильныхъ дѣлъ. Живя въ Швейцаріи, Социнъ часто сталкивался съ Кальвиномъ, который въ одномъ изъ своихъ писемъ весьма недвусмысленно пригрозилъ ему gravibus tormentibus, если онъ не будетъ воздерживаться открыто выражать свои еретическія мнѣнія. Социнъ не побоялся, однако, годъ спустя послѣ казни Сервета, обнародовать направленное противъ женевскаго реформатора сочиненіе, въ коемъ онъ рѣшительно оспаривалъ мнѣніе Кальвина о дозволительности преслѣдованія и казни еретиковъ. Остается непонятнымъ, какъ этотъ мрачный фанатикъ, «женевскій папа», простилъ подобную смѣлость. Около 1558 г. Лелій Социнъ вторично посѣтилъ Польшу, а оттуда свою родину, но скоро снова возвратился въ Цюрихъ, гдѣ и жилъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1562 году [1]).

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Л. Социнѣ можно найти въ соч. Bibliotheca Antitrinitariorum, Biblioth. Fratrum Polonorum и другихъ соцініанскихъ сочиненіяхъ.

III.

Двукратное посѣщеніе Леліемъ Социномъ Польши не мало способствовало укорененію здѣсь антитринитаріанскаго ученія, сѣмена котораго занесены были сюда нѣсколько раньше. Еще въ первый свой пріѣздъ въ Польшу въ 1551 г. Социнъ нашелъ здѣсь, при дворѣ польской королевы Боны, италіанки, многочисленный кружокъ своихъ земляковъ, которымъ были уже извѣстны антитринитарныя идеи. Виднымъ человѣкомъ въ этомъ придворномъ кружкѣ былъ духовникъ королевы, итальянецъ Франциск Лизманини (впослѣдствіи извѣстный антитринитарій), въ библіотекѣ котораго имѣлись сочиненія не только Лютера и Кальвина, но и нѣкоторыхъ италіанскихъ антитринитаріевъ, напр. Б. Охина. Проповѣдь тѣхъ же идей одновременно доходила сюда и изъ Голландіи, со стороны тамошнихъ анабаптистовъ, усвоившихъ ученіе Сервета. Сохранилось неясное извѣстіе о какомъ-то захожемъ голландскомъ анабаптистѣ Адамѣ Пасторисѣ (у другихъ онъ называется Spiritus Belga), который, будучи въ гостяхъ у одного знатнаго и ученаго краковскаго пана, пріятеля Лизманини, и случайно раскрывъ молитвенникъ, гдѣ встрѣтилъ молитвы, обращенныя особо къ каждому лицу св. Тройцы, смутилъ присутствовавшихъ вопросомъ: Tres-ne vos habetis Deos, o boni (трехъ-ли Боговъ имѣете, мои милые)? Между тѣмъ въ 1553 г. въ Женевѣ послѣдовала казнь Сервета. Его несчастный конецъ ясно показалъ антитринитаріямъ, кружившимся тогда по всей Европѣ, насколько они были безопасны даже въ протестантскихъ странахъ, не говоря уже о странахъ католическихъ, гдѣ за каждымъ ихъ шагомъ зорко слѣдила «священная» инквизиція и гдѣ многіе изъ нихъ успѣли поплатиться жизнію за свои вѣрованія. Спасаясь отъ преслѣдованій, выдающіеся представители антитринитаріанства безпрестанно разъѣзжаютъ въ это время по разнымъ концамъ Европы: Швейцаріи, Франціи, Британіи, Голландіи, Германіи, Венгріи и др., ища безопасности и въ то же время повсюду разсѣевая сѣмена своего ученія. Но ни одна страна въ тогдашней Европѣ не представляла для нихъ столь важныхъ удобствъ въ смыслѣ безопаснаго убѣжища, какъ польско-литовское государство. Польша еще съ давняго времени пріобрѣла въ Европѣ славу такого уголка, гдѣ всякій, кому по какимъ либо причинамъ

было тѣсно въ своемъ отечествѣ, могъ найти безопасное убѣжище, а иногда и радушный пріемъ. Ея столица—Краковъ, всесвѣтный тогдашній торговый рынокъ, видный пунктъ ганзейскаго союза, всегда былъ переполненъ тысячами чужеземцевъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Европы и Азіи. По этому, еще съ XII в., не было, можно сказать, въ Европѣ ересіарха или вообще религіознаго новатора, не было политическаго мечтателя или соціальнаго утописта, наконецъ не было того искателя приключеній, который бы не побывалъ въ Краковѣ. Въ концѣ XII вѣка въ Польшѣ нашла пріютъ уцѣлѣвшая горсть несчастныхъ изгнанниковъ, дѣтей веселаго Прованса, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ вальденсовъ или альбигойцевъ; сюда въ началѣ XIV ст. проникло изъ сосѣдней Чехіи и Силезіи ученіе мечтателя Дульцина, провозглашавшаго общность женъ и имуществъ, побудившее папу Іоанна XXII ввести въ Польшу для его истребленія священную инквизицію; здѣсь въ половинѣ того-же столѣтія проявилась секта бегвиновъ, а нѣсколько спустя сюда-же проникло и ученіе Виклефа. [1]) Наконецъ въ началѣ XIV вѣка въ Польшѣ и Литовской Руси распространяемо было самимъ Іеронимомъ Пражскимъ ученіе Гусса и нашло здѣсь многихъ послѣдователей; а когда въ 1517 г. въ Виттенбергѣ раздалось первое слово проповѣди Лютера о реформаціи, то въ Краковѣ оно было услышано раньше, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ самой Саксоніи. Сюда же, на эту обѣтованную страну свободы мнѣній и вѣротерпимости, обратили свои взоры и представители новой антитринитарной доктрины, гонимые съ одной стороны римской іерархіей, а съ другой—нетерпимостью нѣмецкихъ реформаторовъ. Правда, и въ Польшѣ, какъ мы упомянули, существовала съ давняго времени священная инквизиція, сжегшая на кострѣ еще въ 1539 г. одну краковскую мѣщанку за юдаизмъ; но это «благочестивое» учрежденіе, столь блистательно расцвѣтавшее среди романскихъ и отчасти германскихъ народовъ, рѣшительно не привилось на славянской почвѣ и, не смотря на энергію римской куріи, давало здѣсь чахлые плоды. Помимо своего несогласія съ духомъ націи и ея историческими традиціями, инквизиція кореннымъ образомъ про-

[1]) Ярошевичъ, Obraz Litwy, т. III, стр. 165; здѣсь читатель найдетъ ссылки на первоисточники.

тиворѣчила польскимъ понятіямъ о правахъ и вольностяхъ шляхетскаго сословія и потому всегда встрѣчала съ его стороны рѣшительное противодѣйствіе, окончившееся тѣмъ, что по конституціи 1552 года инквизиторы были совсѣмъ лишены права привлекать шляхтичей къ суду по дѣламъ вѣры. [1]) Наконецъ, нужно помнить, что италіанскіе антитринитаріи могли расчитывать въ Польшѣ на покровительство королевы Боны, вліяніе которой въ политическихъ дѣлахъ было всегда сильно, какъ при жизни мужа, такъ и въ царствованіе ея сына Сигизмунда-Августа. Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ условій, съ половины XVI в. начался широкій наплывъ въ Польшу антитринитаріевъ изъ Италіи, Швейцаріи, Франціи, Голландіи, Германіи и другихъ мѣстъ, не прекращавшійся затѣмъ въ теченіи цѣлаго столѣтія.

Въ Польшѣ и Литвѣ представители антитринитаризма нашли какъ нельзя болѣе благопріятную почву для ихъ дѣятельности: здѣсь они застали въ полномъ разгарѣ протестантское движеніе, успѣвшее уже пошатнуть господствующее положеніе римскокатолической церкви, но само еще колебавшееся въ выборѣ и предпочтеніи той или другой протестантской системы. Антитринитаріямъ оставалось лишь примкнуть къ общему реформаціонному движенію и подъ его покровомъ предпринять пропаганду своего вѣроученія. Не сразу они выдѣляются въ отдѣльную секту, но продолжаютъ нѣкоторое время идти объ руку съ кальвинистами, участвуютъ въ протестантскихъ съѣздахъ или соборахъ, помогаютъ имъ организоваться, стараясь, однако, придать организаціи кальвинизма направленіе въ духѣ идей антитринитаризма. Въ первый разъ антитринитаріи выступили открыто съ своимъ ученіемъ о св. Тройцѣ лишь въ 1556 г., на соборѣ польско-литовскихъ протестантовъ, бывшемъ въ Сецеминѣ, въ сандомирской области, гдѣ ихъ представитель Гонезіусъ старался доказать, что хотя Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, но Онъ ниже Отца, который только одинъ, поэтому, есть единый истинный Богъ. Въ 1558 г. на соборѣ пинчовскомъ туже доктрину проповѣдывалъ италіанецъ Юрій Бландрата, впослѣдствіи придворный врачъ короля Стефана Баторія; а на слѣдующемъ соборѣ въ 1561 г. французскій выходецъ Петръ Статоріусъ выступилъ съ новымъ

[1]) Тамъ-же, стр. 29 и 166—167.

ученіемъ о св. Тройцѣ, въ духѣ іудейскаго монотеизма, при чемъ утверждалъ ненужность молитвъ къ другимъ лицамъ св. Тройцы, кромѣ одного Бога Отца. Правда, ни одинъ изъ такихъ соборовъ не принялъ ученія антитринитаріевъ, но эта открытая проповѣдь привлекала къ нимъ все большее число новыхъ послѣдователей, между которыми скоро нашлись могущественные покровители новаго вѣроученія. Такъ въ 1562 г. антитринитаріямъ удалось привлечь на свою сторону знатнаго шляхтича Николая Олесницкаго, владѣльца г. Пинчова, бывшаго до того времени центромъ протестантскаго движенія въ Польшѣ. Онъ изгналъ отсюда кальвинистовъ и пригласилъ на ихъ мѣсто своихъ единовѣрцевъ, отдавъ въ ихъ распоряженіе находившійся въ Пинчовѣ храмъ, школу и типографію. Это былъ первый, такъ сказать, стратегическій пунктъ, съ котораго новое ученіе стало побѣдоносно распространяться во всѣ концы Польши и Литвы и гдѣ оно начало свою самостоятельную организацію. Антитринитаріи очень дорожили Пинчовомъ и называли его «purae veritatis nidum, a Deo electum». Они приложили всѣ мѣры къ процвѣтанію тамошней школы и дѣятельно пользовались предоставленной въ ихъ распоряженіе типографіей для распространенія своихъ сочиненій. Теперь они гораздо рѣшительнѣе стали выступать съ открытою пропагандою своего вѣроученія среди кальвинистовъ польскихъ, отъ которыхъ они пока существенно отличались лишь въ ученіи о св. Тройцѣ и таинствѣ искупленія, сходясь съ ними въ остальныхъ догматахъ и церковныхъ обрядахъ. Они по прежнему посѣщаютъ протестантскіе соборы и поднимаютъ на нихъ горячія богословскія пренія, а въ 1565 году въ Петроковѣ, во время происходившаго тамъ сейма, они устроили публичный диспутъ съ кальвинистами. Диспутъ окончился тѣмъ, что кальвинисты объявили окончательный разрывъ съ антитринитаріями и запретили самое общеніе съ ними, какъ съ еретиками, подобными древнимъ Эвіону, Фотину, Павлу Самосатскому, Арію и другимъ. Къ этому ихъ и раньше побуждалъ неоднократно самъ Кальвинъ, одно изъ посланій котораго въ этомъ смыслѣ было напечатано въ Краковѣ въ 1562 г., на которое со стороны антитринитаріевъ послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ, составленный шляхтичемъ Яномъ Казановскимъ и напечатанный въ 1564 г. Независимо отъ этого, нѣкоторые кальвинисты, сильные при королевскомъ дворѣ, стали воз-

буждать правительство противъ антитринитаріевъ и даже предлагали изгнать ихъ изъ предѣловъ государства. Но этому воспротивились теперь сами католики, понимавшіе, что изгнаніе антитринитаріевъ могло быть полезно только протестантамъ, уничтоживъ тѣмъ существовавшій въ ихъ средѣ опасный расколъ, вредившій успѣхамъ реформаціи. Послѣ этого антитринитаріи увидѣли, что имъ нечего болѣе думать о союзѣ съ кальвинистами, а надобно собрать и объединить собственныя силы и организоваться въ секту совершенно самостоятельную. Съ этою цѣлью, начиная съ 1566 г., они стали созывать свои особые соборы; таковы были соборы въ Ланцутѣ, въ перемышльской области, и въ Скриннѣ [1]), въ сандомирской. Послѣдній отличался особеннымъ многолюдствомъ: однихъ пасторовъ и знатныхъ патроновъ собралось до 110 лицъ. Здѣсь были представители отъ всѣхъ антитринитаріанскихъ общинъ, существовавшихъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. На этомъ соборѣ впервые предпринята была попытка къ соглашенію разногласій въ средѣ самыхъ антитринитаріевъ по вопросу о предвѣчномъ существованіи Сына Божія и другихъ догматахъ. Хотя такое соглашеніе и не было достигнуто, однако было постановлено: не нарушая согласія изъ-за разности мнѣній, продолжать изслѣдованіе спорныхъ вопросовъ въ духѣ братской любви и мира и прежде всего заняться исправленіемъ библіи и переводомъ ея на польскій языкъ. [2]) Переводъ этотъ былъ скоро оконченъ и изданъ въ Несвижѣ, въ 1570 году. Съ этого времени началась усиленная ученолитературная дѣятельность въ средѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ. Секта пріобрѣтаетъ нѣсколько новыхъ центровъ и между ними г. Раковъ въ сандомирск. области, скоро затмившій славу Пинчова; въ ея рукахъ находится множество видныхъ общинъ: въ Краковѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и другихъ значительныхъ городахъ, много школъ и нѣсколько типографій. Цѣлый рядъ знатныхъ дворянскихъ фамилій становится въ ряды ея послѣдователей: Бонары, Фирлеи, Морштыны, Циковскіе, Олесницкіе, Филиповскіе, Ласоцкіе, Кишки и др. Многочисленныя протестантскія общины съ лучшими и наиболѣе ученымъ пасторами то и дѣло отрывались отъ кальви-

[1]) Нынѣ посадъ радомской губерніи, опоченскаго уѣзда.

[2]) Lubienicci, Historia Reformationis, Lib. III, p. 218. Freistadii, 1685.

низма и переходили въ новую секту. Словомъ сказать, во всемъ польско-литовскомъ государствѣ открылось движеніе въ пользу новаго вѣроученія, отчасти напоминающее по своей стремительности тотъ разливъ, съ какимъ недавно еще распространялась здѣсь реформація.

IV.

Но преуспѣвая въ ростѣ, антитринитаріанство было слабо внутренно и еще болѣе, чѣмъ протестантство, страдало недостаткомъ внутренней организаціи и отсутствіемъ строго выработанной системы вѣроученія. Какъ мы видѣли, новая секта слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Кромѣ италіанскихъ выходцевъ, придерживавшихся раціоналистической системы Лелія Социна и представлявшихъ собою *чистыхъ антитринитаріевъ*, въ Польшу нахлынули изъ Германіи и Голландіи многіе анабаптисты, усвоившіе ученіе Сервета и привнесшіе въ него многія мистическія черты ихъ прежнихъ вѣрованій. Они отличались отъ чистыхъ антитринитаріевъ нѣкоторыми особыми мнѣніями и составляли изъ себя *крайнюю* или *полужидовствующую* партію въ сектѣ. Изъ этихъ особыхъ мнѣній отмѣтимъ главнѣйшія: 1) что Сынъ Божій прежде всего былъ созданъ Богомъ изъ ничего и чрезъ него уже Богъ произвелъ міръ; 2) что Христу не должно воздавать божескаго поклоненія и призывать Его въ молитвахъ, такъ какъ Онъ не есть истинный Богъ, равный Богу Отцу; 3) вѣрованіе въ имѣющее открыться обновленіе всего міра, послѣ чего наступитъ тысячелѣтнее царство Христово, земное и чувственное, исполненное силы и величія, подобно мессіанскому царству іудеевъ, которые тоже должны войти въ это царство и соединиться съ христіанами; 4) мнѣніе о пользованіи властью и употребленіи оружія: въ то время, какъ партія чистыхъ антитринитаріевъ, исходя изъ новозавѣтныхъ принциповъ христіанской любви, кротости и братскаго равенства, объявляла недозволеннымъ для своихъ послѣдователей пользоваться властью и оружіемъ, т. е. занимать въ государствѣ правительственныя должности, вести войну и казнить преступниковъ,—представители крайней партіи энергично настаивали на противномъ, ссылаясь на ветхозавѣтныя представленія о Богѣ крѣп-

комъ и сильномъ, Царѣ и Судіи міра, имѣющемъ возвеличить свое царство и сокрушить враговъ его.—Кромѣ этихъ двухъ главныхъ партій, въ составѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ было много такихъ лицъ, которыя и по вступленіи въ секту продолжали придерживаться нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ вѣрованій — протестантскихъ, анабаптистскихъ и другихъ и настаивали на ихъ признаніи всѣми. Наконецъ мы должны обратить вниманіе на крайне интересный фактъ существованія въ то время въ Литвѣ своего *мѣстнаго* антитринитаріанства. Это литовско-русское антитринитаріанство, зародившееся здѣсь еще въ XV ст., первоначально проявилось, однако, не въ Литвѣ, а въ сѣверной Руси: въ Новгородѣ и Москвѣ, подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Ересь эта [1]) заключала въ себѣ элементы жидовства, но также и элементы самороднаго раціонализма, очень сходнаго съ ученіемъ крайнихъ антитринитаріевъ. Подавленная суровыми казнями, ересь эта и въ XVI в. не разъ вспыхивала отдѣльными искрами и всякій разъ по возбужденію изъ Литвы; но въ половинѣ этого столѣтія она, съ не большими видоизмѣненіями, снова ожила въ ученіи московскихъ вольнодумцевъ: Матвѣя Башкина, игумена Артемія и особенно Ѳеодосія Косого, Вассіана, Игнатія и другихъ старцевъ. Преданные суду и заточенію, нѣкоторые изъ этихъ вольнодумцевъ успѣли бѣжать въ Литву и, очутившись на свободѣ, скоро разошлись по разнымъ дорогамъ, сообразно различію ихъ направленій. Болѣе умѣренный и разсудительный изъ нихъ, Артемій, удалился въ Слуцкъ къ князю Юрію Слуцкому и, живя подъ его покровительствомъ, скоро пріобрѣлъ репутацію ученаго защитника православія; другіе пристали къ протестантству. Но Ѳеодосій Косой и Игнатій съ нѣкоторыми сообщниками энергично выступили съ проповѣдью антитринитаріанства и притомъ въ смыслѣ его крайняго полужидовствующаго направленія. Ѳеодосій, напр., проповѣдывалъ монотеизмъ въ іудейской формѣ и ставилъ Моисеевы книги выше евангелія. Онъ отрицалъ таинство св. Тройцы, божество Іисуса Христа, во-

[1]) Возникла она первоначально на почвѣ споровъ о платѣ за требоисправленіе. Разрывъ паствы съ пасомыми *de facto* повелъ къ отверженію іерархіи, затѣмъ и всей внѣшней стороны въ христіанствѣ и наконецъ къ измѣненію ученія объ Іисусѣ Христѣ и св. Тройцѣ; но теоретическую основу подвелъ жидъ Схарія, прибывшій изъ Кіева. *Ред.*

площеніе, искупленіе, всѣ таинства, призываніе святыхъ, преданія церкви и писанія св. отцевъ, отвергалъ іерархію и монашество, обряды называлъ идолослуженіемъ, иконы—идолами, храмы—кумирницами, и проч. Отвергая церковную власть, Ѳеодосій и его послѣдователи отвергали и всякую мірскую власть, утверждая, что не нужно ни царей, ни властей гражданскихъ и воинскихъ, ни самой войны, ни господъ, ни рабовъ, ни податей, ибо все это не совмѣстно съ понятіемъ о христіанствѣ, какъ братскомъ союзѣ людей; не нужно почитать родителей, ибо одинъ у всѣхъ отецъ—Богъ; не слѣдуетъ презирать чужія вѣры, ибо всѣ вѣры равны и всѣ люди одинаковы предъ Богомъ: татары, евреи, нѣмцы и всѣ другіе народы. Ѳеодосіяне требовали, чтобы ихъ послѣдователи дѣлали имъ матеріальныя приношенія за ихъ духовный разумъ, слѣдуя примѣру первыхъ христіанъ, полагавшихъ свои имѣнія у ногъ апостоловъ.

Не смотря на абсурдность, крайнюю рѣзкость и даже нѣкоторую грубость своей проповѣди, ѳеодосіане очень скоро пріобрѣли громадное число послѣдователей во всей Литвѣ и югозападной Руси. Тайна быстраго распространенія ученія Ѳеодосія заключается именно въ томъ, что сѣмена этого ученія давно уже существовали въ Литвѣ въ томъ мѣстномъ литовско-русскомъ антитринитаріанствѣ, о которомъ было упомянуто раньше. Вотъ почему и польскій иноземный антитринитаризмъ, проникнувъ въ Литву и западную Русь, распространился и первоначально утвердился здѣсь именно въ формѣ крайняго полужидовствующаго направленія, съ которымъ скоро слились и сами ѳеодосіане съ своими послѣдователями.

Такое разномысліе мнѣній и направленій въ польско-литовскомъ антитринитаріанствѣ не могло долго продолжаться, такъ какъ оно угрожало самому существованію секты, нуждавшейся въ объединеніи своихъ силъ въ виду напора внѣшнихъ враговъ. Это прекрасно сознавали сами антитринитаріи, и вотъ со времени скринскаго собора 1567 года въ ихъ средѣ оказалось сильное движеніе въ пользу объединенія различныхъ партій секты и примиренія существовавшихъ между ними разногласій. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала представителямъ партіи чистыхъ антитринитаріевъ, старѣйшей и наиболѣе многочисленной, имѣвшей свои общины въ краковской, люблинской, сандомирской, самборской, перемышльской и другихъ областяхъ Малой Польши и Червоной Руси. Въ числѣ

этихъ общинъ особеннымъ значеніемъ пользовались пинчовская и потомъ раковская общины. Здѣсь находились лучшія антитринитаріанскія школы и типографіи, здѣсь жили ученѣйшіе представители секты и отсюда распространялись по всей Польшѣ, Литвѣ и даже западно-европейскимъ странамъ антитринитаріанскія сочиненія. Естественно было ожидать, что партія, располагающая такими силами, рано или поздно должна была достигнуть преобладанія надъ остальными, тѣмъ болѣе, что она продолжала получать новыя подкрѣпленія извнѣ, въ лицѣ постоянно прибывавшихъ изъ Италіи ученыхъ антитринитаріевъ.

Въ числѣ этихъ выходцевъ явился наконецъ человѣкъ, которому суждено было стать преобразователемъ антитринитаріанской секты и дать ей свое имя: то былъ Фавстъ *Социнъ*, родной племянникъ Лелія Социна (1539—1604). Съ дѣтства воспитанный въ началахъ новаго ученія, молодой Социнъ рано долженъ былъ бѣжать изъ отечества вслѣдствіе тѣхъ гоненій, какимъ подверглась вся ихъ фамилія, подозрѣваемая въ ереси. Онъ нашелъ, правда, дружескій пріемъ при дворѣ флорентинскаго герцога, Франциска Медичи; но когда умеръ его дядя, Лелій Социнъ, завѣщавшій ему свои рукописи, то молодой Фавстъ, вопреки всѣмъ настояніямъ расположеннаго къ нему герцога, оставилъ его дворъ и твердо рѣшился посвятить себя дѣлу, начатому его дядей. Въ 1574 году онъ уѣхалъ въ Швейцарію и, поселившись въ Базелѣ, съ жаромъ предался изученію богословскихъ наукъ. Послѣ нѣсколькихъ странствованій по разнымъ мѣстамъ Европы, Фавстъ Социнъ прибылъ въ 1579 г. въ Польшу, гдѣ и жилъ до конца своей жизни. Познакомившись съ польскими антитринитаріями, онъ даже въ пинчовской и раковской общинахъ нашелъ примѣсь мнѣній и обычаевъ кальвинскихъ и сразу не сошелся съ ними, а поселился въ *Луклавицахъ*, близъ Кракова, и скоро предпринялъ жаркую полемику съ представителями крайней полужидовствующей антитринитаріанской партіи, какъ самой раскольнической въ сектѣ. Болѣе двадцати лѣтъ Социнъ велъ энергическую борьбу съ представителями разныхъ оттѣнковъ антитринитаризма въ Польшѣ и Литвѣ, устраивалъ частые диспуты съ ними, издавалъ множество полемическихъ и символическихъ сочиненій и наконецъ таки добился того, что одни изъ его противниковъ пристали къ его мнѣніямъ, другіе уда-

лились въ Венгрію и Трансильванію, гдѣ съ тѣхъ поръ надолго утвердилось полуиндовствующее антитринитаріанство, остальные, наконецъ, сошли со сцены, потерявъ своихъ послѣдователей. Такимъ образомъ въ Польшѣ къ концу XVI вѣка окончательно утвердилось чистое антитринитаріанское ученіе, возведенное Фавстомъ Социномъ на степень опредѣленной и послѣдовательно развитой доктрины, получившей впослѣдствіи отъ имени своего преобразователя названіе *соцініанства;* самъ же Социнъ и его послѣдователи называли себя *unitarii* [1]) или *fratres poloni* (польскіе братья), а въ народѣ и въ устахъ послѣдователей другихъ исповѣданій они всегда слыли подъ именемъ *аріанъ.*

Въ чемъ же состояла соцініанская доктрина?

Въ послѣдній годъ своей жизни Социнъ занялся составленіемъ катихизиса, оконченнаго уже послѣ его смерти, въ которомъ кратко изложилъ сущность своей доктрины [2]). При чтеніи этой книги, становится понятнымъ, почему не только католики, но даже протестанты не иначе какъ съ ужасомъ выражались о «безбожной, нечестивой» ереси соцініанской, считая ее хуже язычества, и почему экземпляръ соцініанскаго катихизиса, посвященный, въ 1609 г. англійскому королю Якову I, впослѣдствіи, именно въ 1653 г., по рѣшенію парламента, былъ публично сожженъ въ Англіи рукою палача. Дѣйствительно, хотя соціниане любили называть себя *истинными, избранными христіанами,* возстановителями чистой, первобытной христіанской истины, но въ ихъ догматикѣ отъ христіанства осталось не много больше одного названія. Въ основаніе своей доктрины

---

[1]) Буквально: единобожники или единоличники, т. е. признававшіе изъ трехъ лицъ св. Троицы лишь одно лицо Бога Отца.

[2]) Катихизисъ этотъ былъ оконченъ раковскимъ соцініанскимъ пасторомъ Валентиномъ Смальціемъ (Smalcius) и изданъ въ 1605 г. въ Раковѣ на польскомъ языкѣ. Въ 1609 г. онъ былъ переведенъ на латинскій яз. и изданъ съ посвященіемъ Якову I, королю англійскому. Тотъ же Смальцій перевелъ этотъ катихизисъ на нѣмецкій языкъ и издалъ въ Раковѣ въ 1608 г., посвятивъ его Виттенбергскому университету. Это обстоятельство вызвало настоящій переполохъ среди протестантскихъ профессоровъ. Послѣ долгихъ разсужденій, было поставлено ими: составить опроверженіе на соцініанскій катихизисъ, чтобы молчаніемъ не дать повода торжествовать соцініанамъ. Съ того времени появился цѣлый рядъ ученыхъ опроверженій со стороны протестантскихъ богослововъ. Самый же этотъ катихизисъ былъ впослѣдствіи многократно издаваемъ на языкахъ польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ, съ различными сокращеніями и дополненіями.

социніане ставили провозглашенное еще нѣкогда Виклефомъ положеніе, что Богъ не требуетъ, чтобы люди вѣровали въ то, чего они не въ состояніи понимать; поэтому хотя источникомъ социніанскаго вѣроученія объявлялось единственно священное писаніе, но высшимъ критеріумомъ его признавался разумъ человѣческій. Затѣмъ собственно догматическое ученіе социніанъ заключалось въ слѣдующихъ главнѣйшихъ чертахъ. Одинъ Богъ, отецъ Господа І. Христа, Богъ Израилевъ. І. Христосъ по своей природѣ былъ обыкновенный человѣкъ, получившій свое бытіе въ извѣстное историческое время, хотя и зачатый отъ Духа св. и рожденный Маріею Дѣвою. Но такъ какъ Христосъ принесъ съ неба людямъ волю Божію, запечатлѣвъ истинность ея своею почти божескою праведностью, чудесами и самою смертью, то воскрешенный Богомъ, онъ получилъ божескую власть на небѣ и на землѣ и сдѣлался навѣки истиннымъ Сыномъ Божіимъ. Духъ же святой есть не личность, а только сила Божія. Всѣ остальные христіанскіе догматы о лицѣ І. Христа, именно: о Его божеской природѣ и предвѣчномъ существованіи, о Его участіи въ твореніи міра, о таинствѣ воплощенія и проч. были отрицаемы социніанами. Точно также они отрицали христіанское ученіе объ искупительной жертвѣ, принесенной Христомъ за грѣхи людей, утверждая, что такое ученіе не только ошибочно, но и опасно тѣмъ, что отнимаетъ у человѣка побужденіе къ нравственному самоусовершенствованію и можетъ служить какъбы нѣкоторымъ попустительствомъ къ грѣху. Миссія Христа, по ученію социніанъ, единственно состояла въ томъ, что Онъ былъ посредникомъ въ заключеніи новаго завѣта между Богомъ и людьми и объявилъ людямъ путь ко спасенію въ исполненіи воли Божіей. О человѣкѣ социніане учили, что онъ созданъ смертнымъ, но вѣруя во Христа и исполняя волю Божію, онъ становится участникомъ безсмертной жизни въ будущемъ вѣкѣ, когда всѣ вѣрные будутъ жить на небѣ въ качествѣ сыновъ Божіихъ. Человѣкъ одаренъ свободной волей, которой онъ не лишился и послѣ грѣхопаденія. Существованіе первороднаго грѣха и вообще порчу нравственной природы человѣка чрезъ грѣхопаденіе первыхъ людей социніане совсѣмъ отрицали. Съ особенной силой они отвергали ученіе Кальвина о предопредѣленіи, а въ противность Лютеру учили, что одна вѣра безъ добрыхъ дѣлъ не ведетъ ко спасенію. Далѣе социніане

отвергали: священное преданіе, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ, вообще всю внѣшнюю церковную обрядность и наконецъ всѣ таинства. Правда, они совершали причащеніе или, какъ они называли, «вечерю Господню» (coenam Domini), но считали это простымъ религіознымъ обрядомъ, установленнымъ въ воспоминаніе смертя Христовой, не связывая съ нимъ никакой духовной силы и значенія. Точно также они признавали крещеніе, но разсматривали его какъ простой внѣшній обрядъ и съ особенною силою вооружались противъ мнѣнія о томъ, что въ крещеніи совершается духовное возрожденіе человѣка. Сверхъ того, социніане совершали крещеніе только надъ взрослыми, исходя изъ того соображенія, что крещеніе есть внѣшній обрядъ, посредствомъ котораго человѣкъ сознательно и открыто исповѣдуетъ свою вѣру въ Бога, а такое сознаніе, какъ и самая вѣра, не возможны со стороны ребенка, не умѣющаго отличить правой руки отъ лѣвой.

Такимъ образомъ догматическая часть соцініанскаго ученія представляетъ, какъ мы видѣли, чистѣйшій *раціонализмъ*, хотя и основанный на евангеліи. Въ своемъ ученіи о церкви социніане хотя и признавали начальствующихъ: сеньеровъ, пресвитеровъ и даже епископовъ, но не соединяли съ этими должностями никакого іерархическаго значенія, а одно дисциплинарное: заботиться о порядкѣ церковномъ и служить нуждамъ церкви, особенно нуждамъ бѣдныхъ. Учить же въ церкви, по ихъ мнѣнію, можетъ всякій, кто обладаетъ чистотою нравственной жизни и способенъ къ учительству; для этого не требуется никакого особеннаго призванія. Въ противоположность ортодоксальной исключительности протестантскихъ конфессій, соцініанскій катихизисъ выгодно отличается характеромъ терпимости и снисходительности къ инымъ, несогласнымъ съ нимъ, религіознымъ мнѣніямъ и установленіямъ. Такъ, самый основной догматъ соцініанства о единоличности Божіей излагается въ такой мягкой формѣ, которая исключаетъ всякую нетерпимость къ ученію объ этомъ предметѣ другихъ христіанскихъ исповѣданій. «Свойства Божіи, говорится въ катихизисѣ, дѣлятся на два разряда: одни—знаніе которыхъ безусловно необходимо для спасенія, и другія—знаніе коихъ весьма полезно ко спасенію. Свойства перваго рода: единство Божіе, вѣчность, правосудіе, премудрость и всемогущество. Свойства второго рода: главное изъ нихъ—знать,

что въ существѣ Божіемъ только одно лице. Хотя же вообще въ христіанствѣ вѣруется, что не только Отецъ, но и Сынъ и Духъ св. суть лица въ томъ же существѣ Божіемъ, но вѣрующіе такъ ошибаются и невѣрно понимаютъ нѣкоторыя мѣста свящ. писанія». Еще яснѣе эта терпимость проглядываетъ въ соцініанскомъ ученіи о церкви. Здѣсь проводится мысль, что человѣкъ можетъ спастись, живя въ общеніи съ какимъ угодно обществомъ христіанскимъ, если только онъ исповѣдуетъ спасительное ученіе; ибо всякій, кто содержитъ спасительное ученіе, тѣмъ самымъ уже находится въ истинной Церкви Христовой. Точно также въ отдѣлѣ ученія о крещеніи встрѣчается вопросъ: «Что нужно думать о тѣхъ, которые совершаютъ крещеніе надъ младенцами? Отвѣтъ: хотя они въ этомъ случаѣ заблуждаются, но не слѣдуетъ, однако, осуждать ихъ, будто они въ нѣкоторомъ родѣ суть идолопоклонники, особенно, если они живутъ по заповѣдямъ Христовымъ и не преслѣдуютъ другихъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями. Ибо царствіе Божіе состоитъ не въ этихъ внѣшностяхъ, но въ правдѣ, мирѣ и радости о Духѣ святомъ». Такая терпимость къ религіознымъ мнѣніямъ другихъ христіанъ являлась, впрочемъ, логическимъ послѣдствіемъ того основнаго соцініанскаго положенія, по которому для человѣка считалось обязательнымъ вѣрить лишь въ то, что онъ считалъ разумнымъ и справедливымъ.

Въ отдѣлѣ нравственнаго ученія соцініанскій катихизисъ предписывалъ обыкновенныя правила христіанской нравственности, основанныя на евангельскихъ заповѣдяхъ и Моисеевомъ десятословіи. Оригинальная сторона этого ученія заключалась лишь въ соцініанскихъ предписаніяхъ касательно празднованія седмаго дня и вопроса о пользованіи властью и употребленіи оружія. По первому предмету соцініане учили, что Христосъ не установлялъ замѣны дня субботняго днемъ воскреснымъ, и апостолы не отмѣнили субботы, которую и сами праздновали; но такъ какъ и воскресеніе (dies dominica) было празднуемо съ древнѣйшихъ временъ христіанства, то каждому предоставляется въ этомъ отношеніи полная свобода. По вопросу о правѣ пользованія властью соціниане, въ видѣ какъ-бы уступки, допускали, что, такъ какъ всякая власть отъ Бога, то поэтому истиннымъ христіанамъ не предосудительно нести обязанности правительственныя, только бы не вопреки законамъ и заповѣдямъ Христовымъ. Но за то они горячо вооружались противъ

права пользованія оружіемъ, разумѣя подъ этимъ веденіе войны и право смертной казни. Противъ послѣдняго социніане возставали особенно энергично и на основаніи самыхъ разнообразныхъ аргументовъ рѣшительно отнимали это право у христіанскихъ правительствъ, какъ противное основнымъ заповѣдямъ Божіимъ. Они доказывали, что смертная казнь рѣзко противорѣчитъ духу христіанской любви и братской снисходительности къ проступкамъ ближнихъ и приводили въ примѣръ Христа, отказавшагося осудить на смерть явную блудницу, ссылались на евангельское выраженіе: «всѣ, поднявшіе мечъ, отъ меча погибнутъ», прибѣгали къ силлогизму, что такъ какъ человѣкъ созданъ по образу Божію, то слѣдовательно, предавая преступника казни, власть посягаетъ какъ-бы на образъ Божій; наконецъ провозглашали, что смертная казнь есть въ сущности не что иное, какъ замаскированный видъ мести, а евангеліе предписываетъ христіанину скорѣе перенести новую обиду отъ врага, нежели прибѣгать къ возмездію, хотя бы оно и было обставлено извѣстными юридическими формальностями. Эта проповѣдь гуманности, безъ сомнѣнія, не мало должна была способствовать успѣху социніанской пропаганды, особенно среди южнорусскаго населенія, которое никогда не отличалось расположенностью къ этому страшному роду наказанія.

Разсматривая человѣческія отношенія исключительно съ точки зрѣнія евангельскихъ принциповъ любви и братскаго равенства, социніанство, казалось бы, не должно было оставить безъ вниманія такого явнаго попранія этихъ принциповъ, какимъ всегда и вездѣ былъ институтъ рабства или закрѣпощенія одного сословія въ пользу другихъ. Дѣйствительно, вопросъ о правѣ истинныхъ христіанъ имѣть подданныхъ или рабовъ былъ возбуждаемъ въ средѣ социніанъ еще въ 70-хъ годахъ XVI в. и, какъ кажется, рѣшался партіею чистыхъ антитринитаріевъ въ отрицательномъ смыслѣ. По этому вопросу происходилъ однажды диспутъ между польскимъ социніанскимъ пасторомъ Якубомъ Калиновскимъ и представителемъ полужидовствующаго антитринитаріанства Симеономъ Буднымъ. Послѣдній издалъ въ 1583 г. одно сочиненіе, въ которомъ старался доказать что христіанину не предосудительно имѣть подданныхъ и рабовъ, лишь бы только онъ богобоязненно пользовался ихъ ус-

лугами (bogobojnie ich używał) [1]). Такой взглядъ былъ совершенно въ духѣ ветхозавѣтно-іудейскихъ понятій о соціальныхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, въ катихизисѣ социніанскомъ мы не находимъ никакихъ указаній о взглядахъ самого Социна на этотъ вопросъ. Можно думать, что социніане находили практически неудобнымъ выступить рѣшительно съ своимъ ученіемъ о правѣ содержать рабовъ, такъ какъ это ученіе должно было поколебать самую основу соціальнаго строя въ тогдашней Польшѣ.

Кромѣ проповѣди гуманности, были въ социніанствѣ и другія привлекательныя черты, которыя особенно должны были располагать къ нему образованную часть дворянскаго сословія: это прежде всего—заботы социніанъ о школахъ и образованіи. Лишь только гдѣ-либо основывалась новая социніанская община, первое, о чемъ заботились ея сеньеры, было: постройка молитвеннаго дома и школы и снабженіе послѣдней хорошими учителями. Быть можетъ, никто въ Польшѣ не сдѣлалъ такъ много для образованія въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ именно социніане. Но за то ни въ одномъ исповѣданіи не было столько ученыхъ сеньеровъ или пасторовъ и такихъ образованныхъ учителей, какъ у социніанъ же. Вотъ почему къ нимъ часто перебѣгали ученѣйшіе протестантскіе пасторы. Изъ множества социніанскихъ школъ особенно славилась раковская, основанная въ 1602 году и скоро возведенная на степень академіи. Слава объ учености ея профессоровъ, вызванныхъ изъ разныхъ странъ Европы, и объ успѣшности ихъ преподаванія распространилась повсюду, такъ что въ короткое время число учениковъ въ раковской академіи достигло тысячи человѣкъ, изъ коихъ около трехсотъ принадлежали къ шляхетскому сословію. Въ числѣ ихъ были не одни дѣти изъ социніанскихъ семействъ, но и молодые шляхтичи изъ католиковъ, протестантовъ и даже православныхъ изъ южной Руси. Въ раковской академіи практиковалось прекрасное правило, чтобы всякій ученикъ, какого-бы званія онъ ни былъ, изучалъ сверхъ общеобразовательныхъ предметовъ еще и какое-либо ремесло. Это весьма цѣнилось родителями средняго класса и особенно трудолюбивымъ и предпріимчивымъ населеніемъ самого Ракова. Вообще исторія раковской общины крайне интересна: она даетъ наглядное понятіе о характерѣ и направленіи социніанской

[1]) A. Jocher, Obraz Literatury i nauk w Polsce, II, 262 и 546.

секты, ибо здѣсь она достигла наиболѣе полнаго своего обнаруженія. Основанный въ 1569 г., среди песчаныхъ пустырей, Раковъ [1]) былъ заселенъ разновѣрцами и преимущественно антитринитаріями, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ города Янъ Сенинскій. Пользуясь предоставленной имъ полной свободой, сектанты, сильные духомъ братства и свойственнымъ всякой религіозной корпораціи воодушевленіемъ, энергично взялись за дѣло, и въ короткое время новая колонія стала цвѣтущимъ и многолюднымъ городомъ, съ прекрасными домами, отлично обработанными полями и огородами, съ развитой торговлей, ремеслами, промыслами и фабриками. Съ 1575 года здѣсь появляется типографія, для нуждъ которой заводится значительная бумажная фабрика. Съ открытіемъ академіи Раковъ вступаетъ въ періодъ высшаго своего процвѣтанія и съ этого времени окончательно пріобрѣтаетъ значеніе главной, какъ-бы центральной социніанской общины. Социніане усваиваютъ ему громкое названіе «*сарматскихъ Аѳинъ*», указывающее на высокое развитіе здѣсь научной и литературной дѣятельности.

Кромѣ Ракова, социніане имѣли въ разныхъ мѣстахъ Польши и Литвы множество и другихъ общинъ, конхъ они въ началѣ XVII в. насчитывали до 150-ти; но мы не будемъ перечислять ихъ, а перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о распространеніи и судьбѣ социніанства въ собственно русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, и особенно на Волыни и Украйнѣ.

V.

Мы уже упомянули, что въ Литвѣ и прилегавшей къ ней западной Руси проповѣдь антитринитаріанства во второй половинѣ XVI вѣка шла одновременно съ двухъ сторонъ: въ Бѣлоруссіи и другихъ западно-русскихъ мѣстностяхъ ученіе это было распространяемо московскими выходцами ѳеодосіанами и ихъ дружиной, а изъ внутренней Литвы такая же пропаганда шла со стороны польскихъ и другихъ захожихъ антитринитаріевъ. Проповѣдь ѳеодосіанъ, совершаемая русскими людьми и на русскомъ языкѣ, имѣла

[1]) Нынѣ это самое бѣдное и жалкое мѣстечко Радомской губерніи, опат...вскаго уѣзда, съ одно-классной школой и ничтожнымъ числомъ учащихся. Глядя на песчаныя пустыри Ракова и его лачуги, трудно повѣрить, что здѣсь нѣкогда кипѣла торговля и процвѣтали науки. Отъ прежняго благосостоянія Ракова остался лишь заброшенный, опустѣлый костелъ, одиноко стоящій на сугробахъ песчаныхъ. *Ред.*

необыкновенный успѣхъ среди западно-русскаго населенія. Одинъ изъ тогдашнихъ православныхъ апологетовъ (Зиновій Отенскій) съ прискорбіемъ признается, что еретики пріобрѣли многихъ послѣдователей не только изъ людей небоящихся Бога и грѣхолюбивыхъ, но и богобоязненныхъ и смиренныхъ, въ числѣ коихъ были даже православные священники и другія духовныя лица. «Но истинѣ, восклицаетъ онъ, какъ Магометъ развратилъ своимъ ученіемъ востокъ, Лютеръ западъ, такъ Ѳеодосій Литву!» Но и заносное антитринитаріанство имѣло неменьшій успѣхъ въ Литвѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно пріобрѣло здѣсь могущественнаго патрона въ лицѣ каштеляна виленскаго, Яна Кишки, богача, владѣвшаго 70-ю мѣстечками и 400-ми селами. Это былъ потомокъ старинной литовско-русской фамиліи, получившій заграницей блестящее образованіе [1]) и женатый на дочери князя Константина Острожскаго. Сдѣлавшись усерднымъ послѣдователемъ антитринитаріанства, Кишка собиралъ у себя учителей этой секты, отдавалъ имъ находившіяся въ его имѣніяхъ протестантскія и даже католическія и православныя церкви, созывалъ соборы, устраивалъ школы и заводилъ типографіи, въ коихъ съ 1574 года начали во множествѣ издаваться антитринитаріанскія сочиненія. Таковы были типографіи: въ Лозкахъ (ошмянскаго уѣзда, виленск. губ.), Любчѣ (новогрудск. уѣзда, минской губ.), Заславѣ (минскаго уѣзда) и въ Несвижѣ [2]) (слуцк. уѣзда, минской губ.), гдѣ въ 1570 г. былъ напечатанъ социніанскій переводъ библіи, совершенный при главномъ участіи извѣстнаго социніанскаго ученаго Симеона Буднаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ могущественныхъ средствахъ пропаганды антитринитаріанство съ поразительной быстротой охватило всю Литву и западную Русь и причинило немалый ущербъ православію въ этихъ странахъ. О размѣрахъ этого ущерба мы можемъ отчасти судить по одному свидѣтельству извѣстнаго іезуита Петра Скарги, который въ своемъ сочиненіи о Брестскомъ соборѣ 1596 года, упрекая православныхъ за дружбу съ аріанами, говоритъ, что эти мнимые друзья, а на самомъ дѣлѣ волки, въ одномъ новогрудскомъ воеводствѣ отняли до 650 православныхъ церквей

[1]) Янъ Кишка былъ ученикомъ и восторженнымъ почитателемъ извѣстнаго Кастальона, которому онъ по его смерти поставилъ богатый монументъ. Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 82.

[2]) Послѣдній городъ находился въ числѣ имѣній князей Радзивиловъ.

и упразднили въ нихъ службу Божію, и что изъ 600 дворянскихъ фамилій этого воеводства едвали осталось *шестнадцать* такихъ, которые ушли отъ еретической новокрещенской, т. е. антитринитаріанской, заразы. Конечно, въ словахъ Скарги есть извѣстная доля преувеличенія; но что православіе несло въ Литвѣ большія потери со стороны антитринитаріанской пропаганды, это фактъ несомнѣнный. Кромѣ новогрудскаго воеводства, тоже самое можно сказать о воеводствахъ: брестскомъ, въ коемъ раньше и быстрѣе всего распространилась секта, минскомъ, виленскомъ, витебскомъ и другихъ мѣстностяхъ западно-русскаго края.

Мы сказали уже, что въ Литвѣ антитринитаріанство первопачально утвердилось въ формѣ его крайняго или полужидовствующаго направленія, почвой для котораго служили издавна таившіяся здѣсь сѣмена мѣстнаго раціоналистически-жидовствующаго вольномыслія, оживленнаго проповѣдью ѳеодосіанъ. Но съ конца XVI в. оно и здѣсь постепенно смѣняется чистымъ социніанствомъ, на сторону котораго одинъ за другимъ переходятъ выдающіеся вожаки секты, наприм. Симеонъ Будный, Мартинъ Чеховичъ и др. При этомъ наблюдается слѣдующее любопытное явленіе: въ то время, какъ въ Польшѣ, южной Руси и другихъ мѣстностяхъ реформа Фавста Социна способствовала лишь большему укрѣпленію и распространенію секты, въ литовской Руси замѣчается какъ будто обратное явленіе. Въ XVII вѣкѣ антитринитаріанство далеко не имѣло здѣсь такой силы, какъ въ предшествовавшемъ столѣтіи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже встрѣчаются о немъ извѣстія. Раньше всего социніанство исчезаетъ въ Бѣлоруссіи. Долѣе всего держится оно въ предѣлахъ Вильны и Новогрудка; но и здѣсь въ одномъ лишь Любчѣ социніанская община удерживается до 1655 года, остальныя же гораздо раньше прекращаютъ свое существованіе: несвижская около 1586 года, лозская также въ концѣ XVI ст., а въ Новогрудкѣ социніанская община была закрыта въ 1618 году, по распоряженію короля Сигизмунда III. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ другихъ причинъ, способствовавшихъ упадку социніанства въ Литвѣ, много значила смерть могущественнаго покровителя секты Яна Кишки (въ 1592 г.) и переходъ его богатыхъ помѣстій въ членамъ католическихъ и протестантскихъ фамилій; но нельзя отрицать и того, что вообще новое, чисто раціоналистическое на-

правленіе антитринитаріанской секты пришлось не по духу западно-русскому и особенно бѣлорусскому населенію. За то здѣсь съ особеннымъ успѣхомъ въ это же время прививается и распространяется церковная унія.

VI.

Изъ Литвы и Бѣлоруссіи перейдемъ въ южную Русь и поищемъ здѣсь слѣдовъ соцініанства.

Широкою волною прошло по южной-Руси реформаціонное движеніе и надолго оставило въ ней слѣды въ видѣ порожденнаго имъ религіознаго вольномыслія и всякаго разновѣрія. «Поеретичѣли вси обитальницы Малой-Россіи и отъ Бога далече устранишася, къ невѣрію и зложитію припрагше, егда на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили! Овъ бо зовется папежникъ, овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста (т. е. евангеликъ-кальвинисть), овъ зась нововыкрещенный (антитринитарій), овъ зась суботникъ (жидовствующій)»,— такъ въ самомъ началѣ XVII в. жаловался русскій постриженецъ Аѳона Іоаннъ Вишенскій въ своихъ посланіяхъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ Малой-Россіи, одно изъ которыхъ онъ такъ и адресуетъ: «Тобѣ, народу русскому, въ роздѣленыхъ сектахъ и вѣрахъ розмаитыхъ мешкаючому!» [1]).

Оставимъ въ покоѣ «папежниковъ» и «евангелистовъ», а прослѣдимъ лишь за «нововыкрещенцами» и «суботниками» въ Малой Россіи и прежде всего станемъ искать ихъ на родинѣ Іоанна Вишенскаго, въ Руси Галицкой, которая раньше другихъ русскихъ земель подпала культурному польскому вліянію. Говоря о польскомъ антитринитаріанствѣ, мы упоминали, что раньше и прочнѣе всего оно утвердилось въ областяхъ Малой Польши: краковской, люблинской и особенно сандомирской, въ коей находились начальные центры секты, Пинчовъ и потомъ Раковъ. А въ ближайшемъ и непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ очагомъ польскаго антитринитаріанства и находились именно земли Червоной Руси: львовская, перемышльская, саноцкая, галицкая и холмская. Естественно по этому предположить, что антитринаріанство проникло сюда очень рано, т. е. не позже 50-хъ годовъ XVI в. Въ слѣдующемъ десяти-

[1]) См. Посланія Іоанна Вишенскаго во 2 т. Актовъ Ю. и З. Россіи.

лѣтіи антитринитаріи устраивали даже здѣсь свои съѣзды или соборы: таковъ былъ соборъ 1566 года, происходившій въ Ланцутѣ, въ перемышльской области. Кромѣ Ланцута, извѣстны еще антитринитаріанскія общины въ Бучацѣ (въ галицкой области) и въ Крыловѣ (въ холмской) [1]). Но лучшимъ свидѣтельствомъ ранняго существованія антитринитаріанской пропаганды и именно среди *православно-русскаго* галицкаго населенія служитъ одинъ крайне любопытный литературный памятникъ, получившій свое происхожденіе въ Галиціи: мы говоримъ о знаменитомъ *Письмѣ половца Ивана Смеры* къ великому князю Владиміру святому. По свидѣтельству соцініанскихъ писателей, сохранившихъ для насъ текстъ этого письма, хотя и въ латинскомъ переводѣ, оно было будто-бы найдено около 1567 г. русскимъ діакономъ Андреемъ Колодынскимъ (впослѣдствіи антитринитаріемъ) въ русской церкви св. Спаса, въ области перемышльской, не подалеку отъ древняго Самбора, гдѣ похороненъ славный русскій князь Левъ. Подлинникъ этого письма, будтобы, былъ начертанъ на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами на болгарскомъ или древнеславянскомъ языкѣ [2]), съ котораго діаконъ Андрей сдѣлалъ южнорусскій и польскій переводы, списки которыхъ ходили между польско-русскими антитринитаріями XVI и XVII ст. и сохранялись нѣкоторыми ихъ писателями. Подложность письма давно доказана русской наукой [3]), но отъ этого оно нисколько не теряетъ своего историческаго интереса, какъ литературный памятникъ южнорусскаго антитринитаріанскаго движенія въ XVI в., представляющій многія любопытныя данныя относительно исторіи секты и ея пропаганды среди южно-русскаго населенія, въ интересахъ которой совершенъ и самый подлогъ памятника. Вымышленный авторъ этого письма половецъ Иванъ Смера, придворный врачъ и риторъ князя Владиміра, былъ

[1]) О нихъ упоминается въ запискахъ Эразма Отвиновскаго, антитринитаріанскаго писателя конца XVI и начала XVII в. См. у Андрея Венгерскаго Slavoniae Reformatiae Lib. IV, p. 524—530.

[2]) Соцініанскій писатель XVII в. Сандъ приводитъ даже строку facsimile подлинника этого письма, состоящую изъ ряда знаковъ, похожихъ на греческія буквы, изъ которыхъ однако не возможно сложить какое-либо слово. Facsimile это приведено также и въ исторіи Карамзина.

[3]) Объ этомъ, между прочимъ, см. прекрасное изслѣдованіе проф. кіев. духовн. акад. И. Н. Малышевскаго, помѣщенное въ іюньской и іюльск. книгахъ „Трудовъ Кіев. Академіи“ за 1876 годъ.

посланъ, будтобы, въ 980 году въ Грецію для изслѣдованія вѣры и состоянія тамошнихъ христіанъ. Послѣ долгихъ и трудныхъ странствованій по европейскимъ и азіатскимъ владѣніямъ греческаго императора, половецъ Смера достигъ наконецъ Александріи, гдѣ нашелъ какихъ-то совершеннѣйшихъ христіанъ, по вѣрѣ и нравамъ совсѣмъ отличныхъ отъ остальныхъ грековъ. Плѣнившись обычаями и ученіемъ этихъ христіанъ, нашъ посолъ принялъ ихъ вѣру и самъ вступилъ въ ихъ общество; узнавши же, что Владиміръ тѣмъ временемъ принялъ вѣру отъ грековъ, Смера рѣшился никогда не возвращаться на Русь, а написалъ будтобы князю вышеупомянутое письмо. Въ письмѣ этомъ описываются весьма привлекательными чертами нравы и обычаи совершеннѣйшихъ александрійскихъ христіанъ, подъ видомъ которыхъ составители письма старались изобразить современныхъ имъ антитринитаріевъ. Это честные и благочестивые люди, богословы (т. е. говорящіе о Богѣ), которыхъ другіе народы называютъ народомъ святымъ, Божіимъ и новымъ Израилемъ. Они выше всего любятъ миръ и тишину и суть подлинно какъ-бы ангелы Божіи. У нихъ есть не мало молитвенныхъ домовъ христіанскихъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ идоловъ, а только столы и скамьи; сюда они ежедневно, по повелѣнію Божію, сходятся для ученія и молитвы—передъ восходомъ и потомъ послѣ заката солнца, иногда также въ третій и девятый часы дня. Далѣе въ письмѣ излагается догматическое ученіе этихъ необыкновенныхъ христіанъ, которое во всемъ оказывается сходнымъ съ ученіемъ антитринитаріевъ и именно полужидовствующаго направленія, преимущественно распространеннаго тогда среди южно-русскихъ сектантовъ. Но эти честные и благочестивые христіане терпятъ тяжкія преслѣдованія со стороны грековъ, подъ видомъ которыхъ составители письма разумѣли отчасти православныхъ, а больше, кажется, современныхъ имъ католиковъ, дѣйствительно преслѣдовавшихъ тогдашнихъ антитринитаріевъ. Греки эти, хотя и велятъ называть себя новымъ Израилемъ, но нравами болѣе похожи на аспидовъ и василисковъ. Они хитры, надменны, ложь могутъ выдать за дѣло справедливое, подражая въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ римскимъ ученіямъ и учрежденіямъ. Своимъ коварствомъ они стараются завлечь простыхъ людей въ свои синагоги и церкви. Они приказываютъ, чтобы въ ихъ роскошныя, хотя и созданныя

насиліемъ, божницы люди собирались для служенія идоламъ съ ѳиміамомъ и свѣчами и всякаго рода яственными жертвами, послѣ чего они оскверняются объяденіемъ, топаютъ ногами, плещутъ руками, издаютъ разноголосое пѣніе на подобіе музыки и ведутъ себя до такой степени безстыдно, что нельзя ни говорить, ни писать объ этомъ; сверхъ того они велятъ, чтобы по смерти ихъ были почитаемы и славимы на вѣчныя времена ихъ изображенія. А тѣхъ благочестивыхъ христіанъ нечестивые греки приневоливаютъ служить себѣ, платить дань и причиняютъ имъ многія другія обиды; по этому первые собираются въ укрытыхъ мѣстахъ, въ гробахъ, въ горахъ, лѣсахъ, говоря, что избѣгаютъ нечестиваго рабства, причемъ пророчествуютъ о скорой гибели надменныхъ грековъ, а равно и тѣхъ, которые усвоятъ ихъ вѣру и обычаи. Въ числѣ этихъ пророчествъ достойно особеннаго вниманіе одно, долженствовавшее, по мысли составителей письма, относиться именно съ самимъ антитринитаріямъ: это пророчество о возстаніи въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа судей и обличителей грековъ, которыхъ они будутъ называть псами, сочинителями басенъ, лжецами и обманщиками, а сами, по призванію отъ Бога, обратятся къ изслѣдованію всѣхъ писаній себѣ во спасеніе. Путь ихъ будетъ тяжелъ среди богатыхъ грековъ и другихъ однонравныхъ съ ними людей. Но гонители скоро увидятъ свой позоръ и гибель и идолы ихъ войдутъ въ притчу у чужихъ народовъ. А судьба гонимыхъ измѣнится къ лучшему; ибо въ лицѣ ихъ послѣднее поколѣніе славянскаго народа соединится съ великою ревностью для похвалы и исповѣданія единаго Бога израилева, который освободитъ свой вѣрующій народъ отъ грѣховъ его. Съ нимъ и послѣдній іудейскій родъ познаетъ вмѣстѣ съ прочими народами ученіе Христа и получитъ спасеніе, потому что покорится волѣ Бога своего. Тогда-то для тѣхъ истинныхъ христіанъ настанетъ время наслѣдовать всякую честь и власть за свое ученіе и образъ жизни, какъ то указывается въ древнѣйшемъ писаніи. Письмо заключается убѣжденіемъ, чтобы Владиміръ не принималъ обычаевъ и вѣры греческой (въ другихъ спискахъ прибавлено: и римской).

Нужно замѣтить, что письмо половца Смеры не есть единственный памятникъ, свидѣтельствующій о попыткахъ тогдашнихъ сектантовъ вести пропаганду своего ученія при помощи сочиненій

и книгъ на русскомъ языкѣ. Въ тоже самое время составлялись и издавались такія же книги въ Литвѣ, при содѣйствіи главнымъ образомъ извѣстнаго антитринитаріанскаго писателя и учителя Симеона Буднаго, о которомъ есть извѣстіе, что въ молодости онъ исповѣдывалъ православіе. Еще въ бытность свою кальвинскимъ пасторомъ, Будный издалъ въ 1562 г. въ Несвижѣ на русскомъ языкѣ *кальвинскій катихизисъ*, назначая его «для простого народа русского и для христіанскихъ дѣтокъ рускихъ» [1]). Посвящая изданіе дѣтямъ князя Радзивилла, издатель выражаетъ радость, что въ новооснованной несвижской типографіи начинаютъ печататься книги на издавна славномъ и далеко распространенномъ языкѣ славянскомъ и поставляетъ въ честь молодымъ князьямъ, чтобы они, изучая языки чужеземные, любили и свой родной. Въ томъ же году Будный издалъ другое, уже съ скрытыми антитринитаріанскими тенденціями, сочиненіе на русскомъ языкѣ: «*Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ*», посвятивъ его Евстафію Воловичу, маршалку и писарю великаго княжества литовскаго. Сверхъ того, въ предисловіи къ катихизису Будный обѣщалъ выпустить скоро другое болѣе полное изданіе этой книги и напечатать новую «*О крещеніи и вечери Сына Божія*». Кромѣ несвижскихъ изданій Буднаго, существовали и другія сектантскія изданія на русскомъ языкѣ, изъ коихъ до нынѣ извѣстны, напр. *духовныя пѣсни* (всѣхъ 50), переведенныя съ нѣмецкаго [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что рукописныхъ антитринитаріанскихъ сочиненій существовало немалое количество. Объ одной изъ такихъ рукописей мы будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже, при обзорѣ пропаганды антитринитаріанской секты на Волыни. Разставаясь же съ галицкимъ антитринитаріанствомъ, о которомъ вообще сохранились крайне скудныя извѣстія, припомнимъ одинъ, съ перваго взгляда весьма странный упрекъ, какой сдѣлали въ 1585 г. галицкорусскіе православные дворяне тогдашнему кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ. Исчисливъ въ своемъ посланіи всѣ обиды и притѣсненія, какимъ подвергалось въ Галиціи православіе отъ иновѣрцевъ, они прибавляютъ: «а што еще ктому порубанія крестовъ святыхъ, побранія звоновъ кгволи (въ

[1]) Катихизисъ этотъ былъ потомъ изданъ вторично, въ Вильнѣ, въ 1584 г.

[2]) Пѣсни эти напечатаны въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и др. россійскихъ 1846 г. № 1.

угоду) *жидамъ?* И еще ваша милость и листы отворенные (т. е. открытые) противу церкви Божое *жидомъ на помощь даешъ*, къ потѣсѣ имъ и къ большому оболженю закону нашого и къ жалю нашому» [1]). Кто были эти жиды, открыто нападавшіе на православныя церкви въ Галиціи и лишавшія ихъ крестовъ, колоколовъ и другой утвари, и притомъ съ открытыми митрополичьими листами въ рукахъ? Не были-ли то жидовствующіе антитринитаріи, которые дѣйствительно во многихъ мѣстахъ отнимали иногда у православныхъ церкви и обращали ихъ въ свои молитвенные дома, лишая ихъ при этомъ крестовъ, иконъ и вообще всей обстановки отвергаемой ими церковной обрядности; причемъ они дѣйствовали не по одному праву сильнаго, а на основаніи признаваемаго польскими законами права свѣтскаго патронатства въ дѣлахъ вѣры, по которому, напр., помѣщики сплошь и рядомъ отнимали находившіяся въ ихъ имѣніяхъ православныя церкви и отдавали ихъ уніатамъ. При такомъ предположеніи станетъ хотя отчасти понятнымъ отношеніе къ означеннымъ дѣйствіямъ митрополита Онисифора Дѣвочки, который вообще отличался крайнимъ нерадѣніемъ къ дѣламъ церкви, за что и былъ низложенъ патріархомъ Іереміею, по желанію православныхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Орестъ Левицкій.

[1]) Акты Зап. Россіи, III, № 146.

КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ.

(*Памяти М. А. Максимовича*).

Генеалогическая и біографическая сторона русской исторіи, особенно западнорусской, до сихъ поръ такъ мало еще разработана, что даже спеціалисты подчасъ становятся втупикъ въ хаосѣ разнорѣчивыхъ показаній, невольно впадаютъ въ ошибки, смѣшивая и отождествляя лица въ сущности различныя, приписывая одному то, что относится совсѣмъ къ другому. Такое смѣшеніе ведетъ иногда къ анахронизмамъ, къ перестановкѣ во времени историческихъ фактовъ, а тѣмъ самымъ и къ невѣрному ихъ освѣщенію. Такимъ образомъ, точное установленіе генеалогическихъ и біографическихъ фактовъ, повидимому мелочныхъ и не имѣющихъ самостоятельнаго значенія, получаетъ и общій историческій интересъ, подобно тому, какъ полуистершаяся древняя монета даетъ иногда возможность окончательно принять или отвергнуть извѣстіе, представлявшееся для однихъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, а для другихъ—только легендой.

Точныя свѣдѣнія о князьяхъ Ружинскихъ, родѣ вообще небогатомъ исторически-замѣчательными личностями, представляютъ именно такого рода интересъ. Появляются эти князья въ исторіи лишь на короткое время, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, и такъ же быстро исчезаютъ безъ слѣда; выдвинувшаяся отрасль рода вымираетъ, богатыя ея владѣнія переходятъ въ чужія руки, а прочія вѣтви рода, хотя и не бѣдныя представителями, худаютъ и теряются въ массѣ мелкопомѣстной или и совсѣмъ безземельной шляхты. Но въ этомъ родѣ есть одинъ князь, имя котораго тѣсно связано съ весьма важнымъ фактомъ южнорусской исторіи: по словамъ нашихъ лѣтописцевъ и

историковъ, при гетманѣ князѣ Ружинскомъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ была введена первоначальная организація козачества, игравшаго въ этой исторіи такую видную роль. Самая однако личность этого дѣятеля до сихъ поръ не выяснена, и мы въ настоящемъ очеркѣ постараемся указать, по крайней мѣрѣ, ея вѣроятное положеніе въ генеалогіи рода,—въ ряду другихъ свѣдѣній объ этомъ родѣ и его представителяхъ.

Послѣднее слово въ литературѣ вопроса о гетманѣ Ружинскомъ принадлежитъ покойному М. А. Максимовичу. Когда былъ изданъ кіевскою археографическою комиссіею первый томъ актовъ о козакахъ (Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 1863 г.),—Максимовичъ напечаталъ нѣсколько писемъ къ предсѣдателю комиссіи, М. В. Юзефовичу, по поводу вступительной статьи В. Б. Антоновича къ этимъ актамъ. Эта статья, первая по времени въ ряду изслѣдованій по исторіи югозападной Руси, положившихъ прочное начало ученой репутаціи г. Антоновича, не могла однако не обладать и нѣкоторыми недостатками, какіе носятъ въ себѣ вообще *первые* труды, эти, такъ сказать, корректурные оттиски начинающаго писателя; авторъ главнѣйшимъ образомъ обратилъ вниманіе на изложеніе своей теоріи происхожденія козачества [1]) и на соотвѣтственную ей новую группировку фактовъ,—за то мѣстами была слаба детальная ихъ провѣрка. Эти-то фактическіе недосмотры и составляли попреимуществу предметъ возраженій Максимовича, въ числѣ ихъ и неточность относительно времени гетманства Ружинскаго, а слѣдовательно и реформъ въ козацкомъ устройствѣ. Максимовичъ былъ сильнѣе всего именно въ фактахъ и любилъ по каждому частному вопросу изъ извѣстнаго ему матеріала (а зналъ онъ и помнилъ замѣчательно много) выжимать уже все, до послѣднихъ мелочей, подбирая послѣднія иной разъ въ такихъ источникахъ, которые, казалось-бы, не содержатъ по данному предмету ни одной іоты. Не его, конечно, бывала вина, если иногда, вмѣсто точнаго рѣшенія, приходилось ограничиваться догадками по недостаточности самаго ма-

[1]) Главную суть статьи составляетъ сближеніе общины козацкой съ общиной древнерусской, всенародной. Если теорія эта и не представлялась *вполнѣ* доказательною, то она во всякомъ случаѣ указывала новый путь, окончательно устраняя прежнее „баснословіе“, выводившее козаковъ отъ козаръ, черкассовъ и т. п., какъ выводили когда-то Литву отъ Палемона, какъ продолжаютъ еще, несмотря на всѣ усилія г. Иловайскаго, выводить Русь отъ варяговъ.

теріала; отчасти такъ было и на этотъ разъ относительно Ружинскихъ, совершенно затемненныхъ разногласіями лѣтописцевъ, какъ современниковъ, такъ еще болѣе позднѣйшихъ компиляторовъ. Только новые матеріалы, частію съ тѣхъ поръ изданные вполнѣ, частію только описанные въ кіевскомъ центральномъ архивѣ [1]), позволяютъ теперь нѣсколько вѣрнѣе возстановить генеалогію Ружинскихъ, а тѣмъ опредѣлить и степень возможнаго ихъ участія въ козацкой исторіи.

Нѣкоторыя лѣтописи, какъ напримѣръ Грабянки, Самовидца (во введеніи къ ней), исторія Руссовъ, за ними Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ,—а изъ нихъ всѣхъ бралъ свои данныя и г. Антоновичъ въ той статьѣ,—начинаютъ рядъ козацкихъ гетмановъ съ Прецлава Лянцкоронскаго и съ 1506 года, за нимъ ставятъ Дмитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго, а тогда Венжика Хмельницкаго съ 1534 годомъ; нѣкоторые даютъ болѣе опредѣлительныя мѣста Вишневецкому (1512—1514) и Ружинскому (1514—1534). Максимовичу не трудно было доказать, что здѣсь анахронизмъ: дѣятельность Вишневецкаго по современнымъ свидѣтельствамъ относится лишь къ половинѣ XVI вѣка, смерть къ 1564 г., слѣдовательно и Ружинскаго Евстафія нужно было искать *послѣ* этого времени; Максимовичъ дѣйствительно и отыскалъ его въ 1569 г., на службѣ у черкасскаго старосты, кн. Михайла Вишневецкаго, а потомъ въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ, съ 1575 по 1581 годъ [2]). Оказывалось, что Евстафій и не гетманъ, хотя, конечно, возможно, что въ службѣ при черкасскомъ старостѣ и при кіевскомъ воеводѣ, которые имѣли тоже *своихъ* козаковъ, онъ и былъ при какомъ нибудь случаѣ предводителемъ ихъ отряда. Мы имѣемъ теперь возможность указать и первоначальный источникъ хронологической ошибки: нѣкоторые южнорусскіе хронисты-компиляторы, пользуясь польскими источниками, въ томъ числѣ и Гваньини, вслѣдъ за извѣстіями 1516 г. помѣщали взятый оттуда же краткій гео-

[1]) До сихъ поръ изданы архивомъ двадцать двѣ описи актовыхъ книгъ, по архивному списку №№ 1—12, 14, 16 и 18—25; изъ нихъ описи 1, 4, 5, 8, 9 и 10 составлены покойнымъ К. Е. Козловскимъ, съ котораго и началось ихъ изданіе; № 11—А. П. Свидницкимъ; № 14—Л. В. Ильницкимъ; № 19 и 25—А. Т. Бѣлоусовымъ; № 22—24—Г. В. Донцовымъ; остальныя мною. При дальнѣйшихъ ссылкахъ я буду указывать № описи и листъ подлинной книги, гдѣ помѣщенъ цитируемый актъ.

[2]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, (Кіевъ, 1876 г., т. I. Стр. 277—316: „Письма о козакахъ“.

графическій и историческій обзоръ козачества; такъ напр. Лукомскій, въ своемъ «Собраніи историческомъ», говоритъ, послѣ извѣстій 1516 г., о географіи сѣчевыхъ окрестностей, «точними словами Гвагниновыми»: «въ тѣ жъ времена дѣлали они (т. е. козаки) полякамъ великія безъ сомнѣнія прислуги, яко же они издревле били воини храбріи и туркамъ и татарамъ всегда страшніи, найпаче же при своихъ гетманахъ: при князѣ Дмитріи Вишневецкомъ, при козачіихъ вождахъ—при Бирулѣ, при Темрюкѣ Пятигорцѣ, при *Александрѣ*, при *Михайлѣ* и при *Евстафіи* князяхъ *Ружинскихъ*, *старостахъ черкасскихъ*, при Прецлавѣ Лянцкоронскомъ, а особливо при Зборовскомъ, при *князѣ Ружинскомъ* (sic), при Косѣнскомъ, при Иванѣ Свѣрговскомъ и при инихъ своихъ гетманахъ» [1]). Перечень этотъ, заключая въ себѣ лица дѣйствительныя, историческія (Бируля—ошибка вм. Бирута), не имѣетъ однако ни малѣйшей претензіи на хронологическую послѣдовательность, такъ какъ тѣ же лица упоминаются и позже, и не въ томъ порядкѣ; но относительно собственно Ружинскихъ, которыхъ здѣсь поименно перечислено три, сдѣлано столько же и ошибокъ. Такъ какъ вслѣдъ за этимъ приводятся два извѣстія 1518 и 1528 годовъ, гдѣ упоминается, безъ фамиліи, черкасскій староста Евстафій (т. е. *Дашковичъ*), а компилятору извѣстенъ былъ по другимъ источникамъ Евстафій Ружинскій, то онъ смѣшалъ оба лица, перенесъ Ружинскаго за полвѣка назадъ, гдѣ онъ и пребывалъ по всѣмъ «исторіямъ», пока не извлекъ его оттуда Максимовичъ. Точно также понятна ошибка объ Александрѣ и Михайлѣ: компиляторъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи одинъ княжескій родъ, и еще эти два лица, тоже съ княжескимъ титуломъ, но безъ фамиліи: не долго думая, онъ свелъ ихъ въ родство. На самомъ же дѣлѣ это родные братья князья *Вишневецкіе*; старшій изъ нихъ, Михайло Александровичъ, впослѣдствіи кіевскій каштелянъ, упоминается въ званіи черкасскаго старосты въ 1569—1576 гг.,—при немъ-то и служилъ въ Черкасахъ Евстафій Ружинскій [2]), а меньшой, Александръ Александровичъ, получилъ староства черкасское и каневское послѣ брата и владѣлъ ими въ 1581—1593 гг. [3]). Такимъ образомъ, этотъ

[1]) Лѣтопись Самовидца, по кіевскому изданію, стр. 332.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, т. I, стр. 22, 24.—Архивъ югозап. Россіи, ч. V, т. I, стр. 69 и 71.

[3]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 55—57; ч. V, т. I, стр. 71, 84—86 и 541.

quasi-лѣтописный текстъ, съ тремя именами гетмановъ Ружинскихъ, разрѣшается только въ прежнее недоумѣніе, безсознательно выразившееся и у самого компилятора въ томъ, что рядомъ съ ними оставилъ онъ еще и четвертаго Ружинскаго, безыменнаго.

Въ одномъ изъ актовъ, по поводу которыхъ писалъ Максимовичъ свои «Письма», упоминается подъ 1585 г. гетманъ князь Михайло Ружинскій [1]); конечно, свидѣтельство современнаго урядоваго документа, въ которомъ притомъ же эта личность не является ни заинтересованной стороной, ни объектомъ интереса чьего бы то ни было, не могло подвергаться сомнѣнію. Принимая его въ списокъ гетмановъ, Максимовичъ попытался опредѣлить его генеалогическое мѣсто; встрѣтивъ въ числѣ Ружинскихъ одновременно два лица этого имени, онъ затруднялся было, къ которому пріурочить гетманство. Въ спискѣ волынскихъ дворянъ владимірскаго повѣта, присягавшихъ въ 1569 г. на люблинскую унію, упомянуто шесть лицъ этого рода: къ присягѣ явились лично *Михайло* и Дмитрій *Ивановичи* и заявили при этомъ, что братъ ихъ князь Григорій служитъ у князя Романа, воеводы брацлавскаго (т. е. Сангушка), и «держитъ урядъ его королевское милости въ Рѣчицѣ», т. е. состоитъ тамъ подстаростою или намѣстникомъ [2]), а другой братъ, князь Остафій, служитъ черкасскому старостѣ князю Михайлу Вишневецкому и ѣдетъ съ нимъ къ королю въ Люблинъ; князь же Стефанъ Ружинскій заявилъ при присягѣ, что братъ его князь *Михайло* на ту пору осѣдлости не имѣетъ, всю часть свою заставилъ [3]) и поѣхалъ къ пріятелямъ въ Польшу [4]). Максимовичъ очень удачно усмотрѣлъ предшествовавшее этимъ шести лицамъ поколѣніе Ружинскихъ въ князьяхъ Роговицкихъ или Ероговицкихъ, упомянутыхъ въ описаніи волынскихъ замковъ 1545 года [5]): его навела

[1]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 16.

[2]) Князь Романъ Сангушко, кромѣ должности Брацлавскаго воеводы, былъ еще старостой Житомирскимъ и „державцей" Рѣчицкимъ.

[3]) Застава—особый видъ залога недвижимости, при которомъ, вмѣсто платежа процентовъ, въ пользованіе кредитора передавалось само закладываемое имущество, впредь до выкупа; застава была залогомъ безсрочнымъ, такъ что на право выкупа не вліяла давность, но самый выкупъ могъ производиться только въ извѣстные періодическіе сроки (чаще всего каждые три года), опредѣленные въ первоначальномъ договорѣ; при невыкупѣ въ срокъ, собственникъ не терялъ своего права, но могъ приступить къ выкупу только снова по истеченіи такого же промежутка времени, и т. д.

[4]) Жизнь кн. Курбскаго, т. I, стр. 20, 22, 23.

[5]) Памятники, изд. кіев. коммисіей, т, IV, отд. II, стр. 23, 41, 110.

на мысль принадлежность этой нигдѣ болѣе не встрѣчающейся фамиліи имѣнія Ружина и упоминаніе въ числѣ ея представителей князя Ивана, соотвѣтствующаго отчеству четырехъ выше упомянутыхъ братьевъ; отсюда онъ опредѣлилъ, что князья Стефанъ и Михайло были по отцу Федоровичи. «Я вижу теперь [1]), говоритъ Максимовичъ, что не Михайло Ивановичъ Ружинскій, человѣкъ семейный и степенный, а этотъ другой, бездомовный Михайло Ружинскій, ѣздившій къ своимъ пріятелямъ въ Польшу, отправился впослѣдствіи козаковать на Запорожье и былъ тамъ гетманомъ въ 1585—1588 годахъ» [2]). Догадка эта казалась очень вѣроятной и могла бы быть признана за доказанную, если бы только нашлось указаніе, что именно «этотъ» Михайло Федоровичъ появлялся когда нибудь въ Днѣпровской Украинѣ. Но теперь мы имѣемъ актъ 1606 года о раздѣлѣ имѣнія Ружина между сонаслѣдниками, позволяющій намъ возстановить съ большею точностію генеалогію Ружинскихъ. Въ актѣ этомъ говорится: «тотъ померъ справеный и розмероный есть на три части, водлугъ трохъ давныхъ продковъ братій рожоныхъ князевъ Ружинскихъ, которыхъ именами звано Иванъ, Василій а Ѳедоръ» [3]),—это тѣ именно имена, съ какими за шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ упомянуты Роговицкіе, чѣмъ и оправдывается догадка относительно ихъ Максимовича. Напрасно только самое имя считалъ онъ за описку или ошибку: это такое же прозваніе по мѣстности, какъ и Ружинскіе; послѣднее произошло отъ имѣнія Ружина, въ тогдашнемъ владимірскомъ повѣтѣ, а первое—по имѣнію Роговичамъ, въ повѣтѣ луцкомъ, которое принадлежало имъ же [4]); деревня эта существуетъ и въ настоящее время, въ южной части владимірскаго уѣзда, относившейся тогда къ Луцку. Въ числѣ потомковъ этихъ трехъ братьевъ, въ линіи Федора, встрѣчаемъ Александра и Григорія Михайловичей, т. е. признанный за гетмана по своей «бездомовности» Михайло Федоровичъ былъ на самомъ дѣлѣ человѣкомъ одомашнившимся, женился на Раинѣ Стакорской и оставилъ потомство; съ другой стороны «семейный и степенный» Ми-

[1]) Максимовичу былъ извѣстенъ данный актъ еще въ рукописи, и въ одной своей болѣе ранней статьѣ онъ поставилъ въ число гетмановъ кн. Михайла *Ивановича* Ружинскаго. Собр. соч., т. I, стр. 242.

[2]) Собр. соч., т. I, стр. 300—301.

[3]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. I, стр. 315—316.

[4]) Памятники, т. IV, отд. II, стр. 110.

хайло Ивановичъ передалъ въ наслѣдство своимъ тремъ сыновьямъ прибавочное отчество «Бурдиновичей», мало говорящее въ пользу его степенности, такъ какъ польское слово «burda» означаетъ ссору, драку, свалку, и поэтому прозваніе «Бурдинъ» всего вѣрнѣе будетъ перевести «Забіякой». Не искать ли намъ, по этому признаку, гетмана въ князѣ Михайлѣ Ивановичѣ?

Но въ актахъ кіевскаго архива мы находимъ еще одно лицо того же имени, именно Михайла *Евстафьевича* Ружинскаго,—лицо наиболѣе и единственно соотвѣтствующее искомому гетману Ружинскому: по службѣ отца—онъ уроженецъ и постоянный житель Поднѣпровья; князья Кирикъ и Николай, братъ которыхъ, по Папроцкому, былъ гетманомъ,—его родные братья; наконецъ, въ томъ самомъ актѣ, гдѣ онъ названъ по отчеству, хотя не говорится о его гетманскомъ достоинствѣ, за то сказано ясно, что онъ дѣлалъ одинъ наѣздъ, «маючи помочниками зъ собою бояръ и подданныхъ его милости (кн. Януша Острожскаго) Сапоговскихъ и Рублевскихъ о колко сотъ, а особливо *своихъ козаковъ*, людей незнаемыхъ, гультаевъ люзныхъ, которыхъ право посполитое ховати боронить, а онъ *ихъ при собе обецне переховываетъ*» и т. д. Отсюда ясно, что гетманомъ былъ именно «этотъ» Михайло, и генеалогическія отношенія извѣстныхъ намъ пока двадцати шести лицъ изъ рода Ружинскихъ выясняются вполнѣ.

Представляемъ эту генеалогію въ слѣдующей схемѣ, гдѣ цифры *передъ* каждымъ именемъ идутъ по порядку, а *послѣ* каждаго имени—указываютъ число, подъ которымъ значится отецъ.

1. Неизвѣстный по имени, въ началѣ XVI вѣка.
2. Иванъ, упоминается въ 1545 г. . . . . 1.
3. Василій, † до 1545; жена его Настасія . . . . . 1.
4. Федоръ, † до 1545; жена его Василиса (?) . . . 1.
5. Григорій Ивановичъ, упом. въ 1569 г. . . . . 2.
6. Остафій Ивановичъ, упом. въ 1569—1586; . . . 2.
7. Михайло Ивановичъ, упом. въ 1569; . . . . . 2.
8. Дмитрій Ивановичъ, упом. въ 1567 и 1569 . . . 2.
9. Адамъ Григорьевичъ, упом. въ 1600—1625 . . . 5.
10. Михайло Евстафьевичъ, гетманъ, упом. въ 1585—1588. 6.
11. Николай Евстафьевичъ, упом. въ 1588—1591; жена Галжбета Касперовна . . . . . 6.

12. Кирикъ Евстафьевичъ, упом. въ 1577—1598; жена его Ядвига, во 2-мъ бракѣ кн. Чорторыйская . . . 6.
13. Романъ Кириковичъ, упом. съ 1600, † 1610; жена Софія Карабчевская, во 2-мъ бракѣ Ходкевичева . . 12.
14. Настасья-Томила, † ранѣе 1611 г. . . . . 12.
15. Елена, въ замужествѣ за Угровецкимъ, упом. въ 1609—1611 . . . . . 12.
16. Янъ Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 . . 7.
17. Иванъ Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 . 7.
18. Григорій Михайловичъ Бурдиновичъ, упом. въ 1606 7.
19. Стефанъ Федоровичъ, упом. въ 1569. . . . . 4.
20. Абрамъ Федоровичъ, † до 1569; жена Катерина Духовна. 4.
21. Михайло Федоровичъ, упом. въ 1569; жена Раина Ставорская . . . . . 4.
22. Александръ Федоровичъ, † до 1569; . . . . . 4.
23. Иванъ Стефановичъ, упом. въ 1606—1611; . . . 19.
24. Александръ Михайловичъ, упом. въ 1606 . . . . 21.
25. Григорій Михайловичъ, упом. въ 1606; . . . . . 21.
26. Богданъ (Михайловичъ?), упом. въ 1575; † 1576 . 7 или 21?

Большая часть этихъ лицъ прожила безвѣстно, и сказать о нихъ нечего; лишь нѣкоторые изъ нихъ принимали большее или меньшее участіе и въ жизни общественной, а потому заслуживаютъ болѣе подробнаго упоминанія.

Князь *Адамъ Григорьевичъ* (№ 9) записался въ члены Львовскаго православнаго братства около 1600 года, потомъ проживалъ на Украинѣ, у своего двоюроднаго племянника Романа, отдавшаго ему въ пользованіе имѣніе Вчерашнее, принималъ участіе въ его наѣздахъ на сосѣдей, а потомъ ходилъ съ нимъ же на Москву, къ Тушинскому вору; возвратясь оттуда въ 1610 г., онъ жилъ на Волыни, въ Ружинѣ, какъ видно изъ того, что еще въ 1625 г. однажды здѣсь собирался копный судъ на которомъ присутствовали и всѣ «паны» Ружинскіе, по жалобѣ крестьянина «урожоного князя Адама Ружинского» [1]).

Князь *Дмитрій Ивановичъ* (№ 8) былъ полковникомъ отряда кн. Сангушко, въ походѣ противъ Москвы 1567 г., при гетманѣ Григоріѣ Ходкевичѣ, и участвовалъ въ битвахъ при Чашникахъ и Иваняхъ [2]).

[1]) Архивъ, ю.-з. Рос, ч. VI, т. I, стр. 350, 454.

[2]) Niesiecki, Korona Polska, т. III изд. (1740), стр. 898.

О князѣ *Евстафіѣ Ивановичѣ* (№ 6) было уже говорено выше; достовѣрныя извѣстія о немъ сводятся къ слѣдующему: въ 1569 г. онъ служитъ у Черкасскаго старосты; въ 1575, какъ говоритъ Максимовичъ на основаніи рукописныхъ документовъ Межигорскаго монастыря, онъ уже въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ; здѣсь же мы видимъ его и въ 1581 г., но вскорѣ онъ оставляетъ эту должность, такъ какъ уже въ 1582 г. намѣстникомъ названъ Григорій Мацевичъ, а послѣ (съ 1585) занимаетъ ее князь Матушъ Воронецкій, извѣстный своимъ самоуправствомъ и постоянными раздорами съ кіевской лаврой, съ мѣщанами, а потомъ и съ запорожскими козаками. Въ послѣдній разъ встрѣчаемъ кн. Евстафія въ 1586 г., когда онъ, будучи опекуномъ земянина Корчовскаго, участвовалъ, вмѣстѣ съ другими опекунами, въ ограбленіи опекаемаго [1]).

Князь *Николай Евстафьевичъ* (№ 11) встрѣчается въ актахъ 1588—1591 гг., какъ владѣлецъ переданныхъ ему братомъ Кирикомъ имѣній, Паволочи, Котельни, Ружина, Иргачова и другихъ; слѣдовательно, владѣнія Ружинскихъ занимали тогда сѣверную часть нынѣшняго Сквирскаго уѣзда и прилегающую мѣстность Житомирскаго; отсюда же мы видимъ, что здѣшній Ружинъ вовсе не былъ родовымъ имѣніемъ Ружинскихъ, какъ это думали прежде [2]), а только преобразованъ ими въ городъ и переименованъ, прежнее же названіе этой мѣстности было Счербовъ или Щербовъ [3]); названіе Иргачова сохранилось только въ народномъ преданіи [4]), теперь же это село Рогачи въ сквирскомъ уѣздѣ. Жена кн. Николая названа въ актахъ Галжкою Касперовною, а въ одной позднѣйшей грамотѣ Елисаветою, что впрочемъ не составляетъ противорѣчія, такъ какъ послѣднее имя въ тогдашнемъ языкѣ имѣло также форму «Галжбета» (ср. польское Elżbieta), откуда и Галжка; нужно однако замѣтить, что текстъ этой грамоты, приводимой Похилевичемъ,

---

[1]) Курбскій, т. I, стр. 20—23.—Опись № VIII, листы 4 на оборотѣ, 10, 108, 174.

[2]) Niesiecki, т. III, стр. 897.—Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губ., стр. 209, смѣшивая князей Ружинскихъ съ князями Половцами-Рожиновскими, вымороченое наслѣдство которыхъ подало поводъ къ тяжбамъ и подлогамъ въ актахъ XVI и начала XVII вѣка, пріурочиваетъ къ Ружину даже и ихъ. Объ этомъ дѣлѣ см. въ статьѣ В. Б. Антоновича „Пани Ходыки“ въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“, стр. 248 и слѣд.

[3]) Опись № XVIII, л. 102 на об.—Braciawszczyzna (въ сборникѣ Kwiaty i Owoce, wyd. Trusiewicz, K., 1870), стр. 295.

[4]) Похилевичъ, стр. 246.

чемъ въ переводѣ, по его обыкновенію безъ указанія источника, очень сомнителенъ, такъ какъ она называетъ князя Николая Ружинскаго, подъ 1591 годомъ, «кіевскимъ воеводою», какимъ никогда ни одинъ Ружинскій не былъ, а былъ на ту пору—да задолго раньше и послѣ—князь Константинъ Константиновичъ Острожскій [1]); но дѣйствительно въ этомъ году кн. Николаю даны были «за военныя заслуги» пустыя земли, гдѣ вскорѣ возникло м. Романовка [2]).

Князь *Михайло Евстафьевичъ* (№ 10) гетманъ козацкій, упоминается въ этомъ званіи въ концѣ 1585 г.; года полтора спустя, весною 1587, мы встрѣчаемъ его на границахъ Волыни, жителемъ села Рублевки (теперь Врублевка новградволынскаго у.), которое онъ арендовалъ у волынскаго воеводы, князя Януша Константиновича Острожскаго; отсюда онъ дѣлалъ иногда наѣзды на сосѣдей, какъ напр. на село Колодежную, съ участіемъ своихъ козаковъ (выписка изъ акта приведена выше), причемъ захватилъ силою двадцать четыре крестьянскихъ семьи со всѣмъ имуществомъ и переселилъ въ другое имѣніе Острожскаго, Сапогово (имя это сохранилось только въ названіи рѣчки Сапоговки); скоро впрочемъ кн. Михайло поссорился со своимъ патрономъ, выселился въ наслѣдственную Паволочь, а отсюда даже наѣзжалъ на имѣнія самого Острожскаго. Съ конца 1587 г., въ мѣстныхъ актахъ мы его не встрѣчаемъ, а потому очень вѣроятно, что именно его слѣдуетъ видѣть въ томъ гетманѣ Ружинскомъ, который былъ во Львовѣ съ козаками въ слѣдующемъ году [3]). Въ томъ же самомъ году, вмѣстѣ съ братомъ Кирикомъ, онъ оказывается и на Запорожьи. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ писалъ тогда крымскому султану Казы-Гирею: «Прежде, какъ былъ на крымскомъ юртѣ Исламъ-Гирей, то мы послали рать свою большую на Донъ и Волгу, со многими воеводами а идти было имъ съ Муратъ-Гиреемъ царевичемъ на Исламъ-Гирея царя, за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику и къ князю Михайлу Ружинскимъ, къ атаманамъ (т. е. ихъ обоихъ считаютъ атаманами, что, по тогдашней московской

[1]) Опись № VIII, л. 328.—№ IX, л. 24.—Похилевичъ, стр. 139.

[2]) Baliński i Lipiński Starożytna Polska, т. II, стр. 524. — Семеновъ, Геогр.-статист. словарь, т. IV, стр. 314.—Moraczewski, Starożytności Polskie, т. II, стр. 368.

[3]) Опись № VIII, лл. 114 на об., 227 на об., 280, 303.—Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 16.—7. VI, т. I, стр. 170—174.—Зубрицкій, Хроника мѣста Львова, стр. 213.

номенклатурѣ, могло означать и гетмана), и къ черкасамъ, послали мы головъ Лихарева и Хрущова, велѣли имъ идти со всѣми черкасами на Крымъ. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то походъ отложили, и послали къ тебѣ языка, татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князья Ружинскіе [1]).

Князь *Кирикъ Евстафьевичъ* (№ 12) чаще другихъ упоминается въ современныхъ источникахъ, и потому имѣемъ о немъ болѣе свѣдѣній, хотя данныя собственно актовыя относятся больше къ его частной жизни, чѣмъ къ дѣятельности общественной. За свои военныя заслуги онъ получилъ отъ короля Стефана «урочище Котельню», что было потомъ подтверждено и сеймомъ 1581 г.; впрочемъ, князь Кирикъ не бѣденъ былъ и раньше: такъ можно судить по крайней мѣрѣ потому, что ему случалось покупать дорогія для того времени вещи, а продавцы ихъ оказывали ему кредитъ; онъ не торопился однако уплачивать свои долги [2]). Получивши Котеленское имѣніе, онъ не разъ прибѣгалъ къ обычному въ то время способу «округленія границъ»—къ наѣздамъ и захвату сосѣднихъ земель; бо̀льшая часть упоминающихъ о немъ документовъ заключается въ жалобахъ на него сосѣдей, которые, въ свою очередь, прибѣгали къ самозащитѣ, а иногда самоуправству, представляя тѣмъ поводы къ жалобамъ со стороны Ружинскаго. Во все время съ 1583 по 1590 г. (за болѣе раннее время, а равно за десятилѣтіе 1591—1600 книгъ кіевскаго воеводства не сохранилось) не прекращаются спорныя дѣла о границахъ, о захватѣ земель, мельницъ, скота, объ уводѣ крестьянъ, о обоюдныхъ насиліяхъ надъ слугами и крестьянами сосѣда; владѣльцы помельче, каковы были здѣсь напр. Котлубаи, владѣвшіе Ильяшевымъ и Волынецкимъ грунтомъ, Стрижовскіе, которымъ принадлежало Вербовое, а по другимъ извѣстіямъ и самый Щорбовъ [3]),—не были въ

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос., т. VII, стр. 319. Въ слѣдующемъ году предводителемъ запорожскаго похода на Крымъ является уже атаманъ Кулага, убитый при разграбленіи Козлева (Евпаторіи). Тамже, 320.

[2]) Въ духовномъ завѣщаніи Брацлавскаго каштеляна Василія Загоровскаго, 1577 г., читаемъ: „Мнѣ князь Кирикъ Ружинскій за ланцухъ мой сто золотыхъ польскихъ, то есть сорокъ копъ грошей, описавшися подъ добрымъ словомъ квитомъ своимъ, *одъ часу немалого* виненъ зосталъ“. Архивъ ю.-з. Рос., ч. I, т. I, стр. 76, 77.

[3]) Bracławszczyzna, стр. 295.

силахъ выдерживать эту ежедневную войну, и избавлялись отъ нея только продажею своихъ имѣній кому-либо изъ болѣе сильныхъ сосѣдей: ими руководило то-же стремленіе, какое вынуждало нерѣдко свободныхъ земледѣльцевъ записываться за господъ въ крестьяне [1]). Но другіе выдерживали борьбу не безъ успѣха, опираясь на свое богатство, связи, вооруженную челядь, отражали силу силою, и сами захватывали земли Ружинскихъ; таковы были здѣсь: Берестейскій воевода Гаврило Горностай, владѣлецъ Лещина и Тулина; Матвѣй Немиричъ, предокъ извѣстныхъ Юрія и Стефана,— ему принадлежала Ивница; Фридрихъ Тышкевичъ, владѣвшій Коднею; владѣлецъ Ловкова Богданъ Стрыбыль и др. [2]). Имѣнія Горностая Ружинскій пытался присвоить себѣ сполна, утверждая, что они входятъ въ составъ полученнаго имъ пожалованія и переданы ему вмѣстѣ съ Котельней королевскими комиссарами; этотъ споръ повелъ къ назначенію новой комиссіи для отвода границъ, и мы встрѣчаемъ слѣды ея, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Станислава Жолкевскаго, еще въ 1597 году [3]). Въ ряду актовъ встрѣчаемъ нелишенныя интереса, хотя отрывочныя, указанія, что князь Кирикъ дѣйствовалъ и въ Поднѣпровьѣ: къ нему, вмѣстѣ съ княземъ Михайломъ, обращалось «за пороги» московское правительство въ 1588 году; съ нимъ вели дѣло о насиліяхъ съ его стороны каневскіе бояре; на связи его съ козаками указываетъ и упоминаніе козацкаго сотника Дашка, «подданого князя Кирика Ружинского зъ Заволоча», не говоря уже о братѣ-гетманѣ; возможно, что и Кирикъ былъ съ козаками во Львовѣ въ 1588 г., такъ какъ имя его встрѣчаемъ въ числѣ членовъ Львовскаго братства; а именно въ это время онъ отсутствовалъ изъ Укра-

[1]) Авторъ только что цитированной статьи, придерживаясь общепринятаго у польскихъ писателей мнѣнія (недавно снова внесеннаго и въ русскую литературу прежнимъ его противникомъ П. А. Кулишомъ) о колонизаціи югозападной Руси помѣщиками, и преимущественно крупными, повторяетъ нѣсколько разъ, что мелкіе владѣльцы сбывали имъ свои имѣнія подъ вліяніемъ разорявшихъ ихъ татарскихъ набѣговъ; но акты показываютъ, что сосѣдство сильнаго пана становилось à la longue разорительнѣе татарскихъ нашествій: послѣднія повторялись изрѣдка, тогда какъ крупный сосѣдъ притѣснялъ ежедневно, такъ сказать хронически, и поневолѣ приходилось уступать ему свои земли, въ виду той неутѣшительной дилеммы, какую выражаетъ мѣстная поговорка: „або дай,—або выдеру"....

[2]) Всѣ упомянутыя имѣнія находятся по сосѣдству съ Котельней, въ юговосточномъ углу Житомирскаго уѣзда.

[3]) Опись № VIII, л. 99; № I, лл. 27, 33.

ины, и жалобы по дѣламъ занесены его женою [1]); если предположить, что онъ уѣзжалъ тогда на сеймъ, то вѣроятно княгиня Ядвига не преминула бы упомянуть объ этомъ, какъ упоминаетъ она о подобномъ обстоятельствѣ въ другое время [2]). Взаимныя отношенія его съ козаками скоро стали впрочемъ очень недружелюбны; въ 1597 г. козацкій гетманъ Матвей Шаула писалъ къ нему изъ Кіева съ упреками за враждебное положеніе, припоминалъ прежнюю службу козаковъ Ружинскимъ, просилъ посредничества для примиренія козаковъ съ преслѣдовавшимъ ихъ коронным гетманомъ Станиславомъ Жолкевскимъ, обѣщая вѣрную и дѣятельную по прежнему службу за порогами; но нѣсколько раньше этого письма вышелъ изъ Кіева-же полковникъ Сасько для разоренія имѣній Ружинскаго. Кирикъ Евстафьевичъ, бывшій со своимъ отрядомъ впереди польскаго войска, напалъ на козаковъ врасплохъ, захватилъ многихъ въ плѣнъ и казнилъ изъ нихъ болѣе пятидесяти; Жолкевскій былъ видимо возмущенъ этимъ поступкомъ: «я, замѣчаетъ онъ, не считая убитыхъ въ сраженіи, уберегъ свои руки отъ ихъ крови; я предпочолъ бы лечить заражонные члены, чѣмъ отсѣкать; впрочемъ, прибавляетъ онъ въ извиненіе, не диво и князю Ружинскому: и всю эту землю (т. е. мѣстныхъ земянъ), а его въ особенности проняли козаки до живого»[3]). Князь Кирикъ и по своимъ мѣстнымъ связямъ, и по военной опытности, и по значительности находившихся въ его распоряженіи военныхъ средствъ, былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ козакамъ въ тогдашней войнѣ. Такъ, видя недостатокъ артиллеріи при Жолкевскомъ, онъ обѣщалъ ему десятка полтора орудій со всѣми боевыми снарядами [4]). Ему въ значительной степени обязаны поляки быстрымъ окончаніемъ войны; къ его приходу въ кіевское воеводство, дѣла были въ такомъ положеніи: одинъ изъ козацкихъ отрядовъ, Наливайка, былъ нѣсколько разъ разбитъ Жолкевскимъ, деморализованъ и, въ отступленіи изъ брацлавскаго воеводства въ Кіевщину, постоянно уменьшался въ числѣ; Лобода съ Саськомъ занималъ Бѣлую Цер-

[1]) Опись № VIII, л. 160 на об.—Архивъ ю.-з. Рос., ч. III, т. I, стр. 58.—Опись № VIII, лл. 336, 359 на об.—Соловьевъ, т. VII, стр. 319.

[2]) Опись № IX, л. 5 на об.

[3]) Listy Stanisława Żołkiewskiego, Краковъ, 1868, стр. 74, 75.

[4]) „Swoich kilkunastu dział obiecał, do których powiada że ma dostatki wszystkie“ Тамже, стр. 72.

ковь, а Шаула, при которомъ была вся козацкая артиллерія, подвигался изъ Могилевскаго края къ Кіеву. Узнавъ о пораженіи Наливайка, Лобода побоялся ожидать наступленія поляковъ, двинулся тоже къ Кіеву; но едва присоединились къ нимъ свѣжія силы, едва получили они артиллерію, челны и съѣстные припасы (то и другое было заготовлено Шаулою еще въ Пропойскѣ и Быховѣ), козаки пріободрились, провозгласили Шаулу гетманомъ, Сасько, какъ мы видѣли, былъ отряженъ къ Паволочи, а главныя силы выступили для занятія вновь Бѣлой Церкви и навстрѣчу Наливайку. Ружинскому приказано было отъ Жолкевскаго итти впередъ осторожно, провѣдывать о козакахъ и ждать главныхъ силъ въ Паволочи; но князь Кирикъ, разбивъ Саська, подступавшаго со стороны Каменки (рѣчка въ нынѣшнемъ Васильковскомъ уѣздѣ), поспѣшилъ воспользоваться своимъ успѣхомъ и быстрымъ движеніемъ опередивъ козаковъ, занялъ Бѣлую Церковь, представлявшую для того времени немаловажную крѣпость. Мы находимъ его здѣсь уже 28 марта, а соединенныя козацкія силы,—къ нимъ прибылъ уже и Наливайко, у котораго также оставалось нѣсколько пушекъ и пожалованное въ 1594 г. запорожцамъ эрцгерцогомъ Максиміліаномъ знамя,—всего до 7000 человѣкъ, подступили къ городу только 2 апрѣля. Они стали было приступать къ крѣпости, но и они, и Ружинскій—знали о приближеніи Жолкевскаго. Обезпеченный этимъ, Ружинскій сдѣлалъ смѣлую и успѣшную вылазку, во время которой козаки хотя и ворвались было другими воротами въ городъ, но онъ успѣлъ ихъ выбить оттуда. Къ приходу на другой день Жолкевскаго, козаки отступили отъ города и двинулись къ Триполью, окруживъ себя по обыкновенію «таборомъ» изъ пяти рядовъ повозокъ, вооруженнымъ слишкомъ двадцатью пушками. Жолкевскій преслѣдовалъ ихъ издали до вечера, и только узнавъ отъ перебѣжчиковъ о смутахъ между козаками, рѣшился на нападеніе. Онъ приписываетъ себѣ побѣду, и дѣйствительно, козаки понесли большія потери: Сасько былъ убитъ, Шаулѣ ядромъ оторвало руку, и на его мѣсто гетманомъ избранъ Наливайко, хотя тоже раненый; но изъ того, что таборъ остался неразорваннымъ, и козаки могли продолжать на всю ночь отступленіе, тогда какъ поляки не только не рѣшились на немедленное преслѣдованіе, а даже, переночевавъ на мѣстѣ битвы, отошли назадъ къ Бѣлой Церкви, оставивъ козаковъ

безпрепятственно переправляться за Днѣпръ,—изо всего этого видна нерѣшительность исхода. Если таковъ оказался онъ въ открытомъ полѣ, то тѣмъ труднѣе было бы полякамъ, если бы Ружинскій, согласно данному ему приказанію, ожидалъ въ Паволочи, а козаки заняли Бѣлую Церковь, которую самъ Жолкевскій называетъ недурнымъ замкомъ, а при хорошемъ гарнизонѣ—неприступнымъ [1]).

Мы ограничиваемся однимъ этимъ эпизодомъ козацкой войны 1596 года, такъ какъ не имѣемъ указаній на участіе въ ней раньше или позже кого либо изъ Ружинскихъ. Но и здѣсь мы уже убѣдились, что популярность князя Кирика въ своемъ краѣ была имъ заслужена; не даромъ Жолкевскій называетъ его владѣнія «вѣдомыми слугами этихъ странъ» [2]). На него расчитывало польское правительство и обращалось къ нему, de jure частному человѣку, наряду съ должностными лицами; такъ въ 1594 году, когда опасались татарскаго нападенія, Жолкевскій разослалъ листы канцлера Замойскаго о добываніи вѣстей тремъ лицамъ: князю Булыгѣ, намѣстнику Бѣлоцерковскому, Яну Даниловичу, тогда уже (?) старостѣ Корсунскому, и—князю Ружинскому; послѣдній, впрочемъ, и не дожидая приглашенія, извѣщалъ о движеніяхъ татаръ около Очакова [3]). Точно такъ же, въ 1597 г., къ нему въ Котельню пріѣзжаютъ съ Запорожья козаки съ вѣстями, а онъ ихъ немедленно сообщаетъ лицу должностному, именно каменецкому старостѣ Якову Потоцкому; передаетъ ему о междоусобіяхъ между козаками, о вооруженномъ столкновеніи между партіей мира, оставшейся за порогами, и партіей непокорной, которая выходила подъ начальствомъ Метлы «на волость», т. е. въ заселенныя мѣста, противъ пановъ; въ этомъ столкновеніи Метла былъ убитъ, а сообщникъ его Гедройць пойманъ и арестованъ; непокорные заняли всѣ дороги и не пропускаютъ на Запорожье припасовъ; смирившіеся же просятъ назначенія имъ гетмана отъ короля и увоза съ Запорожья артиллеріи, болѣе ста орудій, присутствіе которой способствуетъ своевольству [4]); и т. д. Князь Кирикъ не занималъ никакой посто-

---

[1]) Listy St. Żołk., стр. 69—80.

[2]) Listy Żołk., стр. 73: „Kniaź Roziński, ktòri tu majętnośći swe, sługi wiadome tich kraiòw, przijaczieli w tem kraiu ma".

[3]) Listy Ż., стр. 52.

[4]) Listy Ż., стр. 86—87.

янной должности въ своемъ земствѣ, но мѣстное дворянство возлагало на него обязанности, свидѣтельствующія объ особенномъ довѣріи: такъ во время безкоролевья послѣ смерти Баторія, онъ былъ избранъ каптуровымъ судьей кіевскаго воеводства [1]); его избирали депутатомъ на сеймы, сколько мы знаемъ, въ 1590 г. [2]), а также въ 1598, когда онъ назначенъ былъ отъ сейма въ число комиссаровъ для разграниченія кіевскаго воеводства отъ повѣта мозырскаго [3]). Это послѣднее точное о немъ упоминаніе; кажется, вскорѣ онъ умеръ: въ началѣ 1602 г. Котеленскимъ имѣніемъ владѣетъ уже его сынъ, упоминается о наслѣдствѣ [4]), а въ непродолжительномъ времени и вдова его, княгиня Ядвига, оказывается уже въ новомъ замужествѣ, за княземъ Юріемъ Чарторыйскимъ. Въ тождествѣ личности, помимо именъ, насъ убѣждаютъ позвы къ суду княгини Ядвиги Ружинской, а потомъ, по тѣмъ же самымъ дѣламъ, Ядвиги Чарторыйской, и другого отвѣтчика, Романа Кириковича Ружинскаго [5]).

Князь *Романъ Кириковичъ*, (№ 13) которому Нѣсецкій придаетъ еще второе имя Яна, родился, судя по показанію о возрастѣ, въ какомъ онъ умеръ,—въ 1575 г.; въ январѣ 1602 г. онъ названъ королевскимъ ротмистромъ, а потому мы полагаемъ, что именно онъ, а не отецъ его, тогда уже глубокій старикъ, участвовалъ въ молдавскомъ походѣ Яна Замойскаго, въ сраженіи 14 октября 1600 г. съ воеводою Мигаломъ или Михаиломъ [6]); за этотъ-то, вѣроятно,

---

[1]) Опись № VIII, лл. 221, 223 на об.—Въ Польшѣ со смертью короля, и до избранія новаго, прекращалось обычное теченіе юстиціи, и суды пріостанавливали свою дѣятельность. Судъ по возникавшимъ въ это время преступленіямъ поручался особо въ каждомъ воеводствѣ избраннымъ на время безкоролевья судьямъ, которые назывались каптуровыми депутатами.

[2]) Опись № IX, л. 5 на об.

[3]) Volumina legum (по изд. 1859), т. II, стр. 372.

[4]) Опись № IX, лл. 33, 62.

[5]) Опись № IX, лл 69 на об., 92 на об., 93, 94.—Здѣсь обнаруживается ошибка какой-то рукописи, цитируемой Нѣсецкимъ, будто *дочь* князя Кирика была за однимъ изъ Чарторыйскихъ; этотъ князь Юрій Ивановичъ должно быть тотъ самый, который впослѣдствіи былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Андреевнѣ Вишневецкой.—Ср. Niesiecki, Kor. Pol., т. I (1728 г.), стр. 370.—Дочерей же у князя Кирика было двѣ: одна, Настасья, иначе Томила, умерла незамужнею, а другая Елена, была за Угровецкимъ. Опись № X, л. 310;—№ XI, л. 130; № XII, л. 266, 282.

[6]) Въ дислокаціи войскъ, писанной самимъ Замойскимъ, упомянутъ князь Ружинскій, но безъ означенія имени.—Ambroży Grabowski, Starożytności Polskie, т. I, стр. 109.

походъ онъ получилъ новое пожалованіе изъ королевскихъ земель [1]). По актовымъ даннымъ, кн. Романъ является такимъ же самоуправнымъ магнатомъ, какимъ былъ и его отецъ, и точно такъ же ведетъ постоянные споры съ сосѣдями.

Собираясь въ 1608 году въ походъ въ московское государство, на помощь тушинскому самозванцу, Романъ Кириковичъ, вѣроятно, въ надеждѣ на будущую добычу, надѣлалъ массу долговъ, а всѣ свои имѣнія пораздавалъ въ аренду или заставу, оставляя въ непосредственномъ распоряженіи жены, княгини Софіи изъ Карабчевскихъ, одну только Паволочь съ окрестными селами. Два другіе города были отданы въ заставу: Ружинъ пану Криштофу Кевличу, а Котельня—львовскимъ купцамъ Торосовичамъ. Кромѣ ихъ мы насчитываемъ еще пятнадцать различныхъ лицъ, у которыхъ находились въ 1605—1610 годахъ имѣнія Ружинскихъ въ заставѣ и частію въ арендѣ. Но и помимо заставниковъ, встрѣчаемъ въ актахъ еще многихъ кредиторовъ князя Романа, долги которыхъ не имѣли спеціальныхъ обезпеченій; число ихъ, по дошедшимъ до насъ остаткамъ процессовъ, простирается до шестнадцати, кромѣ упомянутыхъ семнадцати, владѣвшихъ имѣніями. Эти же самые документы позволяютъ намъ опредѣлить предѣлы владѣній князя Романа и степень ихъ заселенности въ первые годы XVII вѣка. Подраздѣляясь на три волости, Ружинскую, Паволочскую и Котеленскую, имѣнія эти занимали смежныя части нынѣшнихъ уѣздовъ бердичевскаго, сквирскаго и житомирскаго. Большая часть упоминаемыхъ въ актахъ селеній сохранилась донынѣ подъ тѣми же именами [2]), а о дальнѣйшемъ движеніи колонизаціи въ этой мѣстности въ XVII вѣкѣ мы можемъ судить по инвентарю 1683 года тѣхъ же самыхъ волостей, перешедшихъ въ полномъ составѣ въ

---

[1]) Опись № IX, л. 83; годъ 1602.—Здѣсь впервые упоминается жена Романа, Софья Карабчевская.

[2]) Приводимъ перечень имѣній Романа Ружинскаго, упоминаемыхъ въ актахъ того времени: Верховня, Войтовцы, Волица на Чортовой рудѣ, Волица Минцова (теперь Миньковцы), Волица Яницкаго иначе Лебединыя Озера (Лебединцы), Воля Маркова (часть с. Сокольчи), Воля Орановская (Гарановка), Вчорайше, Галчинъ, Жердевевъ (Жердели), Жидовцы, Иргачовъ (Рогачи), Карабчевъ, Котельня, Красносѣлка Лозовики, Лишцы, Макаровка, Недзагурцы (Малыя Низгурцы), Озераны, Опарипсы (Парыпсы), Оранского слобода, Оршимицы, Паволочъ, Погребища, Попельна, Радогоща, Романовка, Ружинъ, Саворцы, Ставища, Харлеевка, Черняговка, Чорнишовка, Ягнятинъ. Описи № IX- XII, passim.

родъ Конецпольскихъ. Этотъ инвентарь составленъ при передачѣ имѣній Яну Александру Конецпольскому, по смерти Станислава, каштеляна краковскаго [1]).

Князь Романъ и передъ московскимъ походомъ сидѣлъ дома мало. Вскорѣ по возвращеніи изъ Молдавіи встрѣчаемъ его въ числѣ ротмистровъ квартянаго [2]) войска, которое собиралъ Жолкевскій противъ вторгнувшихся въ Подолье татаръ, осенью 1605 года. Когда часть этого войска въ слѣдующемъ году образовала «рокошъ», т. е. организованное возстаніе противъ Сигизмунда III, подъ предводительствомъ краковскаго воеводы Зебржидовскаго,—Ружинскій остался вѣренъ королю и принималъ дѣятельное участіе въ преслѣдованіи рокошанъ, особенно въ битвѣ подъ Гузовомъ, 6 іюля 1607 года. Затѣмъ, какъ передаетъ очевидецъ Маскевичъ, князь Романъ около полугода оставался безъ дѣла, во все время стоянки войска подъ Завихостомъ. Когда войска стали расходиться отсюда, одни домой, другіе въ Волощину, на помощь претенденту на тамошній престолъ, сыну прежняго господаря Іереміи, Константину, Ружинскій, во главѣ значительнаго коннаго отряда, отправился ко второму Лжедимитрію, находившемуся въ то время въ Орлѣ. Съ Ружинскимъ было, по словамъ Маскевича, тысяча человѣкъ, а по хроникѣ Буссова, (приписываемой также Мартину Беру), четыре тысячи [3]). Ружинскій, не смотря на молодыя лѣта (33 года), пользовался большою извѣстностью, какъ военный, да кромѣ того являлся, въ сравненіи съ другими начальниками прибывшихъ къ Лжедимитрію польскихъ отрядовъ, знатнымъ магнатомъ, а потому легко получилъ главное начальство надъ войсками «царика», устранивъ командовавшаго ими до того времени Мѣховецкаго. Князь Романъ оправдалъ свою репутацію полководца, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ необузданное самовластіе, а въ жестокости далеко пре-

[1]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. 1, Приложеніе, стр. 153.

[2]) Пожизненные владѣльцы коронныхъ имѣній, старосты и державцы, имѣли право пользоваться только тремя четвертями дохода съ нихъ; послѣднюю четверть (quarta) должны были вносить въ казну, и деньги эти обращались на жалованіе войску, которое потому и называлось квартянымъ, въ отличіе отъ посполитаго рушенья, служившаго безъ жалованья, и войскъ надворныхъ, содержимыхъ частными лицами.

[3]) Дневникъ Маскевича у Устрялова, „Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ (по изд. 1834 г.), т. V, стр. 4, 14, 27.—Беръ (Буссовъ), тамже, т. I (1831 г.), стр. 134.—Бутурлинъ, „Ист. смутнаго времени“, т. II, стр. 109.—Rerum Rossicarum Scriptores exteri, т. I, стр. 82; Петрей, тамже, стр. 216.

взошелъ своего отца, казнившаго всѣхъ попавшихся ему въ руки козаковъ Наливайка и Лободы. Мѣховецкій, первый приставшій къ Самозванцу и даже, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, подавшій ему мысль назваться Димитріемъ, очевидно, долженъ былъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ и послѣ передачи начальства Ружинскому. Послѣдній, раздраженный какимъ-то противорѣчіемъ Мѣховецкаго, собственноручно убилъ его въ самозванцевой ставкѣ [1]). Двинувшись изъ Орла, войска Самозванца, въ числѣ которыхъ было до 7000 полковъ и до 8000 козаковъ, встрѣтились съ царскою ратью подъ селомъ Каменкою, между Орломъ и Болховымъ. Начальники служившаго Шуйскому нѣмецкаго отряда, Ламсдорфъ, Бергъ и фонъ-Ааленъ вошли въ сношенія съ Ружинскимъ, предлагая перейти на сторону Лжедимитрія, но передъ битвой перепились и не успѣли склонить своихъ подчиненныхъ къ выполненію задуманнаго ими плана. Именно нѣмецкій отрядъ сдержалъ въ первый день сраженія натискъ войскъ Лжедимитрія и прикрылъ отступленіе царской рати. Озлобленный Ружинскій, заподозривъ здѣсь предумышленную измѣну, отдалъ приказъ впредь не оставлять въ живыхъ ни одного нѣмца. На другой день, 24 апрѣля 1608 г., преслѣдуемыя Ружинскимъ къ Болхову царскія войска обратились въ бѣгство; Ламсдорфъ только теперь предложилъ своимъ передаться; большинство не согласилось, опасаясь за участь оставшихся на Москвѣ своихъ семействъ, и за Ламсдорфомъ послѣдовало только двѣсти человѣкъ. Несмотря на то, что они явились въ лагерь Самозванца добровольно, предлагая свои услуги, Ружинскій приказалъ ихъ всѣхъ перерубить, что и было буквально исполнено запорожцами. Вслѣдствіе болховской побѣды, Самозванцу былъ открытъ свободный путь къ Москвѣ, и въ концѣ іюня онъ расположился близъ города, при томъ селѣ, которое дало ему съ тѣхъ поръ имя тушинскаго вора. Передавать здѣсь о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, впродолженіе полуторагодовой стоянки Самозванца въ Тушинѣ, полагаемъ излишнимъ, такъ какъ событія эти болѣе или менѣе общеизвѣстны. Намъ достаточно только упомянуть, что во все это время главное руководство дѣйствіями тушинцевъ принадлежало князю Роману. Его военныя способности на столько признавались всѣми, что распоряженіямъ его одинаково

[1]) Kobierzycki, Hist. Vlad., стр. 90.—Устряловъ, т. V, стр. 183.—Бутурлинъ, на основаніи дневника Яна Сапѣги, т. II, стр. 110.

подчинялись и превосходившій его знатностью рода князь Адамъ Вишневецкій, и приведшій къ «царику» изъ Польши семитысячный отрядъ кіевскій каштеляничъ Янъ-Петръ Сапѣга, и самовольный Лисовскій, и козаки, и наконецъ самъ Самозванецъ. Личное вліяніе и значеніе князя Романа хорошо сознавало и правительство царя Василія. Въ одной вѣстовой отпискѣ смоленскихъ лазутчиковъ, въ 1609 году, замѣтно отразилось общественное мнѣніе того времени о Ружинскомъ: «И теперь много пріѣхало съ-подъ Москвы купцовъ, сказуютъ, што воръ хочетъ побѣжати, и *боитца Ружинскаго исъ козаками*» [1]). Въ перемирномъ договорѣ царя Шуйскаго съ поляками, заключенномъ въ іюлѣ 1608 г. содѣйствіе Самозванцу со стороны поляковъ выставлено главнымъ упрекомъ, причемъ поименно упомянуты только Ружинскій и, на второмъ уже мѣстѣ, Адамъ Вишневецкій [2]). Наконецъ и самъ король Сигизмундъ III, вступивъ въ предѣлы государства московскаго и желая привлечь къ себѣ многочисленныя польскія силы, находившіяся въ тушинскомъ станѣ, отправилъ туда послами нѣсколькихъ пановъ, именно перемышльскаго каштелана Стадницкаго, брацлавскаго старосту Скумина и Андрея Казановскаго [3]). Привезенное ими королевское посланіе къ шляхтѣ было адресовано на имя Ружинскаго, и съ нимъ велись всѣ переговоры, втайнѣ отъ Самозванца, который замѣтилъ наконецъ, что отъ него что-то скрываютъ, и рѣшился обратиться съ прямымъ вопросомъ къ князю Роману. Послѣдній согласился уже съ другими панами бросить царика и перейти въ королевскій лагерь, и потому не видѣлъ необходимости дольше стѣсняться съ надоѣвшимъ ему грубымъ, невѣжественнымъ и циническимъ авантюристомъ. Отвѣтъ князя Самозванцу былъ болѣе чѣмъ непочтителенъ, князь пригрозилъ даже побить его булавою [4]), — недаромъ царикъ

[1]) Акты Ист., т. II, стр. 202.

[2]) Бутурлинъ, т. II, приложенія, стр. 68 и 69.

[3]) Маскевичъ въ „Сказ. совр.“, т. V, стр. 25. — Буссовъ называетъ другія имена: по его словамъ, послами, кромѣ Стадницкаго, были: Зборовскій (? Borussk; у Устрялова, т. I, стр. 157, — Збаражскій), Людвигъ Вейгеръ (у Устрялова, ошибочно, Мейеръ) и какой-то ротмистръ панъ Мартинъ (у Устр. Манчинъ).

[4]) Буссовъ, а за нимъ и Петрей, такъ передаютъ слова Ружинскаго: „Rosinski...., itzt aber truncken und voll war, fuir mit unbescheidenen Schelten und Dräuen herauss und sprach: du moscowitercher Huren-Sohn, dräuete ihm auch mit der Belawen zu schlagen. Was begehrestu zu wissen, was die Gesandten bey mir zu verrichten haben. Der Teufel weiss, wer du bist ? Wir Polen haben so lange unser Blut umb deinentwillen vergossen, aber unsere Besoldung noch nie bekommen“. R. R. Scriptores exteri, т. I, стр. 97, Петрей, почти буквально, тамже, стр. 227.

опасался его и прежде. Растерявшійся Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, а Ружинскій отправился съ войскомъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. Впрочемъ, не пришлось уже ему стяжать здѣсь новыхъ лавровъ: къ веснѣ онъ заболѣлъ и умеръ 8 апрѣля 1610 года. Тѣло его привезено было въ Кіевъ, вѣроятно, участвовавшимъ въ его походѣ княземъ Адамомъ Ружинскимъ, и торжественно погребено при доминиканскомъ монастырѣ, что нынѣ церковь Петра и Павла при духовной семинаріи. Еще въ 1613 году боевые товарищи князя Романа ходатайствовали передъ королемъ о вознагражденіи его вдовы за понесенные имъ труды и расходы, которые, какъ мы видѣли выше, далеко превышая его наличныя средства, вовлекли его въ весьма значительные долги и заставили роздать въ чужія руки почти всѣ свои имѣнія [1]).

Впрочемъ, княгиня Софья, оставаясь дома и соревнуя, вѣроятно, военной славѣ своего мужа и желая показать себя вполнѣ его достойною, устроила грандіозный даже для того времени пиръ на сосѣднее имѣніе князей Корецкихъ, мѣстечко Черемошну [2]). Пригласивъ въ главные распорядители арендатора Ружина пана Криштофа Кевлича, а при немъ арендатора Котельни Бондзынскаго, она собрала вооруженный отрядъ изъ бояръ и крестьянъ всѣхъ своихъ имѣній, заручилась помощью отъ князя Адама Ружинскаго и разныхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ напр. Адама Олизара, бѣлоцерковскаго подстаросты князя Дмитрія Васильевича Булыги, пана Завилки, Вильги, кіевскаго гродскаго судьи Михайла Силы Новицкаго, Олбрихта Брестскаго и др.,—всего у нея составилось до шести тысячъ человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ [3]), «съ великой арматой, съ пищалями, пушками, ружьями, мушкетами, сагайдаками, съ копьями, рогатинами, и инымъ войнѣ надлежащимъ оружь-

[1]) Виленскій Археогр. Сб., т. V, стр. 156.—Князь Адамъ въ концѣ 1609 г. былъ еще на Москвѣ, равно какъ и сосѣдъ князя Романа, владѣлецъ Коростышева, Адамъ Олизаръ-Волчковичъ; но къ началу 1611 г. оба они оказываются уже дома, на Украинѣ. Опись № XI, лл. 113 на об., 348 на об., 362 на об.; № XII, лл. 13 на об. 59 на об., 202.

[2]) Теперь деревня Черемошна Бердичевскаго уѣзда; не слѣдуетъ смѣшивать съ селомъ Черемошнымъ, того же уѣзда.

[3]) Дальнѣйшее изложеніе составляетъ *дословную* передачу акта, только съ замѣною нѣкоторыхъ неудобопонятныхъ словъ, съ опущеніемъ мѣстъ чисто дѣлового характера и, быть можетъ, съ невольнымъ распространеніемъ на весь разсказъ того тона, какимъ въ подлинникѣ проникнута большая его часть.—См. Архивъ ю.-з. Рос., ч. VI, т. 1, стр. 349—352.

емъ, конно и пѣшо, оружно, съ знаменами, бубнами, трубами и литаврами, обычаемъ вражескимъ, на городъ и замокъ, силой, насильемъ, нежданно, негаданно, съ великими силами наступивъ и наѣхавъ, первѣе всего тѣмъ всѣмъ войскомъ замокъ и городъ вокругъ обступивши, пушки, пищали, армату на городъ и замокъ направивъ, а въ трубы, литавры и бубны ударивъ, и крикъ учинивши великій, изъ пушекъ, пищалей и ружей стрѣлять почали; а послѣ, ударивши штурмомъ на городъ и замокъ, до самаго вечера, языческимъ вражескимъ свычаемъ, великой навальностью добывали. А городъ и замокъ великою силой добывши, въ мѣстечкѣ и замкѣ мужчинъ всѣхъ и женщинъ, безъ всякой пощады, безъ Божьяго страха, жестоко, безжалостно, съ женами, съ дѣтьми побили, стрѣляли, посѣкли, замучили и поранили; а городъ и замокъ разграбивъ, языческимъ, вражескимъ свычаемъ, до корня спалили, и ни во что повернули». Немногіе оставшіеся въ живыхъ жители были уведены отрядомъ княгини Ружинской. Очевидно, она чувствовала за собой большую силу, если рѣшилась нападать на такого могущественнаго сосѣда, какимъ былъ князь Іоахимъ Богушевичъ Корецкій, сильный еще и связями жены, урожденной Ходкевичевой.

Смерть мужа мало имѣла вліянія на отношенія княгини къ своимъ сосѣдамъ; замѣчаемъ только, что она постепенно перессорилась со своими сподвижниками по походу на Черемошну, и въ актахъ встрѣчаются указанія на разнаго рода насилія и самоуправства ея въ отношеніи этихъ самыхъ лицъ. Такъ она захватила имѣніе Михайла-Силы Новицкаго Селезеновку, продолжала распри съ Корецкими, съ Фридрихомъ и Евстафіемъ Тышкевичами и многими другими лицами; въ свою очередь бѣлоцерковскій подстароста, князь Янъ Курцевичъ-Булыга, собравъ крестьянъ изъ сс. Петуховъ и Булыжиной Волицы надъ р. Каменицею, ограбилъ ея имѣніе Романовку. Изъ наѣздовъ княгини Софьи выдается за это время грандіозная порубка дубравъ литовскаго надворнаго подскарбія Остафія Тышкевича въ имѣніяхъ Черлесной и Мошковцахъ; княгиня насылала сюда изъ Котельни каждый разъ по нѣскольку сотъ подводъ за лѣсомъ, такъ что осматривавшій мѣсто порубки возный насчиталъ болѣе ста тысячъ пней дубовъ и березъ. Въ другой разъ княгиня устроила наѣздъ для захвата лещанскихъ земель кіевскаго подкоморія Самуила Горностая, собравши отрядъ въ 1800

человѣкъ, а въ тоже время Горностай на ея котелянскихъ земляхъ загребилъ до десяти тысячъ копенъ хлѣба. Объ одномъ крупномъ наѣздѣ княгини, именно о разрушеніи укрѣпленнаго замка Нехворощи, находимъ въ актахъ только неопредѣленное упоминаніе [1])

Въ непродолжительномъ времени княгиня Софья, оставшись единственной владѣтельницей мужнихъ имѣній, вступила въ новый весьма выгодный бракъ, съ виленскимъ каштеляномъ Іеронимомъ Ходкевичемъ. Подъ этимъ новымъ именемъ, а чаще подъ однимъ титуломъ «виленской пани», еще долгое время является она въ актахъ, то призываемая къ суду за долги перваго мужа, то по разнымъ сдѣлкамъ объ имѣніяхъ, то снова въ жалобахъ сосѣдей на ея самоуправства и наѣзды.

Съ Романомъ Кириковичемъ кончается поселившаяся на Украинѣ отрасль Ружинскихъ, да и мелкопомѣстные волынскіе представители этого рода больше намъ не попадаются въ актахъ. Разъ только встрѣчаемъ неясное упоминаніе о какой то княжнѣ Ружинской, бывшей въ замужествѣ за сыномъ московскаго выходца Нецевича; ея сыновья служили въ польскихъ войскахъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго, и въ 1653 г. волынское дворянство ходатайствовало о дарованіи имъ индигената [2]).

Генеалоги выводятъ родъ Ружинскихъ отъ Гедимина; Папроцкій предкомъ ихъ считалъ Коріата Гедиминовича, но Окольскій, а за нимъ и Нѣсецкій, родоначальникомъ ихъ признаютъ другого Гедиминовича, Наримунта. Окольскій ссылается на свидѣтельство надгробныхъ памятниковъ Ружинскихъ, видѣнныхъ имъ въ Кіевѣ, будто бы въ доминиканскомъ костелѣ; но мы знаемъ, что они были православными, даже Романъ, впослѣдствіи перешедшій въ католичество, вписанъ въ число членовъ Львовскаго братства [3]); да и цитируемый Нѣсецкимъ Коберзицкій говоритъ прямо, что Романъ Ружинскій первый и послѣдній изъ своего «зараженнаго схизмою»

---

[1]) Опись № X, лл. 40, 95, 235; № XI, лл. 128 на об., 170, 227 на об., 283, 327 на об.; № XII, лл. 25, 87 на об., 160, 221 на об., 236, 248, 386.

[2]) Архивъ ю.-з. Рос., ч. II, т. I, стр. 453, 454.

[3]) Памятники, т. III, отд. I, стр. 91.

рода перешелъ въ католицизмъ [1]) Это, впрочемъ, не устраняетъ вѣрности показанія Окольскаго о генеалогическомъ указаніи на памятникахъ; князь Романъ самъ подписывался въ разнаго рода бумагахъ 1602, 1603 и 1608 г. «Романъ Кириковичъ». [2]) Наримунтомъ называетъ его и находившееся съ нимъ въ московскомъ походѣ войско, уже послѣ его смерти [3]), а въ приводимомъ Коберзицкимъ письмѣ его изъ того же похода передѣлано «z litewska» и самое имя: Remand Narymundowicz. Однако всѣ эти свидѣтельства не вполнѣ достаточны, чтобы признать происхожденіе Ружинскихъ отъ Гедимина, хотя княжеское ихъ достоинство не подлежитъ сомнѣнію: не стали бы понапрасну титуловать ихъ князьями современники, еще въ пору ихъ безвѣстности, да притомъ такіе, какъ напримѣръ князья Острожскіе, у которыхъ они вдобавокъ состояли на службѣ. Но выводить свои роды, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ, стало лестно и безопасно съ той именно поры, когда пресѣклась литовская династія Ягеллоновъ на польскомъ престолѣ; рѣшались на это, впрочемъ, тѣ только роды, представители которыхъ успѣли выдвинуться въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ своею дѣятельностію и своимъ богатствомъ, а слѣдовательно и вліяніемъ. Такъ, кажется, произвели въ свои предки Корибута Гедиминовича князья Вишневецкіе и Збаражскіе [4]); такъ могъ поступить и Романъ Ружинскій, изъ предковъ котораго ни одинъ не называлъ себя Наримунтовичемъ,—благодаря лишь той извѣстности и состоянію, какія успѣли пріобрѣсти его дѣдъ, дядя-гетманъ и особенно отецъ. Если бы родъ его продолжился, да украсился еще нѣсколькими именами государственныхъ сановниковъ (dygnitarzy),—навѣрно нашлись-бы услужливые панегиристы, которые, для прославленія патроновъ, для назиданія потомству и для вящшаго затемненія и безъ того запутанныхъ древнихъ сказаній, не замедлили бы провести послѣдовательную генеалогію отъ Гедимина и до тѣхъ трехъ братьевъ, которыхъ

[1]) Historia Vladislai Poloniae principis (1655), стр. 232.

[2]) Опись № XVIII, лл. 106, 107 на обор., 110.

[3]) Виленскій Археогр. Сборн., т. V, стр. 156.

[4]) Нѣкоторые новѣйшіе польскіе изслѣдователи, разобравъ несостоятельность генеалогіи Вишневецкихъ отъ Корибута, склонны видѣть въ нихъ князей самозванныхъ, вышедшихъ изъ земянскаго рода Денисковъ-Мокосіевъ. См. статью Бартошевича въ „Encyklopedia powszechna“, Стадницкаго „Synowie Gedymina“, также Стецкаго „Wodуń“, т. II.—Что Вишневецкіе не Гедиминовичи, въ этомъ, послѣ названныхъ работъ, трудно сомнѣваться; но объ ихъ дѣйствительномъ происхожденіи есть нѣкоторыя основанія думать и иначе, чѣмъ думаютъ упомянутые авторы.

мы встрѣчаемъ впервые подъ именемъ Роговицкихъ. Но князь Романъ умеръ бездѣтнымъ, и генеалоги стараго времени получили возможность добросовѣстно оставить пробѣлъ, пополнять который не беремся и мы.

Нашъ генеалогическій очеркъ рода Ружинскихъ повидимому оконченъ; говоримъ: повидимому, такъ какъ остается еще одно лицо съ этой фамиліей у генеалоговъ и историковъ, котораго мы не коснулись. Это князь *Богданъ Михайловичъ* Ружинскій. По Папроцкому, было въ его время четыре князя этого рода: Михаилъ, а у него три сына: Кирикъ, Николай и Богданъ, гетманъ низовыхъ козаковъ, «mąż serca wielkiego»,—хотя авторъ и не сообщаетъ, въ чемъ именно выразилось величіе души этого мужа. «Сказаніе Папроцкаго о четырехъ князьяхъ Ружинскихъ принято въ исторію, какъ сказаніе современника», замѣчаетъ Максимовичъ [1]). Но изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что въ этомъ сказаніи заключается невѣрность, такъ какъ князь Михайло былъ не отцомъ Кирика и Николая, а братомъ; о князѣ же Богданѣ въ документахъ не находимъ пока никакого указанія. Тѣмъ не менѣе, существованіе этого лица подтверждается и другими источниками. Нѣсецкій, ссылаясь на близкое по времени сочиненіе Пашковскаго, упоминаетъ, что одинъ изъ Ружинскихъ [2]), предводительствуя козаками, сдѣлалъ набѣгъ на Крымъ и взялъ Асламъ-Керменъ, одну изъ крѣпостей, выстроенныхъ турками на берегахъ и островахъ Днѣпра близъ Тавани, т. е. нынѣшняго мѣстечка Каховки, днѣпровскаго уѣзда, таврической губерніи, для прегражденія козакамъ выхода въ низовья Днѣпра и въ Чорное море. Этотъ Ружинскій по имени здѣсь не названъ, но у другого современника, Бѣльскаго, тотъ же самый походъ въ Крымъ, въ 1575 году, приписанъ гетману Богданку, не называемому по фамиліи, который *впослѣдствіи* былъ убитъ подъ Асламъ-городкомъ [3]). Вполнѣ согласно съ Бѣльскимъ выра-

[1]) Собр. соч. т. I, стр. 298.

[2]) Korona Polska, т. III, стр. 893.—Paszkowski, Dzieje Tureckie i tatarczki kozackie z Tatary (1616 г.), стр. 21.

[3]) Разсказавъ о татарскомъ набѣгѣ 1575 года на Волынь, Бѣльскій добавляетъ: „Lecz kozacy tym czasem nie próżnowali y wpadszy za Przekop z wodzem swym *Bogdankiem* (który *potem* pod Assemgrodkiem zginął) wielkie Tatarom szkody poczynili, y także brali, palili, y nikogo nieżywili, nawet dzieci małe na pale wbiiali ale nie stało za nasze". Kronika Polska, стр. 722.

жаются и южнорусскія лѣтописи болѣе поздняго времени [1]). Если бы и затѣмъ еще оставалось для насъ какое-нибудь сомнѣніе о тождествѣ гетмана Богданка съ неизвѣстнымъ Пашковскому по имени Ружинскимъ, то оно разрѣшается вполнѣ современнымъ документальнымъ указаніемъ на письмо, посланное въ тоже время московскимъ правительствомъ на Запорожье, къ князьямъ Кирику и Михайлу Ружинскимъ [2]). Тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что въ сохранившихся актовыхъ книгахъ кіевскаго воеводства 1580-хъ годовъ объ этомъ лицѣ не упоминается ни однимъ словомъ, и мы позволяемъ себѣ высказать слѣдующее предположеніе: Папроцкій указываетъ намъ о Богданѣ Ружинскомъ, вопервыхъ, что онъ былъ братомъ Кирика и Николая, и вовторыхъ, что онъ былъ гетманомъ козацкимъ; оба эти признака вполнѣ совмѣщаются и въ личности князя Михайла Остафьевича. Если принять во вниманіе, что въ ту пору употребленіе двойного имени было довольно распространено, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оба имени, Михайла и Богдана, принадлежатъ одному и тому же лицу, подобно тому, какъ Константинъ Константиновичъ Острожскій имѣлъ второе имя Василія, какъ дочь князя Кирика Ружинскаго, Настасья называлась также Томилою, какъ еще гораздо позже Хмельницкій носилъ двойное имя Зиновія-Богдана.

Мы остановились на имени князя Богдана потому главнымъ образомъ, что съ его личностью южнорусскія лѣтописи, а за ними и историки, связываютъ фактъ первоначальнаго упорядоченія южно-

---

[1]) Сто лѣтъ спустя, кошевой Сѣрко, въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ хану крымскому, говоритъ: „Року 1575 Богданко съ козаками Крымъ воевалъ и плюндровалъ". Величка, т. II, стр. 380.—У Грабянки, стр. 21: „Вскорѣ (1575) козаки воздали имъ и за сіе (т. е. татарамъ за набѣгъ), егда вшедше за Перекопъ въ вожемъ своимъ Богданкомъ, такожде огнемъ и мечемъ повоевали"; также, стр. 260: „Року 1576 былъ гетманъ запорожскій Богданко; сей воевалъ Крымъ".—Послѣднія слова буквально повторены въ „Краткомъ Описаніи Малороссіи", но подъ годомъ 1574, въ кіевскомъ изданіи Лѣтописи Самовидца, стр. 214.—Лукомскій въ „Собраніи Историческомъ" еще ближе передаетъ слова Бѣльскаго, ссылаясь при этомъ на Гваньини: „Тогожъ 1575 года козаки татарамъ тутo на Подоліи ними учиненую обиду отмстили. Ходили они съ гетманомъ своимъ Богданкомъ за Перекопъ и, въ Крымъ впадши, многіе шкоды татарамъ подѣлали. Крымъ разорили, жилля ихъ сожигали, татаръ, женъ и дѣтей ихъ не щадя, кого ни попадали, всѣхъ мертвили, токмо гетмана своего Богданка, который подъ Асламъ-городкомъ убитъ, потеряли. Однако сами съ великою добичею возвратились въ Украину благополучно". Тамже, стр. 349.

[2]) Соловьевъ, Ист. Р., т. VII, стр. 361. Изд. 2-е, 1861 г.

русскаго козачества польскимъ правительствомъ, именно королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Фактъ этотъ, насколько онъ можетъ быть утвержденъ или отвергнутъ, заслуживаетъ, по своей важности, особаго и подробнаго разсмотрѣнія; но оно выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи, и потому мы заканчиваемъ ее тѣми генеалогическими о нихъ свѣденіями и соображеніями, которыя на этотъ разъ преимущественно имѣлись нами въ виду.

И. П. Новицкій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО

ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ВОЛНЕНІЙ 1855 Г.

1855 годъ былъ двадцатымъ годомъ моего священства. Приходъ мой былъ село Малая Березна, сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи. Въ этомъ году послѣдовала кончина Императора Николая I-го. Всѣ служащіе и помѣщики, ближайшіе къ уѣздному г. Сквирѣ, были вызваны туда для выполненія присяги на вѣрность Императору Александру II. Приставъ 1-го стана, послѣ присяги въ сквирскомъ соборѣ, возвращаясь въ свой станъ, въ первомъ селѣ онаго, созвалъ мѣстныхъ крестьянъ и привелъ ихъ къ присягѣ. Какъ извѣстно, крестьяне, по закону, въ такихъ случаяхъ не были допускаемы къ присягѣ,—присягали только лица свободныхъ сословій. Неопытный приставъ немедленно былъ вызванъ въ Сквиру, гдѣ ему разъяснили неправильность его дѣйствій, и хотя подобный случай болѣе не повторялся, но онъ отразился на послѣдовавшихъ вскорѣ волненіяхъ крестьянъ, о которыхъ я хочу говорить.

Слухъ о принесенной въ одномъ изъ селъ присягѣ сталъ извѣстнымъ въ другихъ селахъ и заставилъ многихъ крестьянъ ждать присяги, которой быть не могло. Самый слухъ о семъ, по необычности дѣла, не могъ не занимать крестьянъ, не будить въ нихъ толковъ, быть можетъ, желаній и надеждъ. Въ с. Березнѣ, гдѣ я священствовалъ, крестьяне также ждали пристава и приведенія къ присягѣ на вѣрность новому Царю. Ожиданіе ихъ усугубилось, когда мною были приведены къ присягѣ здѣсь же въ Березнѣ священно и церковно служители моего благочинія. Мѣсяцъ спустя дѣйствительно пріѣзжаетъ въ Березну приставъ, требуетъ къ себѣ въ квартиру 12-ть домохозяевъ и мнѣ, мѣстному священнику, пред-

лагаетъ привести ихъ къ присягѣ. Призванные подумали, что будутъ присягать на вѣрность Царю; но были очень смущены, не слыша въ присягѣ имени Царя, а только извѣстное обѣщаніе показывать сущую истину по дѣлу, о которомъ будутъ спрашиваемы. Еще болѣе смутились они и обидѣлись, когда приставъ тутъ же послѣ присяги обратился къ нимъ съ такими словами: «а знаете вы рябу кобылу, что недавно украдена у такого-то хозяина»? Производилось обыкновенное дознаніе объ украденной лошади, никогда ничего, кромѣ безпокойства и потери времени, ни свидѣтелямъ, ни хозяину не приносящее. На этотъ разъ оно сдѣлало нѣчто большее. Приставъ уѣхалъ со звонкомъ, крестьяне разошлись. Уходя иные ворчали: «се такого ца свѣтѣ не було—на рябу кобылу присягать»! .

Съ того времени мои прихожане не разъ выражали свою досаду на распоряженіе мѣстной власти и вмѣстѣ на меня. Они говорили: «развѣ мы не люди у нашего Царя? Всѣ паны, и попы, и жиды Царю присягали, а намъ не дали присяги! Мы на смѣхъ на рябу кобылу присягали». Этимъ меня постоянно упрекали, когда начались ихъ волненія, и не вѣрили никакимъ моимъ словамъ и убѣжденіямъ.

Приблизились дни страстной седмицы. Праздникъ Благовѣщенія совпалъ съ великою пятницею. По многолюдству села Березны, говѣльщиковъ на этотъ день было очень много. Заутреня отошла съ вечера. Утромъ, какъ только взошло солнце, сами прихожане, не дожидая моего распоряженія, зазвонили къ обѣдни, и я, не подозрѣвая ничего худаго, пошелъ въ церковь и началъ литургію. До того времени я не слыхалъ ни о какихъ безпорядкахъ, начавшихся въ средѣ крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ, а мои прихожане провѣдали, что въ сосѣднемъ селѣ Логвинѣ крестьяне уже держатъ своего священника подъ арестомъ около церкви, принуждая его объявить имъ ихъ «добро», какъ называли тогда вездѣ крестьяне ожидаемую ими свободу свою отъ панщины.

Послѣ обѣдни пріѣхалъ ко мнѣ исправникъ и поразилъ меня новостію, что во многихъ сосѣднихъ селахъ, въ томъ числѣ въ с. Логвинѣ моего благочинія, волнуются крестьяне. Онъ требовалъ, чтобы и я ѣхалъ съ нимъ въ Логвинъ для убѣжденія тамошнихъ крестьянъ. Я тотчасъ поѣхалъ. Это было въ страстный пятокъ. Въ

Логвинѣ мы подъѣхали къ церкви около двухъ часовъ по полудни; здѣсь застали священника и всѣхъ его прихожанъ. Какъ только послѣдніе увидѣли насъ, то сказали исправнику: «спасыби вамъ, пане, що вы привезли намъ сего батюшку; онъ намъ объявитъ наше добро». Исправникъ началъ ихъ бранить, называя ихъ бунтовщиками; одинъ изъ среды крестьянъ грубо отвѣтилъ; тотъ вспылилъ и ударилъ грубіяна по лицу. Тогда всѣ закричали противъ исправника, схватили его, положили въ его же экипажъ и проводили за село, а насъ повели въ домъ священника и начали принуждать объявить имъ волю ихъ, которая, по ихъ словамъ, давно уже будто бы дана Царемъ, но которую священники, сговорившись съ помѣщиками, утаиваютъ отъ нихъ. Много времени прошло въ безплодныхъ тяжкихъ переговорахъ. Никакое слово убѣжденія не дѣйствовало. Наступила ночь. Волненіе не прекращалось, число возмутившихся болѣе и болѣе умножалось. Не видя конца ихъ приставаньямъ и успѣха моимъ убѣжденіямъ, я просилъ старшихъ изъ крестьянъ, чтобы мнѣ дозволили заснуть на дворѣ, успокоиться и приготовиться къ утреннему богослуженію. Мнѣ дозволили, а къ своему священнику болѣе и болѣе приступали, требуя своего «добра».

Вышедши на дворъ, я отъ своего кучера узналъ, что въ домѣ помѣщика ночуютъ исправникъ и приставъ, и не смотря на страшную темноту и даль, рѣшился огородами пробраться къ помѣщику. Идя въ темнотѣ, я неоднократно спотыкался и падалъ въ яму, а болѣе всего терпѣлъ отъ собакъ, которыя изорвали на мнѣ одежу. Въ домѣ помѣщика дѣйствительно засталъ я исправника и пристава съ разсыльными. Объявивъ имъ о нашемъ беззащитномъ положеніи, я просилъ ихъ ѣхать въ домъ священника для вразумленія крестьянъ, но они отказались содѣйствовать намъ въ ночное время. Не успѣлъ я кончить, какъ прибѣжала сюда жена священника, въ страхѣ и трепетѣ, обливаясь слезами. Она также просила о защитѣ ея мужа, говоря, что крестьяне грозятъ ему топоромъ, если онъ не объявитъ имъ указа объ ихъ волѣ. Но пошла и она ни съ чѣмъ, долго плача и рыдая о своей беззащитности. Я остался ночевать въ домѣ помѣщика и цѣлую ночь просидѣлъ, не раздѣваясь и раздумывая о томъ, какъ мнѣ быть и что ждетъ меня на утро. Я могъ бы легко ночью возвратиться домой, но жаль

мнѣ было оставлять сосѣда-священника въ рукахъ взволнованной черни, а къ тому же и лошади мои содержались подъ арестомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ застала меня великая суббота. Только начало разсвѣтать, я въ нерѣшимости пошелъ къ усадьбѣ священника и тутъ на меня обрушилась бѣда. Волновавшаяся чернь только и ожидала моего появленія и встрѣтила меня съ крикомъ и бранью: «такъ ты до пана на пораду ходивъ! ты жаловался на насъ! ты думаешь, что мы пановъ боимся; мы теперь сами паны и тебя принудимъ объявить намъ нашу волю». Потомъ старшій изъ крестьянъ сказалъ: «панове громада! попы насъ еще долго морочить будутъ; поведемъ ихъ въ Ольшанку,—пусть они сами узнаютъ, что тамъ уже народъ вольный». Впрягли монхъ лошадей и насильно повезли насъ по дорогѣ къ Бѣлой Церкви. Ко мнѣ съ священникомъ посадили 2-хъ сторожей, а сами, т. е. всѣ почти Логвинскіе крестьяне слѣдовали за нами пѣшкомъ. Такимъ порядкомъ мы прослѣдовали около 10 верстъ, какъ догналъ насъ приставъ съ четырьмя вооруженными разсыльными. Одинъ изъ послѣднихъ, подскакавъ къ моей повозкѣ, ударилъ плетью сторожа, правившаго моими лошадьми, приказывая ѣхать скорѣе, чтобы уйти отъ слѣдовавшей за нами толпы крестьянъ; но тѣ, увидѣвъ это, бросились къ намъ и, окруживъ насъ, подняли гвалтъ и крикъ: «такъ се насъ бьютъ!» Нѣкоторые порывались бить разсыльныхъ, но большинство стало кричать: «вертайся назадъ!—назадъ поповъ, додому! тамъ мы съ ными расправимся по своему». И въ слѣдъ за этимъ поворотили монхъ лошадей, и мы поѣхали обратно въ Логвинъ. Приставъ съ разсыльными слѣдовалъ издали за нами. Вдругъ онъ опять погналъ лошадей и, когда проѣзжалъ мимо насъ, то священникъ Логвинскій перескочилъ съ моей повозки на его повозку. Приставъ и священникъ умчались, оставивъ меня въ рукахъ разъяренной толпы. Тогда подбѣгаетъ ко мнѣ крестьянинъ Олѣйникъ, схватываетъ меня за шею, однимъ взмахомъ бросаетъ на землю и начинаетъ наносить мнѣ удары своею палкою. Онъ подозрѣвалъ, что я подговорилъ ихъ священника уйти отъ нихъ и, продолжая бить меня, кричалъ въ изступленіи: «я твій катъ (палачъ); не выпущу тебе живымъ, поки не отдаси намъ нашего добра». Но тутъ одинъ изъ крестьянъ сжалился надо мною, вырвалъ меня изъ рукъ Олѣйника и защитилъ отъ дальнѣйшихъ побоевъ.

Этотъ же самый крестьянинъ еще два раза потомъ освобождалъ меня отъ рукъ того же Олѣйника. Вдругъ вижу,—на мою повозку садится душъ 15 крестьянъ и давай дубьемъ бить моихъ лошадей и крикомъ понуждать ихъ бѣжать скорѣй. По нескладному говору можно было догадаться, что крестьяне задумали догнать пристава, но молодыя лошади мои не привыкли къ подобной тяжести; неистовый крикъ еще болѣе пугалъ ихъ и онѣ не пошли съ мѣста, сколько ихъ ни били; притомъ самая повозка не вынесла чрезмѣрной тяжести и затрещала. Тогда лошадей отпрягли и двое верховыхъ поскакали впередъ. Тотъ же Олѣйникъ принуждалъ меня тянуть повозку; но я, измученный его побоями, упалъ и не могъ подняться. Меня подняли, и Олѣйникъ, толкая меня въ шею, понуждалъ идти. Такъ тащили меня верстъ 10; крики и ругательства не прекращались, надо мной издѣвались самымъ непристойнымъ образомъ, то и дѣло упрекали въ побѣгѣ священника и утайкѣ ихъ добра. Впереди насъ шелъ какой-то кацапъ (великоросс) и до самаго села, не умолкая, кричалъ: «бей ихъ, бей ихъ! попы аршинники» и проч. Пристава съ священникомъ догнали уже въ Логвинѣ. Лошадей моихъ совершенно загнали. Священникъ успѣлъ скрыться въ одной сельской избѣ; но его скоро отыскали и привели въ его домъ. Наконецъ и меня измученнаго и избитаго приволокли сюда же. Тутъ былъ исправникъ; видя меня въ крайнемъ изнеможеніи, онъ распорядился положить меня въ постель и послалъ разсыльнаго за цырюльникомъ. Тотъ нашелъ необходимымъ открыть мнѣ кровь; но я уже послѣ того ничего не помнилъ.

Въ такомъ положеніи застала меня пасхальная ночь. Около 12 часовъ обозвала меня служанка священника: «тутъ, говоритъ, какіе то люди сильно стучатъ въ дверь со двора, что дѣлать: пускать ли ихъ, или нѣтъ?» Я сказалъ ей впустить, навѣрное зная, что они и сами насильно вломились бы въ комнату. Оказалось, что то были мои прихожане. Узнавъ о моемъ заключеніи въ Логвинѣ, они пришли выручить меня, чтобы имъ не быть безъ священника въ свѣтлый праздникъ. Хотя я былъ совершенно разслабленъ и, имѣя руку на перевязи, не могъ самъ ни подняться съ постели, ни одѣться; но прихожане мои помогли мнѣ въ томъ и другомъ. Бывшіе тутъ же логвинскіе люди съ негодованіемъ говорили имъ: «берить, берить свого попа, а мы своему и сами раду дамо» (упра-

вимся). Въ слѣдъ затѣмъ они повели своего священника въ церковь къ заутрени, а я съ своими прихожанами отправился домой.

Меня не радовала моя мнимая свобода; мои спутники все о чемъ то шептались. Я спросилъ ихъ: «можетъ быть, и вы тоже замышляете, что и логвинскіе?—то лучше было не выручать меня, пусть бы я терпѣлъ отъ чужихъ». Они отвѣчали: «не бойтесь, батюшка! мы того не сдѣлаемъ; но вы сами читали свидѣтельство, данное громадѣ березнянской въ томъ, что она не приставала къ гайдамакамъ». [1])

Въ такихъ и подобныхъ переговорахъ мы приблизились къ р. Роси. Ночь тогда была такъ темна, что не можно было отличить воды отъ земли. Рось находилась въ полномъ разливѣ и только плескъ волнъ отъ сильнаго вѣтра давалъ знать о близости воды.— Посадили меня съ однимъ крестьяниномъ въ *човенъ* (челнъ) или просто корыто, отчалили отъ берега и пустили на «*Божу волю*». Какъ мы ѣхали и какъ переѣхали Рось, я уже не помнилъ отъ страха, и очнулся, когда наша ладья ударилась о камень. Я выпрыгнулъ изъ нея и дошелъ до берега по колѣна въ водѣ. На берегу ожидала нашего прибытія новая партія моихъ прихожанъ. Лишь только я ступилъ на землю, мнѣ предложили идти прямо въ церковь. Тутъ я засталъ уже полное праздничное освѣщеніе и множество своихъ прихожанъ; но не многихъ узналъ,—такими страшными они мнѣ казались. О, ночь пасхальная! Таинственная ночь!.. Было уже около часу по полуночи и я, имѣя на перевязи правую руку, съ трудомъ началъ пасхальную заутреню. Пѣли «Христосъ воскресе»! Пѣли радостныя, божественныя пѣсни; но радость праздничная далека была отъ меня, и будто камень лежалъ у меня на сердцѣ. Семейство мое, зная о моемъ заключеніи въ Логвинѣ и послышавъ вдругъ звонъ колоколовъ, страшно перепугалось, но узнавъ о моемъ освобожденіи, обрадовалось. Напрасно.

Литургисать я не могъ. Отслужилъ часы и «пасхи» освятилъ. Вышли изъ церкви, разговѣлись не какъ въ прежніе годы. Первый день Пасхи прошелъ спокойно, по крайней мѣрѣ никакіе тревожные слухи не безпокоили меня. На другой день, послѣ литургіи, пріѣхалъ ко мнѣ своякъ мой, священ. Бобровницкій, чтобы вмѣстѣ со мною ѣхать къ нашему родственнику въ село Любчу, таращан-

[1]) Къ сожалѣнію, авторъ разсказа не поясняетъ, что это за свидѣтельство.—*Ред.*

скаго уѣзда, на крестины; но я, считая неблаговременнымъ въ такое тревожное время оставлять приходъ, не поѣхалъ и о. Капитону отсовѣтовалъ. Оказалось послѣ, что меня уже сторожили мои прихожане и все равно не выпустили бы изъ прихода. Къ вечеру приходилъ ко мнѣ прихожанинъ съ извѣстіемъ, что въ корчмѣ весь почти приходъ. Узнаю,—злостная молва между ними противъ меня, что я ихъ всѣхъ продалъ въ рабство, утаивъ ихъ свободу, и—недоброе противъ меня замышляютъ. Священ. Бобровницкій и жена моя совѣтовали мнѣ уѣхать изъ дому.

На третій день Пасхи была также литургія; прихожане удалились изъ церкви, я сталъ разоблачаться въ алтарѣ; вдругъ отъ клироса послышался мнѣ плачъ. Я выглянулъ изъ алтаря и увидѣлъ плачущими брата моего діакона Зосиму и грамотнаго прихожанина Петра Замарюку. На вопросъ мой, чего они плачутъ, братъ показалъ мнѣ на отворенную въ церкви дверь и я, взглянувши, увидѣлъ, что весь народъ около церкви. Съ замираніемъ сердца, окончивъ молитвы, я вышелъ изъ церкви, поздравилъ прихожанъ съ праздникомъ и спросилъ: «чего вы, люди добрые, тутъ ждете?»—«А щожъ, хиба мы не таки, якъ люди»?—былъ ихъ отвѣтъ. «Въ другихъ селахъ добрые священники уже объявили людямъ царскую волю, а вы, батюшка, мовчите. Объявите намъ наше добро, и мы вамъ спасибо скажемъ, будемъ вамъ работать, будемъ вамъ послушны; а не захочете сдѣлать намъ добро, то мы васъ принудимъ и домой уже васъ не пустимъ». Всѣ мои увѣщанія и увѣренія, что я не скрываю отъ нихъ того, чего они требуютъ, но что указа о волѣ нигдѣ нѣтъ, что ихъ люди недобрые обманываютъ и только сдѣлаютъ ихъ несчастными за неповиновеніе помѣщикамъ и властямъ, ни къ чему не повели; голосъ мой былъ заглушенъ громомъ укоризнъ и ругательствъ.

Съ того времени до самой Ѳоминой недѣли я не видѣлъ уже своего дома, ночь и день находясь подъ дождемъ, снѣгомъ и стужею, будучи моримъ голодомъ и холодомъ.

Священникъ о. Капитонъ Бобровницкій, видя, что меня уже взяли и домой не пускаютъ, скорѣе выѣхалъ изъ Березны. Жена моя прислала для меня обѣдъ къ церкви, но разъяренная толпа не дозволила мнѣ покушать, говоря: «мы тебе примусимо голодомъ явить намъ добро наше». Нѣкоторые изъ толпы продолжали: «вотъ въ Яблo-

новкѣ (село васильковскаго уѣзда), тамъ старенькій священникъ объявилъ уже своимъ прихожанамъ волю и далъ имъ такую бумагу за церковною печатью, а бумагу ту, послѣ проводъ, люди повезутъ къ губернатору». Я утверждалъ, что это ложь и обманъ, что этого нѣтъ и быть не можетъ.—«Бреши вже самъ, отвѣчали мнѣ, а оно такъ есть, истинная правда! Гдѣ только священники хорошіе, тамъ уже люди стали вольны; а тебе паны (помѣщики) закупили, ты и отдавъ всіхъ въ неволю. Ты еси царскій брехунъ (т. е. лжешь именемъ Царя, искажаешь, утаеваешь его слова),—нашъ ворогъ и непріятель! Ты насъ запропастывъ, не давъ намъ присяги на вѣрность Царю».—Опять говорили: «будетъ тебѣ, какъ тому Дибичу [1]); чего, чего онъ не имѣлъ отъ Царя: честь, кресты, людей, деньги, и всего того было ему мало. Измѣнилъ Царю и—пропалъ.—Такъ и тебѣ будетъ: люди тебѣ работаютъ, кормятъ тебя, ты получаешь жалованье, но тебѣ еще мало, ты и нашу волю продалъ панамъ и взялъ за то отъ нихъ полкорца карбованцовъ. Не добрый и тебѣ конецъ будетъ!»—Все это слышано было мною не одинъ разъ, повторялось на разные лады. Что могъ я, избитый, измученный, сказать въ свое оправданіе, въ опроверженіе нелѣпыхъ басней, къ вразумленію людей? Лишь только я заикнусь—они мнѣ: «а ты насъ на рябу кобылу до присяги приводивъ?!»...

Прошелъ день, настала ночь; меня заперли въ колокольнѣ вмѣстѣ съ крестьянами-старожами.—Утромъ разсыльный привезъ мнѣ бумаги изъ сквирскаго духовнаго правленія. Я долженъ былъ читать въ слухъ всѣхъ здѣсь находящихся; между бумагами былъ указъ о панихидѣ по покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. «Вотъ видите, говорю, указъ! Надо его исполнить; пойдемъ, люди добрые, въ церковь, Богу помолимся за покойнаго Царя». Долго спорили они между собою. одни соглашались пустить меня въ церковь, другіе были противнаго мнѣнія,—наконецъ сговорились и дозволили. Чтобы болѣе быть на свободѣ, я сказалъ причетникамъ пѣть медленно пасхальные часы, а потомъ панихиду, такъ что это продолжалось до трехъ часовъ. Нетерпѣніе крестьянъ возрасло до

[1]) Въ народѣ такъ и осталось убѣжденіе, что извѣстный фельдмаршалъ графъ Дибичъ измѣнилъ въ польскую кампанію. Занесено оно, конечно, мѣстными солдатами, бывшими въ кампаніи, и поводомъ къ нему служило одно лишь не русское происхожденіе графа. Скорая смерть его отъ холеры объяснялась принятіемъ яда.—*Ред.*

того, что они стали шумѣть въ церкви и, подступая ко мнѣ все ближе и ближе, требовали прекратить служеніе. Я не внималъ имъ. Вдругъ нѣсколько человѣкъ схватили меня за руки, сняли съ меня облаченіе, въ бѣшенствѣ свалили меня на полъ и поволокли изъ церкви. Идущіе за мною наступали мнѣ на волосы, иные пѣли: «святый Боже», какъ надъ покойникомъ. Жена моя, услыхавъ, что меня хотятъ вести куда то изъ села, пришла на погостъ церковный съ дѣтьми. Увидѣвъ дѣлаемыя мнѣ поруганія, она начала плакать, дѣти подняли крикъ и вопль. Тутъ одна крестьянка, съ неподдѣльнымъ къ нимъ состраданіемъ, обращаясь къ дочери моей, говоритъ: «не плачьте, сердце, панно! Нехай тильки батюшка вашъ отдасть людямъ тую грамоту, що самъ Царь написавъ и, умочивши свою руку въ золото, до неи приложивъ,—то люди зновъ будуть батюшку вашого жаловать, а не то, то уже и въ село его не привезуть». Крестьяне же, что несли меня, говорили: «мы его за селомъ на камени убьемъ». При видѣ жены, дѣтей, сердце мое рвалось на части. Я недоумѣвалъ, что будетъ со мной,—ждалъ смерти, творилъ мысленно молитву. Вдругъ меня подняли высоко и бросили въ возъ *драбинякъ* безъ всякой постилки. На осяхъ были колеса безъ ободьевъ съ одними лишь спицами. Это нарочно придумали для меня. Такъ и повезли по дорогѣ въ село Сквирку. Запряженные волы шли своимъ обычнымъ шагомъ; все почти мужеское населеніе моего прихода слѣдовало за возомъ. На дорогѣ два раза дѣлали привалъ, садились вокругъ воза, кушали «пасхи» и другія пасхальныя яства, а мнѣ говорили: «вотъ мы ѣдимъ, а ты съ голоду здохнешь за твою кривду, что ты намъ дѣлаешь». Такъ прослѣдовали мы чрезъ деревню Городище и селеніе Сквирку. Тамъ и здѣсь выбѣгали смотрѣть люди *«на злотника попа, що продавъ свою громаду»* [1]), и поражали меня всевозможными укорами и ругательствами. Слѣдуя чрезъ Сквирку, я замѣтилъ на земляномъ валу (тутъ есть остатки какихъ то укрѣпленій) множество людей, окружившихъ одного человѣка. Погонщикъ воловъ, на которыхъ меня везли, на запросъ мой объяснилъ мнѣ, что то мѣстные крестьяне записываются въ козаки, а священникъ ихъ ушелъ съ прихода.

Мы пріѣхали въ село Яблоновку, васильковскаго уѣзда, куда собственно и везли меня.

[1]) „Злотникъ"—золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Все почти село,—мужчины и женщины были въ сборѣ около корчмы. Всѣ радовались и торжествовали свою волю; они громко говорили, что свободны уже отъ панщины. Былъ четвертый день праздника—среда. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, въ этотъ день была уже барщина: мужчины отправлялись въ поле съ ралами и боронами обсѣменять панскіе «лану». Теперь Яблоновцы не шли уже на барщину съ этого именно дня, у нихъ въ рукахъ была уже грамота объ ихъ свободѣ...

Смотря на ликующихъ Яблоновцевъ, мои прихожане, завидуя ихъ счастью, усилили надо мною свои наругательства, а я, сидя на воловомъ возу, на позоръ своихъ и мѣстныхъ людей, желалъ бы лучше сквозь землю провалиться. Но что мнѣ оставалось дѣлать, слыша нестерпимыя издѣвательства и брань? Одинокій, беззащитный среди разъяренной толпы слѣпаго народа, оставленный на произволъ своихъ истязателей, которые вотъ уже два дня морятъ меня голодомъ, безсонницею и всегдашнимъ понужденіемъ говорить къ нимъ, я не выдержалъ и горестно заплакалъ; но плачъ мой еще больше ожесточилъ ихъ и удвоилъ ругательства. Въ это время подходитъ ко мнѣ діаконъ села Сквирки, котораго я давно замѣтилъ въ народѣ, и голосомъ убѣжденія и состраданія говоритъ мнѣ: «О. Благочинный! пожалѣйте себя; довольно съ васъ, вы уже не похожи на себя; объявите имъ ихъ добро, пусть болѣе не мучатъ васъ!»—«Какое добро?»—спросилъ я. Онъ отвѣчалъ: «дайте имъ грамоту объ ихъ вольности». Услышавъ такія слова отъ діакона, мои и яблуновскіе прихожане съ новою яростію бросились на меня, настоятельно требуя грамоты, существованіе которой въ глаза доказывалъ мнѣ діаконъ.—Отошелъ діаконъ, подступилъ гвардеецъ, мѣстный житель, отставной унтеръ-офицеръ. «Батюшка, говоритъ, что это вы морочите бѣдныхъ людей? Я служилъ 25 лѣтъ въ самомъ царскомъ дворцѣ и точно знаю, что указъ о вольности еще три года назадъ тому вышелъ. Гдѣ вы его дѣвали, нечто съ блинами съѣли?» Я взялъ его за руку и, чуть не цѣлуя, говорилъ ему: «Яковъ Петровичъ! (такъ называли его всѣ и я за ними) на что вамъ смущать слѣпой народъ? Вы бы лучше его уговорили, успокоили; они бы вамъ болѣе всего повѣрили»; но онъ съ гнѣвомъ и грубостію противъ меня стоялъ на своемъ. Это еще болѣе увѣрило крестьянъ, что грамота царская существуетъ, и тогда еще

болѣе обрушилась на меня злоба моихъ прихожанъ. Они въ недоумѣніи начали спрашивать другъ друга, что дѣлать имъ, какія мѣры употребить, чтобы понудить меня объявить имъ ихъ «добро».

Въ эти тяжкія для меня минуты, я началъ просить торжествующихъ Яблоновцевъ показать мнѣ свою грамоту, которою они хвалились предъ моими прихожанами, и они принесли мнѣ листъ бумаги весь исписанный,—однако въ руки мнѣ не дали, а только съ благоговѣніемъ два человѣка, предо мною, развернувъ, держали. Пробѣжавъ мысленно написанное, я, при всемъ моемъ горѣ, не могъ не засмѣяться. Тогда они начали меня просить, чтобы я прочиталъ ихъ грамоту; но я, бывъ много опечаленъ ихъ насмѣшками надъ собою и недовѣріемъ, отказался читать, и они пошли искать грамотнаго изъ крестьянъ, а грамотные по селамъ были въ то время великая рѣдкость.

Чрезъ нѣкоторое время привели къ моему возу какого то полуграмотнаго, развернули предъ нимъ листъ, что прежде мнѣ показывали, и окруживъ нѣсколькими пальцами начальныя слова, заставили его читать. Тотъ читалъ по словамъ каждое слово. Грамота начиналась: «Мы, крестьяне графа Браницкаго, какъ по настоящее время работали панщину, такъ и впредь будемъ работать— мы и наши дѣти....» и прочее въ такомъ родѣ. Какъ только услышали крестьяне о панщинѣ, то, какъ ни худо читалъ грамотѣй, съ разу поняли смыслъ грамоты и всѣ въ одинъ голосъ закричали: «не треба, не треба намъ такои грамоты!» и начали бранить и проклинать отсутствующаго писаку за его обманъ. Писака однако былъ себѣ на умѣ; онъ, очевидно, такъ соображалъ: отказаться писать, — побьютъ, писать, чего хотятъ, — можно подъ отвѣтъ попасть; а не дурно и лишнюю гривну заработать. И онъ писалъ, что взбрело ему на умъ. Писалъ одно, читалъ другое. Тутъ всякія выписки, правила, фразы, пѣсни, присказки; никакой связи, никакого смысла, одно только глумленіе и обманъ. Успокоившись немного, Яблоновцы пробовали слушать далѣе. Дали приказъ чтецу, тотъ пошелъ по складамъ: «въ царскихъ титулахъ переносовъ не дѣлай»... Далѣе подобная жъ безсмыслица; всего не помню. Какъ только прочитано слово «титулы», всѣ закричали: «яки то шкатулы? на врага намъ шкатулы! на що намъ панщина? мы уже съ нею попрощались. Мы его просили написать,

что мы вольны отъ пановъ и панщины проклятой, а онъ опять насъ и нашихъ дѣтей закабалилъ. Мы ему такому-то сыну по двѣ гривны отъ души заплатили, а онъ вотъ что написалъ!» И при этомъ, обратившись къ моимъ прихожанамъ, сказали: «спасибо вамъ, что вы съ своимъ священникомъ къ намъ пришли и такимъ случаемъ мы обманъ свой познали. А то мы хотѣли завтра эту самую бумагу нести въ Кіевъ къ губернатору, чтобы онъ утвердилъ ее своею властію».

Когда я заглянулъ еще разъ въ бумагу, то увидѣлъ на концѣ подпись мѣстнаго священника Ан. Руткевича и церковныя печати, одну сургучную и четыре накопченныя... Стали искать сочинителя бумаги и нашли его въ смежномъ селеніи Сквиркѣ, гдѣ онъ, какъ упомянуто выше, сидя на валу, мѣстнымъ жителямъ подобную же написалъ бумагу. То былъ мѣщанинъ г. Сквиры, а фамиліи его не помню. Его привели, раздѣли и подвергли жестокому наказанію, прогнавъ его по военному чрезъ строй: били безъ милости толстыми палками.

Наказавъ сего обманщика, послали за своимъ священникомъ, который своею подписью и печатями утвердилъ такое насиліе.

Священникъ, осьмидесятилѣтній старецъ, въ страхѣ и трепетѣ предсталъ на судъ обманутыхъ имъ прихожанъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и меня держали, и когда я обратился къ нему, почему онъ, по іерейской своей совѣсти, не объявилъ своимъ прихожанамъ, что никакой грамоты царской объ ихъ свободѣ не было и не убѣдилъ ихъ не слушать клеветниковъ, распускающихъ ложные о томъ слухи, но своимъ подписомъ и печатьми способствовалъ къ большему возбужденію темнаго и безграмотнаго народа, и не только своихъ, но и чужихъ прихожанъ ввелъ въ заблужденіе, то онъ съ плачемъ объяснялся, что его страшными угрозами, даже лишеніемъ жизни принудили подписать и утвердить печатями сказанную бумагу. Прихожане яблоновскіе, познавъ свой обманъ и, видя, что ихъ надежда на «добро» рушилась, съ озлобленіемъ повели съ площади своего священника. И мои прихожане пришли въ уныніе и даже къ той мысли, что слухи объ ихъ свободѣ должны быть ложны. Они рѣшили провесть ночь въ Яблоновкѣ и возвратиться домой; большая часть ихъ тотчасъ же удалилась, а только четыре человѣка остались ночевать около меня на площади подъ возомъ. Остав-

шіеся, имѣя обильные запасы съѣстнаго, стали ужинать, но мнѣ не предложили. Со вторника отъ литургіи (а это уже была ночь противъ четверга) я ничего не вкушалъ и отъ голода, безсонницы и цѣлодневныхъ досадъ и оскорбленій приходилъ въ изнеможеніе.

Въ четвергъ утромъ привезли меня на конной подводѣ въ Березну, но въ домъ не пускали, а заключили по прежнему въ колокольню, пока соберется и разсудитъ о мнѣ «громада».

Тутъ я узналъ, что жена моя, не считая себя безопасною въ Березнѣ и не надѣясь на мое возвращеніе, въ чемъ ее увѣрили мои прихожане, забравши дѣтей, бѣжала въ Сквиру, въ темную, дождливую ночь, на искалѣченныхъ въ Логвинѣ лошадяхъ и надломанной повозкѣ, съ крестьянскимъ мальчикомъ, пастухомъ ягнятъ. Всю ночь странствовала перепуганная моя семья и едва съ разсвѣтомъ, съ великою бѣдою, добралась до Сквиры. На дорогѣ, въ лѣсу, она встрѣтила родственника нашего, о. Капитона Бобровницкаго, скрывавшагося здѣсь отъ своихъ прихожанъ, и съ нимъ прибыла въ городъ. Здѣсь ихъ пріютилъ о. Филиппъ Руткевичъ, и принялъ горячее участіе при лѣченіи тяжко заболѣвшей здѣсь жены моей, питалъ и, сколько можно, утѣшалъ несчастное мое семейство.

Въ Березнѣ въ это время начиналось уже настоящее народное волненіе.

Прихожане мои, оставивъ меня въ колокольнѣ, начали на дворѣ неизвѣстную для меня раду; въ это время послышался со стороны говоръ массы народа:—это Логвинскіе прихожане, предводительствуемые извѣстнымъ уже крестьяниномъ Иваномъ Олѣйникомъ, привели сюда своего священника, а послѣ нихъ прибыли, также съ священникомъ, и крестьяне с. Антоновки. Вся площадь около церкви была запружена мѣстными и пришедшими людьми.

Сидя въ колокольнѣ, я услышалъ страшный и знакомый мнѣ голосъ Олѣйника. Онъ кричалъ: «Вы, Березнянская громада, хочь велика, та дурна (глупа); до сего часу не могли справиться съ своимъ попомъ. Отъ давайте его мені, я не стану съ нимъ панькаться (церемониться).» Вывели меня: со страхомъ предсталъ я предъ своего палача. Поднимая свою палку, онъ неестественнымъ голосомъ закричалъ: «доки ты будешъ морочить бідный народъ»? И, схвативъ меня за грудь, такъ сдавилъ, что чуть меня не удуш-

шилъ. Потомъ закричалъ: «роздіньте его, сніміть съ него чоботы»! Я трое сутокъ не снималъ съ себя одежи и обуви. Бросились снимать безъ снисхожденія, безъ жалости и съ такимъ остервенѣніемъ, что повредили мнѣ правую ногу, которая, хотя и была излѣчена мною, но впослѣдствіи болѣзнь возобновилась и я и понынѣ постоянно ею страдаю. Раздѣвъ меня со смѣхомъ и разными поношеніями (издѣвались и мущины и женщины), навязали на меня веревку и сперва водили меня по колючимъ растеніямъ, которыми заросла густая панская усадьба, а искалѣчивъ меня до крови, повели къ рѣкѣ, съ которой недавно сошелъ ледъ, и держали въ водѣ часа три. На берегу стояла масса народа, со всѣхъ сторонъ сыпались на меня насмѣшки, ругательства, проклятія; нѣкоторые говорили: «онъ нашихъ дѣтей купаетъ въ водѣ (при крещеніи), можно и его покупать». Стояли женщины съ дѣтьми разныхъ возрастовъ. Указывая на меня, говорили: «дивитеся, дітки, щобъ и вы памятали, якъ батьки ваши на волю выходили и що тоді попамъ робили». Тоже дѣлали и съ братомъ моимъ, Алексѣемъ Сикорскимъ. Въ четвергъ, пятницу и субботу свѣтлой седмицы днемъ водили насъ на веревкѣ по будякамъ (колючкамъ) и топили въ рѣкѣ, а ночью, съ конца въ конецъ села, въ дождь и слякоть, водили почти нагими, по колѣни въ грязи, моря голодомъ и безсонницею. Все требовали отдать имъ ихъ «добро», или записать въ козаки и привести къ присягѣ, что они свободны отъ помѣщиковъ. Сострадальцемъ нашимъ при этомъ былъ и сынъ Алексѣя Сикорскаго, села Логвина священникъ; но насъ не сводили вмѣстѣ, а подвергали истязаніямъ каждаго отдѣльно, и мы о томъ не вѣдали, что кто изъ насъ терпѣлъ.

Въ Ѳомино воскресенье, я просилъ прихожанъ, чтобы пустили меня въ церковь помолиться, ради дня воскреснаго, но мнѣ въ моей просьбѣ отказали и вмѣсто того повели меня въ рѣку и, продержавъ въ водѣ не малое время, стали вести къ церкви. Тутъ на встрѣчу намъ новыя двѣ «громады»: Петрошевская и Бѣлѣевская, но безъ священниковъ. Съ укоромъ и досадительствомъ стали онѣ упрекать Березнянскую «громаду», что она, будучи такъ славна и многолюдна, до настоящаго времени не припудила своего священника явить ей ея «добро». «Вотъ мы, говорятъ,—ваши сосѣди, на васъ смотримъ. Ждемъ своего священника и тогда рѣшимъ: какъ

вы сдѣлаете, такъ и у насъ пусть будетъ. И то должно быть сегодня же сдѣлано, ибо послѣ «проводъ» уже будетъ поздно,—всѣ останутся, по прежнему, помѣщичьими крестьянами». Услышавъ это, Олѣйникъ и другіе вожаки народнаго волненія свели насъ священниковъ, первый разъ, вмѣстѣ и сказали намъ: «вотъ вы посовѣтуйтесь между собою и рѣшайтесь—написать насъ всѣхъ вольными козаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе (не помѣщичьи), что поля и лѣса—наши и все, что есть у пановъ—наше жъ. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали. Сдѣлаете по нашему, мы васъ освободимъ и будемъ, по прежнему, вамъ послушны; а не захотите,—миловать васъ больше не станемъ. То пустое, что мы вамъ дѣлали; насъ, женъ нашихъ и дѣтей горше мучили и терзали паны; вотъ какъ мы васъ *желѣзомъ* припечемъ!... И къ тому у насъ уже все готово».

Это средство къ нашему мученію, какъ я узналъ послѣ, присовѣтовала одна 80-ти лѣтняя старуха. Стала она людямъ говорить: «(в)отъ якъ бы вы ихъ (священниковъ) шиною припекли—може помогло-бъ. Колись давно, якъ я еще дівчиною була, (в)отъ тутъ на симъ пляцу (площади) пекли шиною якихъсь двохъ чоловікивъ, то заразъ повинились, и я сама своими очима то бачила (видѣла), а за що пекли, не відаю, бо ще дурна (глупа) тогді була». Мучители наши тотчасъ рѣшили прибѣгнуть къ испытанному средству и о томъ, какъ я уже сказалъ, намъ объявили. Услышавъ такой приговоръ, мы, идя за церковь, стали другъ друга спрашивать, что намъ теперь дѣлать, и въ недоумѣніи и страхѣ ублажали воиновъ севастопольскихъ, которые находились тогда подъ непріятельскими пулями. Мы еще ничего не рѣшили, какъ уже Олѣйникъ приблизился ко мнѣ, чтобы съ меня начать истязаніе, и хотѣлъ уже взять меня. Вдругъ зазвонили на колокольнѣ во всѣ колокола и со всѣхъ сторонъ начали вскакивать на погостъ церковный крестьяне съ разными вооруженіями: съ вилами, косами, топорами и заступами. Ближайшіе къ намъ, толкая насъ въ шею, потащили въ церковь. На вопросъ, что это значитъ, отвѣчали мнѣ: «то твоя попадя та панъ наробили! Утекли до Сквиры и зачали до начальства писать. Теперь иде сюда сила войска, и якъ намъ біда буде, то тобі перше (прежде)». При этомъ многіе громко выражали сожалѣніе, зачѣмъ выпустили изъ села мою жену: «если-

бы она была здѣсь, говорили, то принявшись за нее и дѣтей, мы имѣли бы въ рукахъ наше добро, а теперь уже поздно». Насъ троихъ заперли въ западный церковный придѣлъ и къ каждому приставили по 4 сторожа, а Олѣйника особо ко мнѣ. Онъ поминутно угрожалъ мнѣ погибелью, считая меня всему своему неуспѣху причиною.

Звонъ продолжался на колокольнѣ. Одинъ изъ нашихъ сторожей вышелъ изъ придѣла и, возвратившись, говорилъ прочимъ, что солдатъ идетъ очень много,—растянулись почти на версту. Послѣ мы узнали, что солдатъ было всего двѣ роты. Это были саперы, которыхъ двинули сюда изъ полтавской губерніи, а предъ тѣмъ въ нашей мѣстности не было ни одного солдата. Объ этомъ всѣ крестьяне вѣдали, а потому и дѣйствовали безбоязненно. Когда прибыли сюда начальствующія лица для усмиренія волненія (вице-губернаторъ Веселкинъ, маіоръ Громека [1]), исправникъ и др.),—имъ не вѣрили, ихъ подымали на смѣхъ, называя переодѣтыми ляхами и жидами. Много мнѣ послѣ разсказывали забавнаго и печальнаго о томъ, какъ шли отъ властей увѣщанія взволновавшимся крестьянамъ. Прибыла къ толпѣ комиссія и во главѣ вице-губернаторъ. Говорилъ онъ сильно, внушительно; народъ притихъ, въ толпѣ шептали: «губернаторъ.... губернаторъ!...»—«Се Крохмаль, жидъ—лікарь зъ Білой Церкви, крикнулъ кто-то изъ толпы; его паны наняли и до насъ прислали. Не слухайте, що вінъ бреше!...» О другомъ говорилъ кто-то: «се Гершко зъ Потока [2]); вінъ валашкивъ скуповуе (барановъ скупаетъ). Торикъ (прошлый годъ) купивъ у мене въ ярмарку пять».... И толпа разражалась смѣхомъ, подымала шумъ и гикъ, а начальствующіе съ конфузомъ и скорбію уходили. Но скоро потомъ не до смѣха уже было.

Сидя въ заключеніи въ придѣлѣ, находясь поминутно между страхомъ смерти и надеждою жизни, мы съ плачемъ на колѣняхъ Богу молились. Почти до трехъ часовъ дня мы не имѣли свѣдѣній, что дѣлается внѣ церкви. Но именно въ это время, какъ послѣ мы узнали, происходили увѣщанія отъ начальства къ кресть-

---

[1]) Впослѣдствіи Сѣдлецкій губернаторъ.

[2]) Мѣстечко каневскаго уѣзда.

янамъ. Народу было до 5000. Говорили сперва ко всѣмъ собравшимся, потомъ чрезъ ихъ выборныхъ, чтобы покорились и успокоились. Всему спокойно внимали крестьяне, но лишь рѣчь заходила о панахъ, о панщинѣ,—слышать не хотѣли, а о насъ говорили, что никакихъ священниковъ у нихъ нѣтъ. Послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній выдвинули солдатъ. Толпа крестьянъ быстро направилась къ нимъ, чтобы окружить ихъ и отнять у нихъ ружья. Тогда скомандовали стрѣлять; выстрѣлили залпомъ, но на воздухъ; пули далеко залетали, нѣкоторыя попали въ стѣны церкви и колокольни. Отъ выстрѣла произошелъ страшный громъ въ церкви; сторожа наши пришли въ неописанный страхъ, сдѣлались изъ красныхъ бѣлыми, тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Слыша громъ выстрѣловъ, одинъ изъ насъ сказалъ сторожамъ: «вотъ это по вашей козачинѣ!»—«Не радуйтесь, отцы! былъ отвѣтъ; достанется и вамъ»! И мгновенно блеснули у нашихъ стражей большіе ножи.... Толпа продолжала напирать на солдатъ и послѣ сдѣланнаго въ нее выстрѣла. Она была вооружена—пиками, косами, топорами, дубинами. Одинъ изъ крестьянъ—нечаянно или намѣренно—задѣлъ дубиной солдата по рукѣ. Передніе солдаты взяли въ штыки.... Лава налегала. Скомандовали стрѣлять: раздался залпъ, другой.... Послышался крикъ, гамъ невообразимый.... Скоро все обратилось въ бѣгство и мы чрезъ окно видѣли, какъ народъ во всѣ стороны разсыпался. Уже бѣгущихъ солдаты преслѣдовали пулями и штыками. Огромныя массы повалили къ церкви, желая въ ней найти спасеніе: ветхія ея стѣны трещали, но стража наша крѣпко подперла двери, никого не впустила и—тутъ явилась груда убитыхъ. Намъ стали слышаться многіе голоса: «гдѣ священники, гдѣ священники?» но никто не указалъ мѣста нашего заключенія. Мы просили сторожей отворить церковь, но они съ угрозами приказывали намъ молчать. Преслѣдовавшіе солдаты нѣсколько сотъ крестьянъ успѣли загнать въ ограду церковную, нѣсколько десятковъ стащили съ колокольни, поражая безпощадно ружейными прикладами. Между схваченными здѣсь былъ и староста церковный, и ключи церковные были у него въ карманѣ; но онъ не явилъ ни нашего заключенія, ни ключей, хотя начальство и спрашивало его. Тогда становой приставъ, доставши топоръ въ квартирѣ діакона, нѣсколькими ударами обуха въ дверь, отворилъ наше заключеніе. Тутъ

мы увидѣли своихъ освободителей и своихъ мучителей; послѣдніе, трепеща, съ поднятыми вверхъ руками, стояли на колѣняхъ. Къ ближайшему изъ нихъ обратился вице-губернаторъ: «будешь повиноваться помѣщикамъ»?—«Нѣтъ, не буду!» отвѣчалъ онъ. Другаго начальникъ отряда о томъ же спросилъ, но получилъ такой-же отвѣтъ. Тогда всѣхъ захваченныхъ повели на панскій дворъ и тамъ безъ пощады сѣкли розгами, начиная съ старосты церковнаго. Этотъ до самого моего выбытія изъ прихода собирался выместить на мнѣ, считая меня виновникомъ его наказанія.

Всѣ бывшіе тутъ разныхъ селъ крестьяне пришли сюда съ большими запасами пасхальныхъ яствъ, которыя сложены были въ церкви. У многихъ, говорятъ, были значительныя деньги. Что думалъ этотъ темный, жалости достойный народъ, трудно съ точностію узнать. Собираясь въ козаки, многіе продавали воловъ, коровъ и лошадей и всѣ деньги при себѣ имѣли, но все оставили въ добычу побѣдителямъ. Жены убитыхъ плакали надъ ними, свидѣтельствуя, что у нихъ были деньги, но находили карманы порожними.

О числѣ убитыхъ свидѣтельствуетъ метрическая книга Березняйской церкви [1]); раненыхъ безчисленное множество. Многіе померли, а которые изъ другихъ селъ приходили въ Березну за вольностію, о тѣхъ на мѣстѣ ничего не было извѣстно при моей бытности.

Изъ крестьянъ, стоявшихъ по другую сторону Роси и не принимавшихъ участія въ волненіи, нѣкоторые свидѣтельствовали, что уходившими изъ Березны вся рѣка, бывшая тогда въ разливѣ, была запружена, только были видны головы, какъ будто пни, послѣ срубленнаго мелкаго лѣса.

Единственная старуха, бывшая въ моемъ домѣ, и едва не пострадавшая отъ пули, вонзившейся около нея въ заборъ, разсказывала, что когда начиналась неумолкаемая пальба, бѣдный скотъ на моей загородѣ ревѣлъ, скакалъ и не находилъ для себя мѣста. Два человѣка чужіе,—не изъ моего прихода, шли чрезъ мое подворье къ рѣкѣ, неся на рукахъ вывалившіяся свои внутренности и, войдя въ воду, тамъ и умерли.

---

[1]) По офиціальному современному донесенію 20.—*Ред.*

Всего происходившаго, послѣ погрома волновавшихся, невозможно вмѣстить здѣсь.

Нижніе чины изъ нашихъ освободителей разгавливались и услаждали себя запасами мятежныхъ пришельцевъ, а начальствующіе были угощены обѣдомъ въ панскомъ домѣ, гдѣ и мы, пострадавшіе, не были забыты. И я пообѣдалъ, послѣ пятидневнаго поста.

Такъ какъ многіе изъ зачинщиковъ спаслись бѣгствомъ, то я, не считая себя въ домѣ безопаснымъ, просилъ губернатора отправить меня въ Кіевъ и съ командою военною поѣхалъ въ с. Яблоновку. Здѣсь собственно началось волненіе, отсюда оно и въ Березну перешло; но и здѣсь уже все кончилось,—всѣ жители на колѣняхъ изъявили свою покорность. Мы остались въ экономіи (помѣщич. домѣ) ночевать. Ночью я заболѣлъ отчаянно, исповѣдывалъ меня о. Руткевичъ и я уже отчаялся въ жизни. Въ два часа ночи,—въ Ѳоминъ понедѣльникъ, начальствующіе съ командою пошли усмирять село Трушки; тамъ также безпрекословно крестьяне покорились. Ко мнѣ привезли изъ Бѣлой Церкви врача, который принесъ мнѣ не малое облегченіе, такъ что я на слѣдующій день былъ отправленъ съ управляющимъ тамошнимъ имѣніемъ въ г. Сквиру. Тутъ надѣялся я застать свое семейство; но жена моя, услыхавъ о прекращеніи волненія, еще въ понедѣльникъ возвратилась домой. При въѣздѣ въ село, она встрѣтила множество подводъ, на которыхъ везли убитыхъ на кладбище. Всѣ, сопровождавшіе ихъ, какъ разсказывала мнѣ жена, неистово смотрѣли на возвращающееся мое семейство, а нѣкоторые разразились при этомъ рыданіемъ и ругательствами противъ меня, который, по ихъ мнѣнію, сдѣлалъ ихъ несчастными.

Волненіе народное и мои безпокойства и страданія этимъ не окончились; цѣлое лѣто до самой осени меня тревожили разные слухи, распускаемые со стороны моихъ же прихожанъ, особенно израненныхъ и изувѣченныхъ во время усмиренія. Ихъ нельзя было разубѣдить и успокоить; всѣ сдѣлались ко мнѣ недовѣрчивы, всѣ стали страшными недоброжелателями моими изъ добрѣйшихъ, честнѣйшихъ и истинно набожныхъ моихъ прихожанъ. Какъ велико ихъ было недовѣріе ко мнѣ, слѣдующій случай можетъ показать. Спустя недѣлю послѣ усмиренія, викарій кіевскій, преосвященный Аполлинарій, посѣщая епархію, собственно для успокоенія народнаго, былъ въ Березнѣ; но никто изъ жителей не явился добро-

вольно въ церковь. Самого преосвященнаго Аполлинарія не признавали епископомъ; иные утверждали, что подъ видомъ его пріѣзжалъ братъ мой, монахъ кіево-михайловскаго монастыря, а чтобы удостовѣриться въ этомъ, посылали нарочно въ Кіевъ узнать, находится ли на мѣстѣ преосвященный.

Возвратясь изъ Сквиры въ свой домъ, я вскорѣ снова заболѣлъ и, не могши самъ осмотрѣть церковь, послалъ пономаря, чтобы онъ очистилъ ее и привелъ въ порядокъ. Сдѣлавши, что слѣдовало, онъ пришелъ ко мнѣ и принесъ много бумагъ, отысканныхъ имъ за иконою. Разсмотрѣвши ихъ, я узналъ, что это были прошенія крестьянъ изъ 20-ти окружныхъ селеній на имя губернатора, въ коихъ они жаловались на разныя обиды и притѣсненія со стороны помѣщиковъ. Прошенія эти я, при своей бумагѣ, препроводилъ военному слѣдователю, маіору Громекѣ, квартировавшему въ домѣ помѣщика. Здѣсь же были собраны, незнаю для чего, и сосѣдніе помѣщики. Слѣдователь принялъ мою бумагу, и я не зналъ, какъ онъ поступитъ съ прошеніями; но чрезъ часъ прибѣгаетъ ко мнѣ озлобленный исправникъ и говоритъ: «что вы надѣлали мнѣ, батюшка! для чего вы мнѣ не дали тѣхъ бумагъ.»? Впрочемъ, скоро дѣло улажено было. Слѣдователь, узнавши содержаніе прошеній и обратившись къ помѣщикамъ, сказалъ: «теперь всѣ вы, господа, въ моихъ рукахъ; вотъ гдѣ причина бунта крестьянъ»! [1]) Но помѣщики, зная, что изъ этого выйдетъ и чѣмъ можно прекратить грозившую отвѣтственность, тотъ же часъ *погодились* съ слѣдователемъ, и прошенія остались безъ послѣдствій. [2]) Такъ мнѣ передавалъ добродушный и словоохотливый исправникъ. Съ этой поры мѣстные и окружные помѣщики сильно ко мнѣ не доброжелательствовали.

Въ виду озлобленія противъ меня моихъ прихожанъ, въ виду недоброжелательства помѣщиковъ и претерпѣнныхъ мною истязаній, митрополитъ Филаретъ и пр. Аполлинарій не разъ совѣтовали мнѣ

---

[1]) За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, въ началѣ управленія краемъ генералъ-губернатора Васильчикова, введены были *дополненія* къ инвентарнымъ правиламъ, которыхъ не допустилъ Д. Г. Бибиковъ. Они совершенно парализовали самыя правила. Никогда утѣсненія крестьянъ помѣщиками не достигали такой сильной степени, какъ въ это время.—*Ред.*

[2]) Извѣстное безкорыстіе С. С. Громеки освобождаетъ, кажется, его память отъ такого подозрѣнія.—*Ред.*

оставить Березну, предлагая мнѣ разные очень выгодные приходы; но мнѣ не хотѣлось оставить мѣсто, гдѣ я 20 лѣтъ священствовалъ и обзавелся хорошимъ хозяйствомъ. Такъ оставался я въ Березнѣ почти до осени 1856 года, каждый день и особенно ночь трепеща за свою жизнь. Въ концѣ лѣта того года шли чрезъ Березну резервныя войска къ Севастополю. Остановившись на дневку, начальствующіе посѣтили меня. Чрезъ солдатъ и другихъ имъ стало извѣстно о моемъ не безопасномъ и во всякомъ случаѣ тревожномъ положеніи и они убѣдили меня уходить изъ Березны. По ихъ словамъ, крестьяне продолжали считать меня причиною своей зависимости отъ помѣщиковъ, говорили и вѣрили, что я помѣшалъ имъ быть вольными, что по моей винѣ десятки женъ остались вдовами, а сотни дѣтей—сиротами.

Тяжело было мнѣ слышать незаслуженныя мною нареканія, еще тяжелѣе видѣть несчастныхъ, которые меня считаютъ причиною своего несчастія, и я рѣшился просить перевода въ село Пустоваровку; но пр. митрополиту Филарету благоугодно было самому перевести меня на мѣсто уѣзднаго протоіерея въ г. Звенигородку. Трудно было мнѣ привыкать къ городу послѣ стольких лѣтъ удобной сельской жизни; къ тому же, по причинѣ стеченія здѣсь разныхъ войскъ, и квартиру трудно было отыскать. Я просилъ епархіальное начальство возвратить меня въ Березну, но просьба моя уже не была уважена. Такъ я и остался въ Звенигородкѣ. Прежніе мои прихожане Березнянскіе, убѣдившись въ моемъ къ нимъ доброжелательствѣ и что безъ вины мучили меня, неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбою, чтобы я возвратился и паки въ Березну, обѣщая мнѣ великія блага, просили, по крайней мѣрѣ, дозволить сыну моему, который тогда кончилъ курсъ, идти къ нимъ священствовать; но, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мною бѣдствій, волю начальства моего я считалъ опредѣленіемъ Божіимъ и не тронулся съ мѣста, на которое подвинула меня судьба.

Протоіерей Василій Сикорскій.

Г. Звенигородка. 1882 г. Февраля 21 дня.

ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ

и запорожцы [1]).

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что большей части просвѣщенныхъ русскихъ людей извѣстна хотя вкратцѣ исторія южной половины нашего великаго отечества, особенно Малороссіи и ея козачества. Послѣ драгоцѣнныхъ сочиненій Бантыша Каменскаго и Маркевича, нѣкоторымъ источникомъ для изученія исторіи этого края и русскихъ колоній въ степяхъ (Новороссіи и Черноморіи) была книга наша, подъ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи* или *послѣдняго Коша Запорожскаго*, изданная въ Одессѣ въ 1841 г. въ одномъ, а въ 1846 году въ трехъ томахъ. Въ послѣдствіи времени собраны были нами еще новые документы, для исторіи Украины весьма драгоцѣнные, особенно тѣ, которые добыты нами въ частныхъ архивахъ юго-западной Россіи. Такъ какъ подобные историческіе матеріалы мало кому извѣстны и, вѣроятно, не будутъ нами напечатаны; то мы рѣшились подѣлиться ими съ читателями столь полезнаго, хотя и еще новаго изданія, какъ «Кіевская Старина», въ надеждѣ, что онѣ пригодятся для многихъ изыскателей исторіи южной Россіи, которые, подобно намъ, встрѣчали не разъ большія затрудненія отъ скудости письменныхъ достовѣрныхъ памятниковъ.

Изъ числа такихъ документовъ предлагаемъ пока три письма 1730-хъ годовъ, по нашему мнѣнію вполнѣ достойныя вниманія и ученыхъ людей и простыхъ любителей отечественнаго лѣтописанія. Это, во 1-хъ, письмо Филиппа Орлика къ казакамъ запорожскимъ; и во 2-хъ, отвѣты ему и хану крымскому отъ запорожцевъ. Къ этимъ

[1]) Изъ документовъ архива „Послѣдняго Коша Запорожскаго", собранныхъ въ 1839—1845 годахъ.

письмамъ, подъ одною нумераціею, присоединяемъ и тѣсно связанныя съ ними три письма кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, къ Запорожскому Кошевому.

Всѣмъ знакомымъ съ исторіею Малороссіи памятны имена Мазепы и его главныхъ учениковъ и сообщниковъ: Орлика, Дорошенка и Герцика. Мы напомнимъ здѣсь вкратцѣ тѣ только событія, которыя необходимы для уразумѣнія предлагаемыхъ документовъ. Въ упомянутой книгѣ нашей (части II стр. 53—59) читатели найдутъ сказаніе о бѣгствѣ запорожскихъ козаковъ, увлеченныхъ Мазепою въ армію Карла XII, сперва въ Бессарабію, въ лагерь его близъ Бендеръ, а послѣ, при помощи хановъ крымскихъ, въ сѣверныя степи таврической губерніи. Тамъ основали они въ 1709 году Кошъ или Сѣчь въ Алешкахъ [1]), на берегу Днѣпра, гдѣ и пробыли до 1733 г., то есть до окончательнаго переселенія, съ дозволенія русскаго правительства, въ предѣлы нынѣшней екатеринославской губерніи. Здѣсь, подъ покровительствомъ кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, основали они на рѣчкѣ *Подпольной*, впадающей въ Днѣпръ, «Новую» и послѣднюю «Сѣчь», гдѣ и оставались до упраздненія всего Войска Запорожскаго въ 1775 году.

Филиппъ Орликъ, скитавшійся сперва въ Швеціи, а послѣ во Франціи, нашелъ себѣ наконецъ убѣжище въ Турціи, гдѣ онъ и сложилъ свою преступную голову. Но равно изъ Швеціи, какъ и изъ разныхъ мѣстъ турецкаго и ханскаго владычества, онъ подсылалъ къ казакамъ запорожскимъ и письма и эмиссаровъ, бунтуя ихъ противъ Россіи и убѣждая оставаться въ предѣлахъ крымскаго ханства. Одно изъ такихъ его писемъ столь оригинально, что мы предлагаемъ его во всей цѣлости. Мы просимъ читателей нашихъ обратить вниманіе на языкъ и слогъ обоихъ казачьихъ документовъ. Письмо Орлика, воспитаннаго, подобно Мазепѣ, на польскихъ вельможескихъ дворахъ, имѣетъ претензію на дипломатическіе обороты и нѣкоторыя познанія въ политическихъ событіяхъ,—напротивъ отвѣты запорожцевъ весьма просты и убѣдительны.

---

[1]) Нынѣ уѣздный городъ Таврической губерніи.

1.

Письмо Орлика къ Запорожцамъ.

«Мои вельце ласкавіе пріятели и братя, пане Атамане Кошовій и все старшее и меншее Войска Запорожскаго Низоваго товариство.

«Будучи въ далекихъ и отъ вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, одлеглихъ краяхъ до Салоникy запровоженный, а повернувшися оттуль въ сихъ дняхъ до боку Найяснѣйшаго Хана, его милости, одобралемъ тутъ, не такъ для мене, бо я не ищу моего особливаго щастія и пожитку, яко найбарзей для самыхъ же вашмостей, добрыхъ молодцевъ, для отчизны и для всего народу тамошнего, единоземцевъ вашихъ, непотѣшную вѣдомость, же вашмость, добрые молодци, запомнявши присяги своей, которою предъ Богомъ на непорочномъ Его Евангелiи обовязалистеся и обѣщали всѣ едностайне и единодушно, не только житія, але и послѣдней крове капли не жаловати, для вызволенія (освобожденія) тоей жь отчизны своей отъ тяжкаго и тиранскаго подданства московскаго, жаднимъ (никакимъ) обѣтницамъ ихъ не вѣрити, на сторону ихъ не склонятися и поти зъ ними войны не кончити, поки отчизна наша, зо всѣмъ народомъ войсковымъ и посполитымъ, не будетъ до первобытныхъ своихъ правъ и вольностей привернена и отъ незноснаго ярма московскаго высвобождена. Теперь власне (особенно), когда до выполненя тоей присяги щастяный, издавна пожаданій (желанный) пришолъ часъ, когда зъ едной стороны найяснѣйшій Король, его милость, французскій, найсильнѣйшій и найпотужнѣйшій (najpotężniejszy, самый могущественный) въ цѣломъ христіанствѣ непобѣдимый Монарха, соединившися съ королевскимъ величествомъ Гишпанскимъ, дядькомъ своимъ, и зъ королевскимъ величествомъ Сардинскимъ, братомъ своимъ, противъ Цесаря, его милости, христіанскаго и противъ Москвы, праведную и слушную выказалъ имъ войну и знатное уже, помощію Божіею, не тилько надъ войсками цесарскими въ Италіи звѣтяжество (zwycięztwo, побѣду) одержалъ, але и цѣлое тамъ королевство Ломбардѣйское и два великія княженія: Медіоланское и Мантуанское за мали жь барзо (очень) часъ,

бо тылько въ трехъ мѣсяцевъ, отъ цесарскаго величества одобралъ. А опричь тихъ силъ и войскъ союзныхъ французскихъ, гишпанскихъ и сардинскихъ, которыхъ 150.000 въ Италіи теперь звайдуется, особливо двѣстѣ еще тысячей самаго войска французскаго, одобравши двѣ княженія отъ князя Лотаринскаго, зятя цесарскаго, и добывши килька фортецъ Цесарскихъ надъ рѣкою Реномъ, переправилися уже черезъ тую рѣку и идутъ теперь до панства цесарскаго и у Вѣдны (до Вѣны), которымъ такъ великимъ силамъ въ Италіи французскимъ же Цесарское Величество малолюднымъ своимъ войскомъ не выдолаетъ постояти, звлаща (тѣмъ болѣе), когда и отъ турковъ треба стрегтися и въ поготовости быти, и же не тилько союзной себѣ Москвѣ жадной помощи давати, але и себе самого оборонити не можетъ. Не иначей о томъ цѣлый свѣтъ разумѣетъ и по человѣческу разсуждаетъ, знаючи добре, же Королевское Величество французское самъ еденъ, опрочь силъ союзныхъ гишпанскихъ и сардинскихъ, мѣетъ самимъ дѣломъ войскъ своихъ на морю и на земли 500,000; а до того цѣле уже Цесарское Величество, утративши надѣю, которую покладало на помощи Англіи и Голландіи, также на оборонѣ короля Дуньскаго (Датскаго) и Прусскаго, князя Баварскаго и иныхъ князей государства нѣмецкаго, не знаетъ и самъ, якъ мѣетъ съ собою поступити, и якъ тую войну провадити. Поневажь (ибо) всѣ тіи королевства и панства видячи, же Цесарское Величество и Москва неслушне и неналежне, а до того и богопротивно, на права и вольности Рѣчи-Посполитой Польской, до себѣ ни въ чемъ не належачой, гвалтовно наступуютъ, въ чужомъ панствѣ владѣти хотятъ и вольными голосами отъ всѣхъ едностайне найяснѣйшаго короля е. м. Станислава [1]), за Пана обранаго (избраннаго) законно, зъ королевства польскаго вызути (wyzuć, отрѣшить) усилуютъ,— не хотѣли и не хотятъ Цесарскому Величеству и Москвѣ въ войнѣ, зъ ихъ стороны неправедной, допомогати, же бы за тое Богу не одповѣдали и за пролитіе крови неповинной помсты (мщенія) отъ себя зъ неба не натягнули. И то есть зъ едной стороны, гдѣ можете вашмость, добрые молодци, видѣти и уважити, якъ великіе суть силы, которые намъ могутъ быти помощные, зъ другой зась (же) стороны, когда найя-

[1]) *Станислава Лещинскаго*, соперника Августа II Саксонскаго, которому помогалъ Петръ В.

снѣйшій король, е. м., польскій Станиславъ, тесть королевскаго величества французскаго, вольними голосами отъ цѣлой Рѣчи-Посполитой на королевство польское обраній, затягнувши въ Пруссахъ не мало войска чужеземскаго, а до того мѣючи въ помощь себѣ присланних кильконадцять тысячей шведовъ и французовъ, рушилъ (ruszył, выступилъ) уже съ Гданска въ злученье зъ войсками польскими и литовскими, противъ Москвы; когда всѣ воеводства земли и повѣты такъ въ Коронѣ Польской, яко и въ великомъ Княжествѣ Литовскомъ, сприсягшися единодушно боронити достоинства Е. К. В. Польскаго, за Пана и Монарху отъ себя обраннаго, также отчизны правъ и вольностей своихъ, едни уже посполитымъ рушенемъ [1]) на кони противъ Москвы всѣли, а другіе всядаютъ; когда войска польское и литовское всюде въ Польщи и Литвѣ Москву громятъ и зносятъ (znoszą, уничтожаютъ); когда Швеція, учинивши съ королевскимъ величествомъ французскимъ и польскимъ союзъ, на войну противу Москвы приуготовляется, когда Порта Оттоманская незличонныя свои войска въ поготовности до порушенія держитъ, когда Ханъ его милость такъ сильные и такъ великіе орды двигнулъ и ку границамъ польскимъ уже зъ оными рушился;— въ тотъ часъ, теды, такъ погодній, такъ счастливій, такъ помисльній и такъ до ратованія отчизны способній,—далисте вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, увести и звестись Московскими хитрыми и прелестными обѣтницами, которыхъ, яко рѣдко кому додержують, такъ и вашмостемъ, добримъ молодцамъ, Войску Запорожскому, тимъ барзей не додержать, нимъ барзей имъ и всему нашему народу отъ давнихъ часовъ головными (главными) суть непріятельми. Не удивлялъбымся, если бысте, вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское, не досвядчивши (испытавши) на себѣ самихъ ошуканства Московскаго, удалистеся на ихъ сторону, але то мнѣ есть дивно, же вашмость, добрые молодци, милая братія моя, мѣючи свѣжіе и живіе еще, опричь давнихъ доводовъ, приклады (примѣры) ложнаго упевненія Московскаго такъ на себѣ, яко и на отчизнѣ своей, латво (легко), порывчо (опрометчиво) и непомысльно теперь оному увѣрилисте? Авжежь (развѣжь) выгасло тое вашмостемъ, добримъ молодцемъ, зъ памяти, якъ Москва при

[1]) *Посполите рушенье* (*pospolite ruszenie*)—всеобщее вооруженіе дворянства, по приговору сейма.

добываню Сѣчи (1709), звабивши (приманивъ) прелестнымъ ласки царской упевненемъ (увѣреніемъ) старшину войсковую и товариство до присяги, утинала (u c i n a ł a, рубила) имъ въ таборѣ своемъ головы?—Якъ передъ тимъ давнѣй, нимъ ещє взято Казикерманъ [1]), хотячи для утисненя и выкорененія Войска Запорожскаго Низоваго, городки Самарскіе садити (заселить, o s a d z i ć) и Каменный-Затонъ уфундовати, подъ покрывкою змышленою зложенія тамъ провіантовъ и запасовъ военныхъ,—грамотами царскими тоежъ Войско Запорожское упевняно, же, по окончанію съ турками и татарами войны, знесенни будутъ тыи городки на Самарѣ и Фортеца на Камянномъ Затонѣ, але, що обѣшано, неисполненно?—Якъ подъ часъ войны Шведской, затягнувши на службу свою не мало товариства низоваго и упевнивши ихъ платою, запроваженно до Питербурга, а тамъ ихъ на каторги пороздаванно, гдѣ всѣ «погинули»? Не вонтплю (не сомнѣваюсь) о томъ, же Москва, видючи на себѣ отъ усюль войну тяжкую и не безпечную (опасную), схочетъ вашмостей, добрыхъ молодцивъ, Войско Запорожское, гладити, льстючи, золотыя имъ горы обѣцати, жалованьемъ грошевимъ потѣшати и всякими вольностями упевняти, лечь по конченю войны що съ вашмостями, добрыми молодцами, стапется и до якого несчастія и згубы (гибели) своей, чего не жичу (не желаю), прийдется? Сами на себе дознаете и будете того жаловати (жалѣть), що теперь порывчо и неразмыслне, не зглядаючися на задніе колѣса, учинилисте, такъ власне (именно), якъ теперь цѣлій народъ Украинскій, братія ваша, сродники и единоземцы ваши, жалосьне и слезне на себе нарекаютъ, же, не послухавши зичливыхъ и правдивыхъ, славной памяти небожчика (покойнаго) гетмана Мазепы пересторогъ, увѣривши неприязненнымъ и ошуканскимъ московскимъ упевненямъ, которые въ грамотахъ царскою рукою властною подписанныхъ и стверженныхъ всюди въ Украинѣ по всѣхъ городахъ и по всѣхъ церквахъ публичнымъ читанемъ оголошали и Бога самаго на тое въ свидѣтельство представляючи, Войско Запорожское городовое и Низовое и цѣлый народъ упевняли, же права и вольности войсковіе ни вчемъ ни когда въ вѣчніе часы не будутъ съ стороны ихъ Московской нарушенни и зламани, але вси люде войсковіи и поспо-

[1]) *Кази-Кермень*, нынѣ *Берславъ*, городокъ на Днѣпрѣ, въ херсонской губерніи. Каменнаго Затона остались одни слѣды.

литіи въ такихъ власне вольностяхъ будутъ жити, въ якихъ передъ тимъ зоставали за дній житія, славной памяти небожчика, гетмана Богдана Хмельницкаго. Если прето (p r z e t o, слѣдственно) Москва додержала своихъ обѣтницъ, поприсяжныхъ, вѣдомо то есть барзо добре не только вашмостемъ, добрымъ молодцемъ, Войску Запорожскому, але и цѣлому свѣту. Поблажала вправде Москва зъ початку всему нашему народу Украинскому, осипала копѣйками старшину всю и значное товарищество войсковое и городовое, одѣвала ихъ соболями, роздавала имъ маетности, поки надъ шведами подъ Полтавою не одержала звитяжства (побѣды), по которомъ заразъ першъ войска свои въ Украину впровадила и всюды въ городахъ и селахъ на квартирахъ расположила, такъ далеце, же а ни енеральныхъ особъ [1]), а ни полковничіе, а ни поповскіе, а ни козацкіе домы не могли быти отъ станцій (постоя) тихъ московскихъ вольніе. Потомъ зась, якъ скоро зъ шведами таяжъ Москва войну скончила и покой (миръ) съ ними потвердила, такъ заразъ обѣтницы свои поприсяжные и граматами царскими отверженніе отмѣнила, вольности всѣ поломала, судъ и права (законы) свои мучительскія въ Украину впровадила и установила, а наши войсковіе знесла, Урядъ (u r z ą d, чинъ) Гетманскій отстановила и искоренила, Коллегіумъ якоесь свое зъ 12 народу своего особъ, а барцей зъ 12 окрутныхъ (жестокихъ) мучителей зложенное, въ Глуховѣ утвердила, которые якъ людей нашихъ зъ худобъ здирали, едному зъ другимъ на единѣ розмовляти не позволяли, тиранско мучили, кнутовали, на страстку (встряску, пытку) тянули, ребра ломали, якъ свиней повязавши на жару пекли, смолою кипячею поливали, вѣшали, стинали (рубили головы), чвертовали и иные многія мучительства, въ свѣтѣ неслыханные, надъ народомъ нашимъ пополняли! И когда енеральніе особы, полковники и вся старшина, зо всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ городовымъ и зо всѣмъ народомъ, до Царскаго Величества покорне и слезне, чрезъ пословъ своихъ, захованье правъ и волностей своихъ и о додержаніи слова царскаго упевненя и обѣтницъ грамотами подтвержденныхъ супликовали (supplicare, просили) и упоминалися, теди, всѣхъ ихъ забравши и до Питербурга подъ вартою (карауломъ) запровадивши, еднихъ помученно, другихъ въ ссылку на выгнане позасиланно, а иныхъ

[1]) „Генеральная Старшина“: Гетманъ, Есаулъ, Судья, Писарь войсковые и др

въ тяжкомъ вязенню (więzienie, тюрьмѣ) осажено, въ якомъ мусилъ килка лѣтъ страждати и самъ кривоприсяжца и отступникъ нашъ, небожчикъ, миргородскій (полковникъ) Данило Апостолъ, любо добре барзо Москвѣ прислужился, зламавши присягу свою и отступивши отъ насъ на сторону противную, за котораго вашмость, добріе молодци, оставивши мене гетмана своего, вольными отъ себя голосами не такъ обраннаго, яко до принятія того уряду примушеннаго, казалисте въ церкви своей черезъ килка лѣтъ Бога молити за тую его ку себѣ присягу: же Москвѣ Калагана [1]) зацилъ (рекомендовалъ) на зруйноване Сѣчи Запорожеской. Наконецъ, хотячи Москва Войско Запорожское городовое не тилько обезсилити, але и вигубити, винайшла была на тое способъ—копанье (рытіе) якогось тамъ, въ далекой своей сторонѣ, каналу и фундоване въ Персіи фортецъ, на якіе мѣсца такъ одлегліе по килькадесятъ тысячей козаковъ указами своими спровадивши, еднихъ тяжкими и незвычайными работами помордовалы, другихъ голодомъ поморилы, а инихъ борошномъ гнилымъ струхлымъ, зъ ящурками и зъ вапномъ (известью) помѣшаннимъ, потруили. Уважте теди вашмость, добрые молодци, Войско Запорожское, до якихъ идете, чили одошлисте приятелей! Пишу тое все, що и передъ симъ многократне и обширнѣ до вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запорожскаго для предостороги имъ писалемъ [2]). А если неправду пишу, обличите мене о неправдѣ; лечь сподѣюся, не можетъ мнѣ никто изъ самихъ неприятелей лжи въ томъ давати, поневажь все тое, щоколвѣкъ тутъ вашмостемъ, добримъ молодцемъ, прекладаю (совѣтую) и въ чемъ ихъ перестерегаю, цѣлому свѣту есть вѣдомо и многіе суть межь вашмостями, добрими молодцами, отъ мучительства московскаго избѣгшіи, которіе, сами того самовидцами будучи, могутъ тое, що теперь пишу, посвѣдчити и правду мнѣ признати. Пытаю теди вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войска Запорожскаго: що такъ ведлугъ (по) присяги своей, на непорочномъ Евангеліи передъ симъ виконанной, отчизнѣ, отцемъ, братіи своей и сродникамъ и всему народу нашему украинскому учинилисте, удаючися подъ владзу и

[1]) Полковника Галагана, взявшаго и разорявшаго „Старую Сѣчь“ ихъ на Чертомлыкѣ въ 1709 году.

[2]) Изъ Стокгольма писанное его посланіе напечатано въ Исторіи *Маркевича* Т. IV. стр. 350 и изъ Рашлава стр. 356.

пановане московское? Если (или) поправились те права и вольности войсковіе, отъ Москви зламаніе и отнятіе? Если договорилисте и утвердили тое крѣпцѣ, жебы Москва гетманскаго уряду въ потомніе часы не зносила и городовъ въ власть свою не отбирала, и войсками своими не осажовала? Албо жебы Москва гетмана зъ своей стороны москаля или волошина якого и гвалтовне не накидала,—лечь вольное на урядъ той гетманской избраніе войску зоставала? Если войска московскіе зъ Украины будутъ зведенни и николи тамъ въ потомніе часы не будуть на станціяхъ разставляны? Если Москали, Волохи, Сербы и иніи чужеземцы, равно какъ и перехристы отъ урядовъ тихъ и иныхъ войсковихъ будуть отставленни, а на ихъ мѣйсце козаки, добре въ войску заслуженни, обрани и постановленни? Если козаки, опричь належитой себѣ службы войсковой, до жадныхъ тяжкихъ и незносныхъ работизнъ небудуть примушенны? Если зъ Полтавы, зъ Глухова и зъ иншихъ городовъ, опричь Кіева, Чернигова и Переяславля, Москва будетъ спроважена? Если города и села, разнимъ особамъ народу Московскаго, волосскаго и сербскаго въ подданство розданніе, будутъ отъ нихъ отобраны и подъ гетманскую власть привернены? Если обваровалисте вашмость, добріе молодци, и тое, жебы Москва въ права наши не мѣшалася, а свои, которые установила въ Украинѣ, знесла, до судовъ своихъ людей нашихъ не потягала, справъ (дѣлъ) жадныхъ не судила, людей нашихъ не карала ни смертіею, ни на худобѣ, ни на здоровьи, подарками жадними, данинами, подводами далекими и иными незличоными тяжарами (ciężarу, тягости), не утеменжала (uciemiężać отягощать)? Если на остатокъ Войско Запорожское городовое и низовое по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ, ни въ чомъ никогда не нарушенныхъ, будетъ зоставати, и до реименту гетманскаго, а не до власти и повеленія воеводъ и енераловъ московскихъ належати?—Лечь знаю добре, же вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, все тее оставивши и жадной помощи и облегченія отъ тягостей и отъ тиранства московскаго, всему народу такъ войсковому, яко и посполитому не учинивши, и оставивши также всѣ свои угодія, пожитки и здобычи въ Днѣпрѣ, въ Богу (Бугѣ) и въ всѣхъ, по обоимъ сторонамъ Днѣпра, рѣчкахъ и поляхъ до Москвы належачихъ, удалистеся или удаетеся въ сторону московскую, себи и ясему народу своему не-

приязненную и вражлебную. Хочу прето (поэтому) вѣдати: гдѣ вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское умислили и урадили Сѣчь себѣ заложити и уфундовати? Певне по тамтой сторонѣ Днѣпра? Турки и татаре вамъ того не допустятъ, поневажь (ибо) тамъ тотъ край, гдѣ найбольшіе заши знайдутся пожитки и угодія, яко то въ Самарѣ и на иншихъ мѣйсцахъ, въ область Турецкую и Татарскую вѣчними часы отъ Москвы есть отдани мирными договорами подтвержденными и ажь по Орель [1]) рѣку отграничены; яко и самы, вашмость, добрые молодци, знаете, понеже отъ нихъ же самихъ войсковое товариство было до коммисаровъ турецкихъ на разграничене приданное. По сей же сторонѣ Днѣпра ани на едну пядь земли нигдѣ Москва, опрочь Кіева, Триполя и Василькова, не мѣеть, наветь (даже) и самая Сѣчь-Старая [2]) до оной не належить, и вѣчными часы неповинна належати, що есть мочно межь Портою оттоманскою и Москвою, першь подъ Прутомъ, потомъ въ Стамбулѣ, а по трете въ Адріянополѣ тимижь мирными договорами утверждено и обваровано. А до того и вся сегобочная пустыня зъ полями, рѣками и рѣчками, една до Рѣчи-Посполитой Польской, Украинѣ сегобочной придученна и въ область Ляцкую не только тимижь самими Прутскими, але и давнѣйшими Карловицкими договорами подтвержденна и отграничена; а другая до турковъ и татаръ, по самый Очаковъ, належитъ. Разсудите прето, вашмость, добрые молодци, Войско Запорожское, и розумными своими головами уважте: гдѣ подъ московскою владзою осядете, гдѣ будете напотимъ на соли, на рыбѣ и на звѣрѣ здобыватися, гдѣ будете пасѣки свои мѣти и стада, которые подъ обороною Хана е. м. расплодилисте, ховати и пасти? Певне Москва не схощетъ для васъ ани зъ турками, ани зъ татарами за тіе земли, по обоимъ сторонамъ Днѣпра зостаючія, войны провадити, овшемъ (напротивъ) рада будеть, (чтобъ) и имени тамъ никогда Войска Запорожскаго низоваго не было, яко тое былъ уже постановилъ небожчикъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, тилько чекалъ (ждалъ) докончения войны зъ шведами. Не хочу быти пророкомъ на несчастье вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запо-

[1]) Орель, рѣчка въ екатер. губ.

[2]) *Старая Сѣчь*, нынѣ с. Капуловка, ек. губ. и уѣзда.

рожскаго, котораго никогда, яко естемъ зичливый ихъ приятель, не жичу (не желаю), але якъ въ зеркалѣ ясно тое вижу, же Москва, привабивши (заманивши) вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войско Запорожское, до себе на войну противъ Турковъ, Татаръ, Ляховъ и Шведовъ, по скончену оной будучи тожъ великими силами притисненна, цале (вовсе) и не схощетъ и не возможетъ, для покою своего при мирныхъ договорахъ, избы за нихъ отворити и о тіе пустые мѣйсца, мнѣй себѣ потребніе, упоминатися, але мѣючи причину, же, не могучи вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войска Запорожскаго, ни гдѣ по обоимъ сторонамъ Днѣпра осадити, исполнитъ латво давное свое намѣреніе и неприязненные замыслы, и забравши вашмостей, добрыхъ молодцовъ, Войско Запорожское, занесетъ ихъ за Волгу рѣку и искоренитъ тимъ самимъ въ вѣчные часы и гнѣздо войсковое и имя Войска Запорожскаго низоваго. До кого прето напотимъ, въ таковомъ своемъ несчастю, въ оборону удастеся (обратитесь)? Певне ани Турки, ани Татары, ани Ляхи, дале не схотятъ васъ приняти, охоронити и оборонити, видя вашъ теперишній, такъ безчестній и такъ срамотній нестатокъ (непостоянство), якимъ на сей часъ по себѣ цѣлому свѣту показалисте и славу свою войсковую, на которую предки ваши и вы сами кровію и отвагами своими, на морѣ и на земли, себѣ и наслѣдникомъ своимъ заробляли. Признаюся вашмостемъ, добрымъ молодцемъ, милой братіи моей, же мушу (muszę долженъ) теперь не тилько предъ Портою Оттоманскою, але и предъ такъ великимъ монархомъ, королевскимъ величествомъ французскимъ, королевскимъ величествомъ польскимъ и королевскимъ величествомъ шведскимъ стыдитися, для теперешняго вашего непостояннаго поступку, поневажъ такъ Порта Оттоманская, яко и всѣ тіе монархи, будучи отъ мене многими письмами (гдыжъ я въ Солонику чрезъ 12 лѣтъ руки зложивши даремне не сидѣлъ) упевненни и добре увѣдомленни о мужествѣ, отвагахъ и о статечномъ (постоянномъ) и непоколебимомъ вашмостей, добрихъ молодцовъ, Войска Запорожскаго, едностайномъ и поприсяжномъ, ку высвобожденню отчизны предсявзятіи (предпріятіи) и замыслахъ, обѣщали намъ, при помощи Божой и при помощи найяснѣйшаго Хана, цѣлымъ сердцемъ намъ жичливаго и ласкаваго, всякими способами и войною и мирными договорами намъ въ томъ допомогати. Памятайте теды вашмость, добріе молодци

Войско Запорожское, на Бога и на присягу свою Ему, на непорочномъ Евангеліи виконанную, которую весполь (вмѣстѣ) зо мною обязалистеся ратовати отчизну свою отъ тяжкаго и незноснаго подданства московскаго. Ужальтеся надъ отцами, братіею, сродниками и всѣми единоземцами вашими, мучительствомъ, здирствомъ и несноснымъ тиранскаго московскаго панованя ярмомъ обтяженными (отягощенными), а що найгоршое—не могучими быти вольними ани въ худобахъ, ани въ здоровю, ани въ житіи, ани въ жонахъ, ани въ дочкахъ своихъ отъ войскъ московскихъ, всюда по градахъ и селахъ въ Украинѣ на станціяхъ расположенныхъ. Будутъ они на вашмостей, добрихъ молодцовъ, плакати и о помсту до Бога волати (призывать), ежели ихъ въ большую и тяжшую, отходомъ своимъ до Москви, впровадите неволю. На насъ они по Богѣ висвобожения своего имѣютъ сталую (постоянную) надѣю, яко мене о томъ часто черници зъ монастырей кіевскихъ и иныхъ украинскихъ, чрезъ Салоникъ купами до горы святой Аѳонской переходячи, и розніи купцы упевняли и плачь людскій объявляли. Не оставте прето вашмость, добріи молодци, Войско Запорожское, милой своей отчизны безпомощной и безнадежной! Не вонтплю (nie wontpię, не сомнѣваюсь) о томъ, же Москва, ежели еще не подтягла, то запевне схощетъ вашмость, добрыхъ молодцевъ, подтягти до виконаня на вѣрность себѣ присяги, але о томъ вонтплю, аби таяжь Москва схотѣла зъ стороны своей поприсягнути на додержаніе того всего, чимъ вашмостей, добрихъ молодцевъ, упевняетъ, чего она николи не учинитъ, а если учинитъ, то для большаго вашего ошуканя (обмана), жебы своею ложною присягою могла васъ прельстити и погубити; лечь знайте вашмость, добріе молодци, же тая присяга, если оную уже выконалисте (совершили), не есть важная и предъ Богомъ грѣшная, поневажь перше присягнувши единодушно на висвобожене отчизны, теперь двоедушно присягнулисте, чили мѣете присягати на погибель тоейжь своей отчизны? И гдижь Москва, мѣючи вашмостей, добрихъ молодцовъ, себѣ присяглихъ, якъ схочетъ, такъ зъ вами и зъ отчизною нашею поступитъ, а такъ присяга ваша таковая могла бы вамъ на души зашкодити, а отчизну въ погибель впровадити и ваши вольности погубити. За чимъ прошу вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войско Запорожское, и обовязую ихъ любовію ку отчизнѣ и тоюжь самою присягою, которую

предъ Богомъ учинилисте и предъ Нимъ обѣщали боронити и увольняти туюжь свою отчизну до послѣдней крове капли,—аби, оставивши тое свое намѣреніе, якое предъ себе забралисте, чили забираете,—удатися на сторону себѣ и отчизнѣ своей враждебную, не опущали такъ погоднаго и счастливаго часу, который намъ теперь подается, при такъ великихъ и не звитяженныхъ силахъ до исполненя нашихъ поприсяжныхъ обовязковъ (o b o w i ą z k ó w, обязанностей), и гдижь если непостоянствомъ нашимъ утратимо сей часъ до высвобожденія милой нашей отчизны, николи уже такого не знайдемъ и не дочекаемся въ потомніе часы. Упевняю наконецъ вашмостей, добрыхъ молодцевъ, Войско Запорожское, же я тутъ при Хану его милости зостаючи, всякое пильное, зичливое и неусыпное о васъ мѣю старане и выразумѣлемъ тое совершенно зъ его Ханской милости, же есть яко зъ натуры ласкавій панъ, до вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, цѣлимъ сердцемъ прихильнѣнъ и всего вамъ и отчизнѣ нашей добра желаючій; потреба тилько, абысте вашмость, добріе молодци, Войско Запорожское, одозвалистеся до его Ханской милости, чрезъ посланныхъ своихъ листовне и освядчилистеся предъ нимъ, же никогда не мыслитесте въ противную сторону московскую удаватися и отдалятися отъ оборони и отъ владзи его Ханской милости, а тутъ же и въ поготовности зоставати до походу военнаго, по первомъ его Ханской милости указу. Я зась христіанскимъ сумнѣнемъ (совѣстію) упевняю вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войско Запорожское, же небудете того жаловати и не тилько плату, але и слушную (надлежащую) нагороду за праци (труды) и отваги свои отберете, и имѣти будете въ польской сторонѣ пожитечніе и выгодніе станціи. Пишу тое все до вашмостей, добрихъ молодцевъ, Войска Запорожскаго, ревностно, зъ щирой моей ку нимъ и ку отчизнѣ любви и приязни, яко той, который непрестане зостаю

«Вашмостемъ, добримъ молодцемъ, Войску Запорожскому, щиро зичливый, всего добра приятель и братъ, «Филипъ Орликъ, гетманъ Войска Запорожскаго».

Зъ Каушанъ. 23 Апрѣля, 1734 року [1]).

[1]) *Каушаны*,—мѣстечко бендер. уѣзда въ Бессарабіи, лѣтняя резиденція хановъ крымскихъ и постоянная ставка ногайскихъ сераскировъ буджацкой (южно-бессараб.) орды.

ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛІОТЕКА КІЕВСК. ДУХ. АКАДЕМІИ

2.

Отвѣтъ Запорожцевъ Орлику.

«Ясне вельможній мосце Пане, Филиппъ Орликъ, Гетмане, нашъ вельце ласкавій мосце Пане и добродѣю.

«Получивши мы, Войско Запорожское Низовое, два листы сего мая 6, единъ отъ Г(х)анскаго величества, а другой отъ вельможности вашей, нарочне съ паномъ гетманомъ и стражникомъ дубоссарскимъ присланніе, и оніе вычитавши публичне въ общой Нашой войсковой радѣ, зъ онихъ, а найпаче зъ вашего гетманскаго листу всѣ довольніе пункта положенніе виразумѣлисьмо. Перве, что теперешняго часу Порты Оттоманской зъ града Солуни до боку Ганскаго величества и къ Каушанамъ прибулисте, а потомъ въ немъ объявляете: же много французскаго войска, гишпанскаго и сардинскаго, сколько сотъ тысячей, на Цесаря Христіанскаго и на войско Е. И. В. московское войну точить (вести) прибралися, албо то вже точивши битву надъ цесарскимъ войскомъ, гдѣсь въ Италіи, звитяжества одержали и королевство Ломбардѣйское и два княженія Медіоланское и Мантуанское отъ Цесарскаго Величества одобрали, албо рачей (или лучше сказать) шведское и литовское войско приуготовилось и мислитъ за Станислава Лещинскаго на тоежь христіанское войско московское и царское помсту чинить, причитуючи и Гана Крымскаго зъ Ордами за тогожь Лищинскаго въ помощь статы. Только вельможность ваша на насъ, Низовое Запорожское Войско, зѣло скорбите, же на сій часъ за нимъ Ганомъ крымскимъ тамо не пойшли и въ помощь зъ вами ему не стали, но удалисьмыся отъ него подъ протекцію прежняго Нашего православнаго Монарха, сіе есть Е. И. В. Въ якій будто теперешній барзо погодній часъ, за поводомъ реименту вашего, моглибъ себѣ отчизну малороссійскую совокупне, для пожитку и для вольностей, отстоять, припоминаючи намъ, Воиску, и тое, якіе вольности и права въ Е. И. В. вимовили, албо карностью (строгостью) московскою страшите, жебы по первомъ, якъ Сѣчь Старую взяли, албо якъ негдись зъ подъ городковъ Казикерменскихъ на службу у войско нашихъ козаковъ затягши потратили, и на каторги позадавали и теперь тако же показнили. Да къ томужъ и народъ малороссійскій вспоминаете, жебы на насъ,

Войско, о помсту до Бога не волалъ, чи то не плакалъ, что за нашимъ войсковымъ же нерадѣніемъ отъ подданства московскаго при правахъ таковыхъ, якъ за Богдана Хмѣльницкаго было, не зосталъ.

За чимъ проты оныхъ пунктовъ до вашей вельможности отвѣтствіе сіе наше листовное воздаючи, тако ознаймуемъ. *Первое*, иже нужды ради таковой отъ Ганскаго величества мы мусѣли (были вынуждены) отдалитися, же превеликую кривду отъ татаръ за утѣкающіе ихъ крымскіе и ногайскіе невольники маемъ, албо рачей за кони, товаръ а овци, невѣстъ гдѣ погибающіе, по суду ихъ татарскому, на пастне платячи и снашби нашей дале не стало; *другое*, Ногайци, взявши отъ Лиману великаго горѣ (въ верхъ) по саміе пороги, увесь Днѣпръ и степь отняли, же мало есть зъ чего намъ войску контентоватися; *третое*, яко може сами вельможность ваша слышали, нашихъ козаковъ на полтори тысячи за Бегли-Герей-Гана (*Менгли-Гарей II, Ханъ, сынъ Селимъ Гирея-Хана 1724*) у Бѣлогородщины на каторги запродали, якимъ не по волѣ, но усиловнѣ теразнѣйшій (нынѣшній) Адиль-Герей, Кама-Султанъ, поднимаючи Бѣлогородскую орду на Кримъ, зъ Богу рѣки и до себе затягалъ; и весьма тогда помилованія отъ нихъ не имѣли, опрочей тихъ еще нашихъ казаковъ, что Паши Очаковскіе много попродали, а подъ Азовомъ, за звѣринною добычею коло Камніуса рѣки ходячихъ, на килко десятъ въ неволю забрали; далей мовивши, и ляхамъ Е. М. Ганъ въ драчу насъ допустилъ, а за нашихъ козаковъ, которыхъ въ Брацлави и по иныхъ городкахъ украинскихъ за торгомъ зъ рыбами ходящихъ, ляхи, невинне позабиравши, повѣшали и худобами ихъ завладѣли, а и зыску жадного намъ Войску не достоялъ; а на остатокъ, горше всѣхъ тихъ причинъ уважаючи себѣ тое, если бысмо пошли за нимъ Ганомъ и за вами Гетманомъ, въ помощь проты войска Е. И. В., то яко Орда не звикла городковъ добувать, токмо людей нашихъ христіанскихъ набрала бы, якъ минувшихъ годовъ подъ Бѣлою Церквою и подъ слободамы и вступивши въ Крымъ зъ собою въ неволю вѣчную запровожала, то певне (вѣрно) вжебы тогда сугубое неблагословенство отъ Бога за плачь христіанскій и за пролитіе крови невинной и проклятіе вѣчное одержали, и милости бы еже отъ Е. И. В. о принятіи никогда подъ Ея область весьма не надѣялися. Для чего можете разсудити и въ томъ не тако, яко у вашемъ письмѣ

положено, что будто мы, Войско, на прелестніе письма московскіе отъ Гана удалисмося, але саміе мы, по изволенію нашемъ войсковомъ, челобитніе наши писма до Е. И. В. уносили и просили: чтобы давнихъ нашихъ преступленій, якіе, будучи зъ препростаго нашего козацкаго ума и невѣжества, за поводомъ и указомъ покойнаго Мазепы, сотворили и о принятіе до первой ласки о милость просилисьмо. Аже, слава Богу найвысшему, и получили и во томъ не вонтпимо; воля Е. И. В. да будетъ насъ Войско казнить, или зволитъ животомъ даровать, то гдѣ же собысться грѣхъ, тамо нехай буде и покута (покаяніе). Еднакже яко она милостивая есть Императрица, видячи наши войсковые вѣрніе услуги, якіе впредь обѣцалисьмося показовать Ей, надѣемося, же не подастъ насъ, Войско, никому въ поруганіе и по заслугамъ нашимъ при ласцѣ своей императорской содержоватиметъ. Раяли бы (совѣтовали) мы, войско, и вельможности вашей впредѣ еще сего Гханскаго походу, аще бы гдѣ въ недалекомъ отъ насъ мѣстцу зоставали, зъ нами войскомъ посполу (вмѣстѣ) до Ея жъ Императорскаго Величества доношенія подносить и о милость такуюжь, якъ и мы, прохать; то и вашу особу,. чаемъ, изволила бы принять и при давнихъ вашихъ угодіяхъ и маетностямъ тримати (содержать). А теперь ежели въ союзъ зъ Гханскимъ величествомъ соединилися,—на увагу (разсужденіе) тое, якъ поволите, чинити слагаемъ, ибо хотя Ганъ Крымскій и Украину,—чего не дай ему Боже!—отстоялъ бы, то не сподѣваемся, ижбы подъ вашъ рейментъ вручилъ, то такъ знайдетъ онъ вспять иному кому,—якъ прежде сего ляхамъ былъ на поруганіе нашей вѣры и обращеніе святыхъ церквей до уніи подалъ,—отлучити. Зачимъ уже сего ради жадной помощи къ вамъ нашего войска да не изволите больш до насъ писати, занеже естесмо уже Ея Императорскаго Величества мы, Войско Запорожское, слуги, а не Гханскіе, Которой имѣемо до живота, отъ рода въ родъ, служить и за счастливое Ея владѣніе и всего посполитаго христіанскаго народу становитися. Тако отвѣтствуемъ и поклонъ нашъ войсковый вашей вельможности воздаючи, назавше зостаемъ

«Вельможности вашей всего добра желательствующіе и до услугъ готовые

«Ея Императорскаго Величества Войска Запорожскаго Низоваго Атаманъ Кошовій Иванъ Милашевичъ, со всѣмъ товариствомъ.

3.

Отвѣтъ запорожцевъ на требованіе Капланъ-Гирея хана соединиться съ Орликомъ.

«Найяснѣйшій и сильнѣйшій мосце Пане, Капланъ-Гирей Ганъ, великихъ Ордъ Крымскихъ, Бѣлгородцкихъ, Буджацкихъ, Ногайскихъ, Черкасскихъ і протчихъ державцо, намъ вельце ласкавый мосце пане и особливый добродіе!... [1])

«Листъ вашъ Ганскій, парочно чрезъ посланнаго вашего, пана гетмана и стражника дубоссарскаго, до насъ, Войска Запорожскаго Низоваго, присланій, благопріятно мы войско до своихъ рукъ одобрали (odebrali, получили) и оній, по обычаю нашему войсковому, въ общой радѣ нашей всѣмъ вслухъ, также при немъ и другій пана *Филиппа Орлика* гетмана поданій вычитавши, увѣдомилисмося, что ваше Гханское величество изволите насъ войско вспять подъ свою протекцію принять, и даете на первое мѣстце внизъ Днѣпра и къ Олешкамъ и Кардашину и Сырти и Кошемъ осѣстись (osieść się, основаться), обѣцаючися при первой ласцѣ (милости) и вольностяхъ Днѣпровыхъ насъ Войско содержати, а найпаче помянутаго пана гетмана Орлика, якій по указу Порты Оттоманской зъ Солуни града до боку вашего Гханскаго величества прибувъ, ведлѣ (по) его до насъ написаннаго листу слушати и за водза (вождя) его себѣ мѣти. Для чего якъ перве, при отходѣ нашемъ зъ подъ державы вашей Крымской, писалисмо подякованье наше належитое войсковое вельможности вашей воздаючи, такъ и теперь повторне отвѣтствуючи, найвышему Богу хвалу и честь возсылаемъ и вашей Гханской милости и всему Панству Крымскому, до земли ажъ покланяемся и дякуемъ (dziękujem, благодаримъ) за хлѣбъ и соль, что чрезъ которые лѣта подъ вашею протекціею мѣшкаючи (обитая), кормилисьмося, и желаемо уже не тайно, лечь (но) явно, подъ властью и обороною Ея Императорскаго Величества, первыхъ нашихъ православныхъ монарховъ наслѣдницы теперешней и Самодержицы Всероссійской, въ вѣчніе часы (времена) жить и Ей вѣрно служить. А умысльне ради того подъ протекцію Ея Императорскаго Величества удалисмося (за что тоже на насъ войско и

[1]) Весь титулъ писанъ по формуламъ польской дипломаціи.

гнѣвъ ваше Гханское Величество мѣете),—что барзо (очень) превеликую нужду отъ ногайскихъ ордъ мѣлысмо, которые взявши отъ низу Днѣпра, великаго Лимана ажъ по самые пороги, горѣ Днѣпръ, со всѣми тамошними по тый сторонѣ степовыми угодіями и пожитками, отняли; тымъ же то ногайцамъ и своимъ крымскимъ татарамъ, за утѣкающіе невольники, за овцы, кони и достатокъ (пожитки), гдѣ моглосябъ подѣти, допустили великую на насъ драчу. Сіе есть не дивнобъ намъ за виннаго, котораго мы войско не токмо доплатки не заступаемо, але и смертной казни предавать не жалѣли, але дивнѣйше, самую правду рекши, за тое, что хочь якъ за невинность нашу присягаемъ, предъ судами вашими мѣсурманскими, якіе звыкли були чрезъ султановъ и нѣкоторыхъ мурзъ часто присягаючи постановлять, но ни въ чемъ вѣра не была намъ дана, и едно тими присягами души свои попроклинали; другое—и невиннее платючи за невольники, товаръ (скотъ) и кони своижъ субстанціи (имущество) позбавляли. Также ляхамъ до драчи допустили; а наши козаки, якихъ сами знаете, что зъ рыбами бывало ходятъ у Брацлавъ и по иныхъ городахъ, на килько сотъ повѣшали, всѣ марне попропадали, и зыску за нихъ намъ отъ стороны польской, жадной (никакой) не учинили. Къ томужъ уважаючи и на тое, яко то прошлыхъ лѣтъ Адиль-Герей его милость, а нынѣшній Калги-Султанъ [1]), всю орду Бѣлогородскую [2]), на Крымъ за панованя (царствованія) бывшаго его милости Бели (Менгли) Герей-Гана поднялъ былъ, и нашихъ козаковъ зъ Богу до себѣ затягъ, а гдѣ его милость Ганъ-Бели-Герей, зъ войскомъ своимъ крымскимъ, противу его въ повѣтъ бѣлогородскій выходилъ и тамо его салтанское войско распудилъ (rozpędził, разогналъ); то жаднаго своего и единаго турка, а ни простаго татарина смертно не скаралъ, а ни въ неволю не спродалъ, тилько нашихъ козаковъ повиноватили и на полторы тысячи душъ на каторги запродали, а потомъ, сами вѣсте (wiecie знаете), за тотъ поднѣмъ его милости Калги-Салтана жадней нашей вины не было. Азовскіе также татаре, что на томъ боку степу, около Калмуса рѣки, козаковъ невинне ходящихъ за звѣремъ побрали сколько десять и колько разъ упоминалисмося и

[1]) Кама султанъ—наслѣдникъ ханскаго престола.

[2]) Орда „бѣлогородская", т. е. кочующая на степяхъ буджацкихъ, между Акъкерманомъ (Бѣлъ-городомъ) и Бендерами.

прохали вашего величества, и милостью не визволили (не освободили). То и теперь аще бы мы войско за вашимъ Гханскимъ величествомъ на помощь Ляхамъ пойшли, жебъ на потомъ яки напастнѣ не вышли и такъ, якъ при Калжиномъ походѣ, побравши не попродавали, албо здѣсь ногайцы не забрали, або не вырубали, яко же слышите давно, что шесть козаковъ ходячихъ подъ Орельскіе городки порубали въ смерть. Ситцевой прето нужды, все наше Войско Запорожское Низовое изволило подъ своего православнаго монарха, Ея Императорскаго Величества державу склонитись и единой стороны беретись, а въ не свѣдомыхъ нападеніяхъ сами себѣ загублять. Таковый отвѣтъ вашему Гханскому величеству смиренно мы Войско воздаючи и за ласку вашу повторы дякуючи, пребываемъ на всегда

«Вашему Гханскому величеству всего дображелателіе и нижайшіе до услугъ

«*Иванъ Милашевичъ*, Атаманъ Кошовій Войска Запорожскаго Низоваго, зъ товариствомъ.

„зъ Коша, Мая 8, року 1734".

II.

Въ предъидущей перепискѣ козаковъ съ Орликомъ, мы уже намекнули объ участіи графа Вейсбаха въ возвращеніи запорожцевъ изъ Алешекъ, т. е. изъ подданства крымскихъ хановъ, на родину, въ предѣлы новороссійскаго края и основаніи «Новой Сѣчи» на рѣчкѣ *Подпольной*. [1]). Прилагаемые здѣсь его «ордера», т. е. приказы находятся въ тѣсной связи какъ съ перепискою Орлика, такъ и съ водвореніемъ запорожцевъ въ новомъ ихъ Кошѣ». Кіевскому генералъ губернатору, Богемскому графу Фонъ-Вейсбаху, какъ ближайшему пограничному начальнику, подчинена была та часть Новороссіи, которая номинально или по трактатамъ считалась русскою областью, хотя она дѣйствительно занимала лишь сѣверныя окраины нынѣшней херсонской и екатеринославской губерній. Ему слѣдственно, въ знакъ своей преданности императорскому престолу, запорожцы передавали какъ подлинныя письма

[1]) Близъ Николаля екатеринославской губерніи и уѣзда, гдѣ нынѣ селеніе *Покровское*, принадлежащее е. и. в. великому князю Михаилу Николаевичу.

Орлика или хановъ крымскихъ «неразпечатанныя», [1]) такъ и свои отвѣты, и просили наставленія и покровительства отъ враждебныхъ сосѣдей: поляковъ и татаръ. Между 1734 и 1775 гг. одна орда, именно Едисанская, кочевала въ нынѣшнемъ одесскомъ уѣздѣ, херсонской губерніи, а двѣ другія: Едичкуляская и Джамбуйлукская, занимали всѣ почти степи на лѣвомъ берегу Днѣпра до самыхъ границъ полтавской и харьковской губерніи.

Мы вполнѣ увѣрены, что письма графа Вейсбаха также достойны нашего вниманія, какъ подлинные историческіе памятники о періодѣ и краѣ наименѣе намъ извѣстныхъ.

№ 4.

«Благородный и почтенный Господинъ Кошевой Атаманъ.

«Вашего благородія письмо отъ 11 сего декабря, и при томъ копію съ письма, писаннаго къ вашему благородію отъ реймептаря Свидзинскаго [2]), мною 19 числа въ Кіевѣ, при письмѣ полковника и полтавскаго коменданта г. Чигерина, получено, и изъ онаго вашего письма усмотря, отвѣтствую: о полученіи вашимъ благородіемъ письма нашего и собственной при томъ копіи съ всемилостивѣйшей Е. И. В. грамоты и что изъ оной, увидя Е. И. В., нашей всемилостивѣйшей государыни, объявленную милость, какъ ваше благородіе, такъ и все войско запорожское утверждаете себя приносить къ Е. И. В. вѣрные службы и зычливости, извѣстился. И паки я обнадеживаю, что за оныя ваши вѣрности и найвяще имѣете отъ Е. И. В., нашей всемилостивѣйшій государыни, высочайшую милость и награжденіе получить. За увѣдомленіе же онымъ письмомъ о присланныхъ къ Хану крымскому изъ Польши отъ стороны Лещинскаго посланцевъ, и что другіе посланцы отправлены въ Стамбулъ для прошенія за заплату въ помощь Орды и о прочемъ, вашему благородію и всему Товариству благодарствую: и какія впредь имѣть будете отъ Крымской стороны и изъ Стамбула извѣстія, прошу о нихъ не умедля, по вѣрности своей къ Е. И. В., меня черезъ нарочныхъ же увѣдомлять, и тѣмъ нарочнымъ прика-

---

[1]) Какъ сказано въ одномъ письмѣ гр. Вейсбаха.

[2]) *Swidzinski Regimentar partij Ukrainskiey*, т. е. начальникъ земскихъ войскъ Западной Украйны, пограничной съ Запорожьемъ.

зать въ Полтавѣ отповеди отъ меня ожидать. Что же ваше благородіе на присланное къ вамъ отъ рейментаря Свидзинскаго чрезъ означенныхъ посланцовъ письмо (которымъ просилъ отъ Вашего низоваго войска козаковъ въ помощь), въ отвѣтѣ къ нему Свидзинскому письменно объявили: яко «вашему благородію Крымскій Ханъ чрезъ вашего посланнаго, бывшаго кошевого атамана пана Милашевича, приказалъ въ жадные (никакіе) затаги безъ его ханскаго вѣдома никуда не ходить», и что посланъ вамъ войсковой до гардоваго [1]) вашего войсковаго полковника указъ; дабы онъ польскихъ воровскихъ затящиковъ, до рѣки Богу проходящихъ, престерегалъ и изловивши до васъ въ Кошъ присылалъ; также что панъ Милашевичъ, по данному ему отъ Бога искусному смыслу, Везирю Крымскому на вопросъ его везирской (коимъ пробуя вѣрности вашей къ хану крымскому) отвѣтствовалъ: якобы оной «панъ Ми«лашевичъ и ваше благородіе есть всему Панству Крымскому «вѣрны и нездрайцы (неизмѣнники)», которому отвѣту увѣрялся для присяги въ той вѣрности какъ ваше Благородіе, такъ и всѣхъ куренныхъ атамановъ къ той присягѣ и не призывали, и оное отвѣтствіе изрядно. А что онымъ письмомъ изволите отъ меня требовать наставленія: «егда бы ханъ крымскій имѣлъ орду въ помощь полякамъ посылать и вашему бы войску приказалъ съ собою идти, что тогда съ онымъ ханомъ чинить и какъ поступить?» и на оное вашему благородію объявляя мой совѣтъ: въ то время къ оному хану отвѣтствовать, что до походу готовиться будете, и надобно готовиться, точію то приготовленіе чинить не въ помощь ихъ, но для показанія вѣрной вашей къ Е. И. В. службы противъ ихъ, и получа о томъ готовленіи отъ хана указъ, изволите немедленно меня увѣдомить. А буде же бы изъ Крыма Орда въ Польшу пошла, и вашему войску приказалъ бы ханъ конечно идти въ Польшу, то изволите ему хану объявить такъ: что «Войску вашему низовому Запорожскому въ Польшу на помощь идти не можно, для того яко въ Польшѣ имѣется многое войско е. и. в., и ежели въ противность оному е. и. в. войску итти низовому Запорожскому Войску, то увѣдавъ о томъ, можетъ быть и стоящего въ Малороссіи и въ Польшѣ е. и. в-ва войска по способности послано быть

[1]) *Гардъ* (буквально рыбный заводъ), запорожскій форпостъ на Бугѣ, противъ с. *Константиновки*, елисаветгр. уѣзда, херс. губ.

въ Сѣчь и курени ваши разорить, понеже де тамъ многое войско стоитъ, и отъ того можете прійти въ разореніе и просить, дабы войска вашего туда не требовали». Буде же бы на томъ отвѣтѣ оный ханъ не удержался, и конечно велѣлъ въ Польшу или въ другое какое мѣсто итти, и для высылкибъ того войска имѣлъ къ вамъ прислать кого нарочнаго, и въ тотъ походъ принуждать,— то въ то время объявить: «что войско низовое запорожское не суть во владѣніи хана крымскаго, но состоитъ подъ высокою державою е. и. в. вашей всемилостивѣйшей государыни», и того присланнаго изъ Сѣчи выгнать, или искарать: а обрѣтающейся нынѣ вверху Днѣпра выше и ниже Старой Сѣчи Ногай съ разореніемъ въ то время разогнать, дабы ихъ отнюдь близъ Сѣчи не было, и тѣмъ имѣетъ явная ваша къ е. и. в. заслуга показана быть. Къ тому жь ознаймую: понеже вашему благородію и всему войску запорожскому довольно извѣстно, что въ Польшѣ войска е. и. в. не малое число уже отъ весны имѣется, а нынѣ еще по всемилостивѣйшему е. и. в. указу отправлены отъ меня въ польскую область къ Браславлю и въ Волынію, для поиска вышеозначеннаго региметаря Свидзинскаго и для разоренія противничьихъ маетностей (имѣній) и деревень, кои держатъ сторону Станислава Лещинскаго и въ противности состоятъ е. и. в. и нововыбранному королю, Курфирсту Саксонскому, «господинъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Шаховской съ генералъ-маіоромъ Кейтомъ, и при нихъ регулярнаго войска знатный корпусъ и з довольною артиллеріею, которые уже въ польскую область вступили и слѣдуютъ просто до Браславля, а оттуда пойдутъ и въ прочіе мѣста. Къ которому корпусу имѣетъ прибыть и совокупитца и выше объявленнаго обрѣтающагося внутри Польши е. и. в. войска довольное число, которыхъ противниковъ чрезъ Божескую помощь можетъ оное много войско искоренить и маетности ихъ и деревни разорить. А хотябъ и Крымская Орда въ помощь тѣмъ противникамъ пришла, то высокимъ е. и. в. оружіемъ (надѣясь на помощь всемогущаго Бога) имѣетъ побѣждена быть. А для охраненія вашего низоваго запорожскаго войска отъ Крымской Орды, дабы оная не могла какой противности показать, нынѣ въ польской же области, въ мѣстечкахъ Медвѣдовкѣ и Боровицахъ, поставленъ отъ насъ команды нашей полковникъ съ тысячнымъ числомъ драгунъ: и ежели бы ханъ крым-

ской за подлинно имѣлъ для учиненія войску вашему низовому запорожскому какихъ обидъ отправить въ Сѣчь изъ Крыму нѣсколько Крымской Орды, то, получа о томъ отъ вашего благородія подлинную вѣдомость и требованіе, прикажу означенному стоящему въ Медвѣдовкѣ и въ Боровицахъ съ тысячнымъ числомъ драгунъ приступить къ Сѣчи, и отъ той Крымской Орды охранять, и куреней вашихъ до разоренія не допускать. Точію прошу меня не умедля чрезъ нарочнаго своего увѣдомить, сколько войска запорожскаго оружейнаго къ военному случаю можетъ собраться, изъ чего бы могъ я подлинно вѣдать, и во время случая въ надеждѣ быть; къ томужъ дать свой совѣтъ, егда ханъ крымской пошлетъ Орду въ помощь въ Польшу, въ то время низовому вашему запорожскому войску, къ показанному стоящему въ Медвѣдовкѣ и въ Боровицахъ полковнику съ тысячнымъ числомъ драгунъ, въ Польшу, противъ оной Орды во отмщеніе ихъ противностей итти, или въ крымскую область для разоренія тамошнихъ мѣстъ. Ибо такъ признаю, что за отправленіемъ въ Польшу Орды, такожъ и за невозвращеніемъ посланной съ двумя салтанами подъ Кабарду (о которой изволили въ письмѣ своемъ объявить, что оные Салтаны съ Ордою стоять и нынѣ по Кубани), въ Крыму мало войска останетца и при такомъ случаѣ легко можно имъ крымцамъ знатное разореніе показать. А ежели изволите ваше благородіе признать, что къ Войску вашему, къ такому военному случаю, означенной тысячной драгунской команды, стоящей въ Медведовкѣ и въ Боровицахъ, не такъ будетъ довольно, то по полученіи отъ васъ извѣстія, прикажу еще въ прибавку надлежащее число командировать. Но и о семъ прошу меня увѣдомить, гдѣ означенной тысячной драгунской командѣ, для охраненія Войска вашего, способнѣе стоять и, въ случаѣ, поскорѣе къ Сѣчи прибыть,—въ показанныхъ ли мѣстахъ: въ Ведмедовкѣ, или въ Браславлѣ, гдѣ имѣется и собственная рейментаръ Свидзинскаго резиденція? И буде способнѣе быть въ Браславлѣ, то помянутому полковнику съ тысячною командою велю туда перейти и до указу тамъ стать, или гдѣ въ Польской Области другіе способные къ Сѣчи мѣста можете знать, въ которыхъ бы могъ означенной полковникъ съ командою стоять, и о томъ прошу меня увѣдомить. При томъ же за извѣстіе вашему благородію ознаймую, что я сюда прибылъ для отправленія выше объявленнаго корпуса въ Польшу и можѳ

что здѣсь нѣсколько и забавлюся, а потомъ паки имѣю отправитца въ Полтаву, и когда изволите отъ себя нарочныхъ къ намъ съ письмами посылать, то онымъ приказать ѣхать просто въ Полтаву, и ежели бы они прибыли туда въ небытность мою, тобъ посланные съ ними письма отдавали полтавскому коменданту, а онъ будетъ къ намъ отправлять чрезъ своихъ нарочныхъ. А ваши присланные имѣютъ ожидать тамъ (и ежели похотятъ) отъ меня на оные письма отвѣтствія. Такожъ какъ и съ присланной при письмѣ вашемъ копіи съ письма, писаннаго къ вашему благородію отъ рейментаря Свидзянскаго, усмотрѣно мною, что изъ отправленныхъ въ Стамбулъ польскихъ посланцевъ одинъ, а именно Мировичь, бывшаго полковника переяславскаго сынъ имѣетъ прибыть къ вамъ въ Сѣчь, и у вашего благородія пріятно прошу приказать,—«въ вѣрность къ Е. И. В. вашей службы»,—какъ оной Мировичь въ Сѣчь прибудетъ, а изъ Сѣчи въ Польшу отправитца, то послать за нимъ тайно пристойную команду и приказать, его поймавъ, прислать въ Переволочну и отдать его тамошнему коменданту, котораго по принятіи оттуда имѣютъ прислать ко мнѣ въ Полтаву. И ежели оное учинено будетъ, то изволите въ вѣрной надеждѣ быть, что ваше благородіе получите отъ Е. И. В. особливое всемилостивѣйшее немалое награжденіе, въ чемъ я объ ономъ остаюсь на вѣрности вашей благонадеженъ. А въ прибытіе онаго Мировича въ Сѣчь, по требованію его, ничего въ пользу чинить не надлежитъ, но отпустить его подъ видомъ дружбы, а по отпускѣ изволите чинить по вышеписанному моему объявленію. А хотябъ онъ съ собою и деньги привезъ, которые бъ могъ лутчѣе къ тому въ подзывы войска прельстить, но оные деньги у него, показывая будтобы вправду намѣреніе ту посылку учинить, взявъ, и по вышеупомянутому догнавъ его въ пути разграбить и то разграбленное на себе раздѣлить, а его самого ко мнѣ прислать». Впрочемъ пребываю

«Вашему Благородію доброжелательнымъ слугою

Gr. Weisbach».

Декабря 21 дня,
1733-го года.
Кіевопечерская крѣпость.

№ 5.

«Благородный и высокопочтенный Кошевой Атаманъ!

«Вашего Благородія письмо, отправленное съ бывшимъ Кошевымъ Атаманомъ Иваномъ Бѣлицкимъ, который купно и съ шестью

Куренными Атаманами сего Іюня 19 дня сюда прибылъ, мною исправно и со вложенными письмами, писанными къ вашему благородію и ко всему Низовому Запорожскому Войску, одно возмутительное и прелестное отъ измѣнника и злоумышленника Орлика и другое отъ Хана Крымскаго, съ котораго и переводъ и двѣ копіи съ отвѣтственныхъ и помянутому измѣннику Орлику и къ Хану писемъ, да копію жь челобитной, писанной отъ Низоваго Войска къ Е. И. В. получено, изъ котораго о полученіи в. бл. трехъ моихъ писемъ увѣстился. А за умной вашъ къ помянутымъ измѣннику и къ Хану на письма ихъ (какъ въ копіяхъ значитъ), по всеподданнѣйшей вашей и всего Низоваго Войска къ Е. И. В. вѣрности, отвѣтъ благодарствую. О которой вашей и всего Низоваго Войска вѣрности, при посланіи означенныхъ писемъ и копій,—къ Е. И. В. всеподаннѣйше доносилъ. И ежели впредь отъ реченнаго измѣнника или отъ Хана Крымскаго таковые же возмутительные, или бъ и о другомъ чѣмъ письма къ в. бл. имѣли присланы быть, то потомужъ безъ удержанія, по прежнему моему письменному объявленію, изволите ко мнѣ присылать съ нарочными. А присланныхъ людей, до полученія на тѣ отъ меня письма отвѣту, удерживать при Кошѣ. На протчее жь отвѣтствую: по прибытіи сюда вышеупомянутый господинъ Кошевой Атаманъ Бѣлицкій и съ Куренными Атаманами въ особливомъ текстѣ запечатанную войсковою печатью челобитную, подлежащую къ Е. И. В. нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, мнѣ подалъ; о которой челобитной ваше благородіе и все Низовое Войско изволили письмомъ своимъ просить, да и оной господинъ бывшой Кошевой Атаманъ Бѣлицкій и г.г. Куренные Атаманы просили, чтобъ оную съ ними я отправилъ къ Высочайшему Е. И. В. двору, въ С.-Петербурхъ. А какъ я изъ письма вашего благородія и съ пріобщенной при томъ съ оной челобитной копіи усмотрѣлъ, что оною челобитною все Войско Низовое Запорожское у Е. И. В. нашей Всемилостивѣйшей Государыни проситъ: когдабъ отъ Оттоманской Порты или отъ Хана Крымскаго будетъ за ту сторону (т. е. за то мѣсто), гдѣ нынѣ Войско Низовое Запорожское Кошемъ зостаетъ (находится), имѣло упоминатца, чтобъ съ того мѣста не повелѣно было сходить, понеже де то мѣсто отъ давнихъ лѣтъ Низовому Войску надлежащее и никѣмъ «не разграниченное». За которую Е. И. В.

августѣйшую милость, въ томъ мѣстѣ будучи, обѣщаетеся, хотя въ добрыхъ фортунахъ или въ какихъ и отъ противной стороны нападеніяхъ, не склоняясь ни на какіе прелестные письма, до живота своего, и по всѣмъ Е. И. В. указамъ служить, ведлугъ прежнихъ повѣденій отъ крымской и турецкой стороны, всему великороссійскому и малороссійскому народу стражниками быть. И хотя отъ меня бывшему кошевому атаману Бѣлицкому и гг. куреннымъ атаманамъ персонально объявлено было, яко въ скорости имѣютъ прежде посланные отъ меня къ Е. И. В. вашего Низоваго Войска: бывшій судья Решетила да атаманъ Прокофій Федоровъ, возвратно сюды прибыть, и могутъ они о всемъ вашемъ прошеніи отъ Е. И. В. всемилостивѣйшую резолюцію ко мнѣ привесть, тогобъ ради отправленіемъ они гг. атаманы, до прибытія онаго судьи изъ Санктпетербурха, поубождали. Точію какъ оный господинъ бывшій кошевой Бѣлицкій, такъ и куренные атаманы,—съ немалою докукою меня просили, дабы ихъ ко двору Е. И. В. отправить, по которой просьбѣ болѣе не могъ ихъ здѣсь удержать, но онаго г. Бѣлицкаго и съ нимъ трехъ куренныхъ атамановъ, съ означенною присланною ко мнѣ отъ Войска Низоваго челобитною къ Е. И. В. отправилъ, и прочихъ трехъ атамановъ отпустилъ возвратно къ в. б. въ Сѣчь. И какъ онымъ всѣмъ атаманамъ устно объявлялъ, тако и симъ в. б. и всему Низовому Войску объявляю, что на нынѣшнемъ новомъ мѣстѣ, гдѣ уже Кошемъ осслились, безъ всякаго опасенія изволите житіе свое препровождать; а ежели отъ татаръ какое имѣлобъ быть на васъ нападеніе, то при такомъ случаѣ военною рукою себя охранять, а ко мнѣ дать знать, по которому извѣстію въ самой скорости велю учрежденнымъ полкамъ на сикурсъ приступить, и могутъ безъ продолженій прибыть, ибо не малое число войска Е. И. В. нарочно, по способности къ вашей Запорожской низовой Сѣчи, компанентами, по сей сторонѣ Днѣпра, поставлено; а дондеже отъ татаръ къ Войску Низовому никакова нападенія происходить не будетъ, то и съ вашей стороны надлежитъ спокоемъ жить и никакихъ имъ татарамъ обидъ не показывать. Чтожъ в. б. на письмо мое въ отвѣтъ требуете отъ меня увѣдомленія, на которое время 1000 чел. комоннаго войска изготовить, понеже де подъ нынѣшній лѣтній часъ Войско разошлось для добычи рыбной внизъ Днѣпра, и въ полевые рѣчки, и на оное объявляю: на ко-

торое время оному тысячному числу отъ Низоваго Войска козакамъ ко мнѣ прибыть, нынѣ объявить не можно, но токмо прошу приказать тому тысячному числу быть къ военному случаю какъ въ ружьѣ, такъ въ коняхъ и въ протчемъ во всѣмъ въ готовности, и когда придетъ время, чтобъ въ опредѣленное мѣсто могли по полученномъ отъ меня къ вашему благородію письму прибыть ко мнѣ, а до того времени могутъ оные козаки въ своихъ дачахъ исправлятца. Впрочемъ пребываю

«Вашему благородію доброжелательнымъ слугою

I. E. V. Weisbach».

Іюня 22 дня
1734 г. Кіевъ.

№ 6.

«Благородный и высокопочтенный господинъ Кошевый Атаманъ! Сего іюня 13 дня отправленные отъ меня бывшій судья Решетила да атаманъ Федоровъ Войска Запорожскаго, при имянномъ Е. И. В. указѣ ко мнѣ, прибыли и при семъ отправлены. Чрезъ которыхъ можете, какая отъ Е. И. В. Высочайшая милость явилась, увѣститься, да и въ ономъ указѣ изображено: оные де Решетило и Федоровъ предъ Е. И. В. допущены были и о оставленіи всему Войску Низовому Запорожскому винъ и о содержаніи всемилостивѣйшей Е. И. В. протекціи изустно отъ Е. В. обнадежены, и тамъ обрѣтались они во всякомъ довольствіи да и отпущены съ довольнымъ награжденіемъ, а именно: выдано имъ на тамошнее содержаніе съ пріѣзду ихъ маія съ 15 числа обоимъ 110 рублевъ, да при отпускѣ отуда каждому 100 червонныхъ. Сверхъ того сдѣлано имъ платье новое, которое стало въ семьдесятъ семъ рублевъ и отъ меня на дорогу имъ въ то время дано 150 рублевъ. И ваше благородіе изволить быть о томъ извѣстны. Впрочемъ пребываю

Вашего благородія доброжелательнымъ слугою

I. E. V. Weisbach».

Іюля 15 дня
1734 г. Кіевъ.

А. Скальковскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа Ив. Ив. Толстаго (съ 19-ю таблицами рисунковъ). С.-Петербургъ. 1882.

Это изящное изданіе задумано графомъ Толстымъ, по случаю пріобрѣтенія имъ въ 1877 году нумизматической коллекціи русскихъ монетъ М. В. Юзефовича. Между монетами этой коллекціи особеннаго вниманія заслуживали 43 экземпляра изъ числа монетъ, найденныхъ въ 1852 году въ землѣ близъ Нѣжина. Часть монетъ этого же клада была уже описана г. Волошинскимъ, именно монеты, находящіяся въ коллекціи университета св. Владиміра. „Сознавая всю важность,—говоритъ графъ Толстой,—которую имѣетъ для русской археологіи опубликованіе находящихся въ частныхъ рукахъ памятниковъ русской старины, мы намѣревались издать описаніе 43 монетъ нашей коллекціи, подобно г. Волошинскому, въ видѣ каталога. Но уже при первой разработкѣ имѣвшагося у насъ матеріала мы усомнились въ вѣрности единственной до сихъ поръ классификаціи монетъ нѣжинскаго клада, классификаціи г. Волошинскаго. Возникшее сомнѣніе заставило насъ обратиться къ довольно обширной литературѣ вопроса о разбираемыхъ монетахъ. Тутъ наши свѣдѣнія получили болѣе реальную почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были поражены величайшей разнообразностью воззрѣній на наши монеты: одни утверждали, что это монеты первыхъ русскихъ князей; другіе отрицали ихъ русское происхожденіе, считая ихъ болгарскими или арабскими; одни считали ихъ ходячею монетой, другіе медалями; въ классификаціи,—опредѣленіи относительнаго старшинства отдѣльныхъ разрядовъ монетъ,—тоже несогласіе; насчетъ частностей высказывались также различныя мнѣнія,—каждый объяснялъ по своему какъ изображенія на монетахъ, такъ и подписи. Вслѣдствіе сего у насъ возникла мысль сопоставить всѣ разнообразныя мнѣнія и доискаться истины; но у насъ не доставало главнѣйшимъ образомъ одного,—вещественныхъ доказательствъ для тѣхъ убѣжденій, къ которымъ мы приходили. Намъ казалось слишкомъ смѣлымъ рѣшать вопросы по нашимъ 43 монетамъ, составлявшимъ всего часть одного только нѣжин-

скаго клада, и мы готовы были уже отказаться отъ своей мысли и возвратиться къ первоначальному нашему плану изданія простаго каталога, но рѣшились обратиться сперва къ содѣйствію лицъ, обладавшихъ подобными нашимъ монетами. Тутъ мы встрѣтили столько сочувствія и желанія помочь осуществленію нашего изданія, что получили возможность располагать такой массой матеріала, какой едва ли скоро удастся располагать кому либо. Такимъ образомъ мы разсмотрѣли и каталогизировали свыше 170 монетъ, большею частью нигдѣ еще не изданныхъ и составляющихъ наслѣдіе такой эпохи нашей исторіи, отъ которой до насъ сохранились лишь скудныя современныя свѣдѣнія и небольшое количество памятниковъ, вслѣдствіе чего разсматриваемыя монеты представляются вдвойнѣ интересными". Значительная масса монетнаго матеріала доставлена была графу Толстому изъ Кіева здѣшнимъ университетомъ, Церковно-Археологическимъ Обществомъ при кіевской духовной академіи, С. В. Бодилевскимъ и М. Д. Свиридовымъ,—не говоря уже о М. В. Юзефовичѣ, у котораго пріобрѣтена гр. Толстымъ первоначальная его коллекція русскихъ монетъ.

Самое видное мѣсто въ своемъ трудѣ авторъ даетъ описанію изслѣдованныхъ имъ монетъ, своду мнѣній различныхъ нумизматовъ о нихъ и таблицамъ рисунковъ монетъ, частію фотоіалотипированнымъ, частію гравированнымъ, и смотритъ на свой трудъ, какъ на сборникъ только матеріала и справочную книгу по всему, что касается изслѣдуемыхъ монетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ и къ положительнымъ выводамъ, частію представляющимъ завершеніе трудовъ прежнихъ нумизматовъ, частію совершенно оригинальнымъ и самостоятельнымъ. „При изслѣдованіи нашего матеріала, говоритъ авторъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что описанныя монеты суть не сомнѣнно русскія; 2) что онѣ относятся ко времени княженія Владиміра Святаго, Святополка I и Ярослава I; 3) что онѣ имѣли значеніе денежныхъ знаковъ; 4) что замѣтно непосредственное вліяніе на нихъ византійскаго искусства, хотя, вѣроятно, онѣ—дѣло рукъ не византійскихъ, а мѣстныхъ художниковъ (исключеніе составляютъ, можетъ быть, монеты Ярослава, III типа)". На этихъ выводахъ мы и остановимся и укажемъ главныя основанія ихъ и нѣкоторыя интересныя детали.

„Фактъ чеканки собственныхъ денежныхъ знаковъ въ древней Руси домонгольскаго періода,—говоритъ графъ Толстой,—какъ извѣстно, оспаривается нѣкоторыми даже до сихъ поръ. Рѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ не можетъ быть безразлично не только для археолога, но даже и для историка: не говоря уже о томъ, что существованіе или отсутствіе у народа въ данную эпоху собственныхъ денежныхъ знаковъ

указываетъ на высшую или низшую степень культуры его въ эту эпоху, по монетамъ можно судить о вліяніи сосѣдей на искусство, объ исторіи искусства (по отдѣлкѣ штемпелей), о монетной системѣ, о распространенности и значительности торговли (по мѣстамъ и количеству находокъ) и т. д."—Фактъ чеканки собственныхъ денежныхъ знаковъ въ домонгольской Руси прежде всего оспаривали тѣ нумизматы, которые приписывали изслѣдуемыя монеты или галичскимъ государямъ, или юго-славянскимъ. Къ числу первыхъ нумизматовъ принадлежитъ графъ С. Г. Строгановъ, занявшійся опредѣленіемъ времени чеканки исключительно ярославовыхъ монетъ путемъ сравненія съ византійскими; но его мнѣніе не имѣло ходу и значенія и оставлено графомъ Толстымъ въ сторонѣ. Первымъ представителемъ другаго мнѣнія о юго-славянскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ монетъ былъ Рейхель, соблазнившійся тѣмъ, что одна изъ предполагаемыхъ прежде русскихъ медалей оказалась, по опредѣленію г. Априлова, монетою царя болгарскаго Святослава. Это открытіе г. Априлова принято было Рейхелемъ за счастливый случай, который разрѣшалъ вопросъ о національности и остальныхъ монетъ—медалей, которыхъ онъ не признавалъ русскими. Между тѣмъ, сторонники южно-славянскаго происхожденія нашихъ монетъ едва ли даже знали хорошенько тѣхъ государей, которымъ они ихъ приписывали. Не говоря уже о томъ, что южно-славянскаго Ярослава совсѣмъ неизвѣстно, они не знали, кому изъ двухъ малоизвѣстныхъ и не игравшихъ важной роли въ исторіи государей приписать монеты съ именемъ Владиміра,—сербскому или болгарскому. Мнѣніе Рейхеля отразилось даже на новѣйшемъ трудѣ кроатскаго нумизмата Любича, который включилъ въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1875 г., золотую монету Св. Владиміра въ число юго-славянскихъ, приписавъ ее болгарскому царю Владиміру (885—893). Но наши монеты, кромѣ кириллицы, не имѣютъ ничего общаго съ юго-славянскими, какъ это наглядно можно видѣть въ трудѣ самого Любича. Русское происхожденіе нашихъ монетъ доказывается: 1) замѣчательнымъ совпаденіемъ дознаннаго времени чеканки ихъ и времени княженія на Руси тѣхъ государей, имена которыхъ находятся на монетахъ; 2) мѣстомъ находки монетъ въ предѣлахъ самой Россіи, или смежныхъ съ нею; 3) совершенно обособленнымъ характеромъ нашихъ монетъ и въ частности свойственными имъ однимъ надписями, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ монетъ всѣхъ другихъ народовъ: „Владиміръ (Святополкъ) на столѣ, а се его сребро (серебро); Владиміръ, а се его серебро (злато); Ярославле сьребро (сребро); 4) изображеніемъ на нашихъ монетахъ, съ лѣвой стороны князя, хоругви или знамени (въ смыслѣ отличительнаго знака герба) великихъ князей кіевскихъ. Доселѣ принимали эту хоругвь за

трезубецъ, трикирій или паникадило, птицу (голубя), якорь, францискy, верхушку скипетра, порталъ и за хоругвь (labarum). Авторъ остановился на названіи фигуры хоругвью или знаменемъ и воздержался отъ дальнѣйшаго объясненія ея, но привелъ два чужія мнѣнія объ этомъ предметѣ, именно: академика А. А. Куника и А. В. Толстаго. „Въ первоначальной своей формѣ,—говоритъ Куникъ,—фигура является на золотыхъ и на нѣкоторыхъ серебряныхъ монетахъ Владиміра. Золотыя монеты по величинѣ, по вѣсу и по типу указываютъ на нѣкоторыя византійскія, какъ на прототипы. По лѣвую сторону императоровъ X столѣтія мы часто видимъ изображеніе державы (которую они держатъ въ лѣвой рукѣ), какъ символъ унаслѣдованной отъ староримскихъ императоровъ власти надъ вселенной (orbis) или imperium—a mundi. Заимствовать этотъ символъ не имѣло бы смысла для кіевскаго великаго князя; да и Византія навѣрно протестовала бы противъ этого, такъ какъ она еще въ X столѣтіи отказывалась признавать за потомками Карла Великаго право пользованія титуломъ βασιλεύς. Естественно предположить, что Владиміръ или самостоятельно, или по совѣту братьевъ своей жены, помѣстилъ на мѣсто державы другой символъ, который, сообразно съ данными условіями, долженъ былъ выражать ту же политическую идею по отношенію къ государямъ Руси, какую имѣла держава по отношенію къ императорамъ Новаго Рима (Νέα Ρώμη). Во всякомъ случаѣ, фигура имѣла ближайшее отношеніе къ великому князю, такъ какъ она первоначально является рядомъ съ его изображеніемъ. Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что на послѣдующихъ типахъ серебряныхъ монетъ Владиміра фигура помѣщена вмѣсто лика Спасителя. Напротивъ, надпись: *а се его сребро* болѣе соотвѣтствовала знамени великаго князя, но не изображенію Спасителя или Св. Георгія". Еще въ XVI в. сохранялось на Руси преданіе объ этомъ знамени, какъ это видно изъ соборной грамоты 1560 г. о признаніи за Иваномъ Грознымъ права ношенія Царскаго титула. Въ грамотѣ сказано, что византійскіе императоры Василій и Константинъ, совмѣстно съ патріархомъ, „послаша тогда пресщенного митрополита Ефесскаго и Антіохійскаго изрядно начальнейшаго епарха и вѣнчаша благочестиваго великаго князя Владиміра на царство и дароваша его тогда царскимъ вѣнцемъ на главу его и діадимою, украшенною бисеромъ, и *инымъ царскимъ знаменемъ* (καὶ τἆλλα βασιλικὸ σημεῖα) и дары". Но, можетъ быть, это царское знамя было только утверждено византійскими императорами, какъ готовое, родовое знамя Владиміра, встрѣчающееся и на монетахъ двухъ его сыновей, Святополка и Ярослава, и возникло изъ „знаковъ собственности", бывшихъ въ употребленіи преимущественно у народовъ, не имѣвшихъ еще азбуки. Съ своей

стороны, для объясненія этого знамени, графъ И. Толстой указываетъ на монеты кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича, XIV в., на которыхъ, по его мнѣнію, находится видоизмѣненіе этого знамени, и сообщаетъ о намекѣ, данномъ ему А. В. Толстымъ по поводу загадочной фигуры знамени. Въ „Краткомъ историческомъ извѣстіи о Кіевѣ", напечатанномъ въ кіево-печерской лаврѣ въ 1795, на стр. 4 находится слѣдующая замѣтка: „Касательно города Подола (часть Кіева), гдѣ по большой части жительствуютъ мѣщане, была прежде печать съ изображеніемъ древней стрѣльбы оружія, на подобіе лука съ тетивой, называемаго *куша*. Но нынѣ оная не употребляется. А. В. Толстой думалъ, что можно было бы найти какое-либо соотношеніе между этой печатью и фигурой знамени на монетахъ. Но авторъ изслѣдованія не нашелъ нигдѣ описанія или изображенія таинственной *куши*. Во всякомъ случаѣ, фигура на монетахъ была знаменемъ великихъ князей кіевскихъ.

Существовали и существуютъ и другія мнѣнія о несуществованіи монетъ въ до-татарскій періодъ Руси, но онѣ разсматриваются авторомъ изслѣдованія при рѣшеніи другихъ поставленныхъ имъ вопросовъ, и именно вопроса о томъ, дѣйствительно ли это монеты, имѣвшія значеніе денежныхъ знаковъ, или же только медали.

Извѣстно, что при самомъ появленіи нашихъ монетъ не посмѣли признать ихъ ходячими, а предположили, что это—медали. Главнымъ аргументомъ противъ признанія этихъ монетъ денежными знаками служило молчаніе будто бы лѣтописей о существованіи ихъ въ до-монгольской Руси. Но гр. Толстой, со словъ Волошинскаго, указываетъ на нѣкоторыя мѣста въ памятникахъ древней письменности, повидимому указывающія на существованіе монеты. Такъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ Нестора, подъ 1115 годомъ говорится: „6623 г. индикта 8, совокупившася братья Руссіи князи Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давидъ Святославичъ и Олегъ братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба.... и взяша раку Борисову, и вставиша и на возила и поволокоша.. и не бѣ льзѣ везти отъ множества народа;... и повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволоки, орницы, бѣль разметати народу, овоже *сребреники* метати людемъ, сильно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь". Г. Волошинскій думаетъ, что *сребренники*, можетъ быть, были ходячей монетой, подобной нашимъ, на которыхъ читаемъ: а се его *сребро*. Подобнымъ образомъ, по мнѣнію г. Волошинскаго, и въ посланіи епископа Симона къ Поликарпу (въ Патерикѣ Печерскомъ) выраженіе: „аще бы и тысяща *сребра* истратити" указываетъ, вѣроятно, на *сребро* не какъ на металлъ (ибо въ такомъ случаѣ здѣсь не было бъ смысла), но какъ на ходячую монету, которая тоже могла заимствовать свое названіе отъ

надписи оборотной стороны нашихъ монетъ. Затѣмъ, въ пользу монетнаго значенія разсматриваемыхъ авторомъ чеканныхъ знаковъ говорятъ: 1) значительное количество найденныхъ монетъ; 2) стертость большинства экземпляровъ, указывающая на то, что монеты много ходили по рукамъ; 3) находка отдѣльныхъ монетъ въ такихъ мѣстахъ, куда едва-ли могли попасть приближенные къ князю, могшіе получать отъ него медали; 4) находка отдѣльныхъ экземпляровъ между иностранной *ходячей* же монетой; 5) самый наружный видъ и надписи, и 6) находка значительнаго числа монетъ въ одномъ кладѣ (нѣжинскомъ). Противъ существованія русскихъ монетъ въ до-монгольскій періодъ не говоритъ и то обстоятельство, что не сохранилось или не чеканилось монетъ въ промежутокъ времени послѣ Ярослава до Ивана II (1353—1359 г.); причиной того могла быть безпорядочная эпоха нашей исторіи, коснувшаяся всѣхъ сторонъ народной и политической жизни Руси, именно удѣльно—вѣчевая. Извѣстно, что этотъ періодъ начался вслѣдъ за смертью Ярослава и продолжался и подъ игомъ татаръ вплоть до торжества московскаго монархическаго принципа. Въ это смутное время часто смѣщаемые князья, можетъ быть, и не заботились о чеканкѣ собственной монеты.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что число нумизматовъ, признающихъ существованіе русскихъ денежныхъ знаковъ въ до-монгольскій періодъ Руси, является преобладающимъ, и графъ Толстой опровергалъ противоположныя устарѣлыя мнѣнія, повидимому, только для полноты труда. Важнѣе и труднѣе былъ другой вопросъ о классификаціи древнѣйшихъ русскихъ монетъ и пріуроченіи ихъ къ извѣстнымъ русскимъ князьямъ, такъ какъ относительно этого не было доселѣ твердыхъ основаній. Такъ напр., Волошинскій, основываясь на различной отдѣлкѣ монетъ съ однимъ и тѣмъ-же именемъ, приписывалъ эти монеты разнымъ князьямъ, носившимъ одно имя. Содержащіяся въ надписяхъ нашихъ монетъ имена (Владиміръ, Ярославъ, Святополкъ, Георгій),—говоритъ онъ,—въ связи съ различіемъ фабрикъ самихъ монетъ и способовъ отдѣлки, составляя пять отдѣльныхъ классовъ, относятся къ пяти великимъ князьямъ нашимъ: Владиміру Святому, Ярославу Владиміровичу, Святополку Изяславичу, Владиміру Всеволодовичу Мономаху и Георгію (можетъ быть Юрію Владиміровичу Долгорукому), или, что тоже, къ промежутку времени отъ 988 по 1157 годъ". Графъ Толстой, не останавливаясь на опроверженіи классификаціи г. Волошинскаго, предлагаетъ свою классификацію, основанную на неопровержимыхъ фактахъ. Онъ нашелъ между разобранными имъ монетами нѣсколько перечеканенныхъ монетъ, на которыхъ одинъ чеканъ новѣйшій нанесенъ на другой старѣйшій, и которыя, поэтому, несомнѣнно рѣшаютъ сравнительное старшинство этихъ чека-

нокъ. Эти перечеканки показываютъ, что всѣ четыре разновидности монетъ съ именемъ Владиміра старше монетъ Святополка. При помощи другихъ археологическихъ доказательствъ, которыми авторъ подтверждалъ русское происхожденіе разсмотрѣнныхъ имъ монетъ, онъ пришелъ къ заключенію, что Святополковы монеты старше монетъ Ярослава—Георгія. Общій выводъ относительно сравнительной древности монетъ слѣдующій: золотыя и серебряныя четырехъ типовъ монеты св. Владиміра чеканены между 988—1015 гг., серебряныя Святославовы въ 1016 г., Ярославовы 1-го и 2-го типовъ въ 1016—1017 г. и третьяго типа послѣ 1018 года.

Доказавъ, что разсматриваемыя монеты—русскія и принадлежатъ опредѣленной эпохѣ, графъ Толстой задался вопросомъ, какой или какіе народы имѣли непосредственное вліяніе на монетное дѣло въ Руси. Византійское вліяніе было несомнѣнно и указано уже Куникомъ. Но извѣстно, что до исхода XI столѣтія въ Россіи въ большомъ количествѣ обращались куфическія монеты; поэтому естественно изслѣдовать, не имѣли ли и онѣ вліянія на наши монеты. Первый обратилъ вниманіе на такое вліяніе Н. А. Бартоломей, который въ 1861 г., въ письмѣ къ Куннку, писалъ слѣдующее: „Въ Россію начали привозить куфическіе диргемы въ VIII столѣтіи; этотъ привозъ усиливался въ IX-мъ, еще болѣе усилился въ половинѣ X столѣтія, потомъ вдругъ уменьшился во второй половинѣ того же столѣтія и внезапно прекратился въ XI-мъ. Причиною тому было вторженіе въ Хорасанъ и въ Персію огромныхъ массъ кочующихъ племенъ тюркскихъ, прекратившихъ торговлю въ завоеванныхъ ими странахъ съ Сѣверной Европой и черезъ Россію. Съ прекращеніемъ торговли перестали ввозить и деньги. Слѣдов., при св. Владимірѣ большіе тонкіе самандидскіе диргемы, которые такъ часто находятся въ русскихъ кладахъ, были еще въ значительномъ обращеніи.. При Владимірѣ I-мъ, въ концѣ X и началѣ XI столѣтія, естественно предпочли, для собственнаго серебра, соображаться *въ отношеніи размѣровъ* съ ходячими тогда у насъ большими тонкими диргемами разныхъ династій мусульманскихъ, а наиболѣе Самангизовъ". Если бы это мнѣніе подтвердилось, то оказалось бы, что древнѣйшія русскія монеты чеканились подъ двумя вліяніями: размѣръ ихъ сообразовался съ размѣромъ куфическихъ диргемовъ, а изображенія на монетахъ дѣлались подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Но графъ Толстой отказался глубже изслѣдовать вопросъ о восточномъ вліяніи на древнѣйшія русскія монеты, по незнакомству съ восточной нумизматикой.

Къ труду приложены, кромѣ библіографическаго списка и указателей, двѣ особыя главы: 1) о поддѣльныхъ монетахъ и 2) о монетахъ съ

именемъ Болеслава, кириллицей, кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича и печати съ именемъ Ратибора. Первая изъ этихъ прибавочныхъ главъ касается вопроса о поддѣлкахъ въ русской нумизматикѣ, почти не затронутаго, хотя онъ и составляетъ больное мѣсто почти всякаго нумизмата. Въ этой главѣ рѣшаются слѣд. частнѣйшіе вопросы: 1) съ какихъ оригиналовъ скопированы наши поддѣлки; 2) когда, хотя приблизительно, изготовлены наши поддѣлки и 3) насколько близко онѣ скопированы со своихъ оригиналовъ, и если есть отличія отъ нихъ, то какія, т. е. иными словами: каковы характерныя черты нашихъ поддѣлокъ? Вторая изъ прибавочныхъ главъ о монетахъ Болеслава, Владиміра Ольгердовича и печати Ратибора вся почти состоитъ изъ описанія и нѣкоторыхъ замѣчаній авторовъ, описывавшихъ ихъ, безъ критики этихъ замѣчаній. О монетахъ Ольгердовича, а можетъ быть и о печати Ратибора графъ Толстой предоставляетъ себѣ право сказать нѣсколько словъ позже, въ другомъ своемъ нумизматическомъ трудѣ; но о монетахъ Болеслава не берется судить, не будучи достаточно знакомъ съ польской и чешской нумизматикой. Строичинскій полагалъ, что кирилловская монета Болеслава чеканена въ Кіевѣ, который въ 1018 году на короткое время былъ занятъ Болеславомъ I Храбрымъ; по догадкѣ же Лелевеля, она выбита была въ южной Польшѣ для обитателей русскаго племени. Но оба эти мнѣнія пока еще не доказаны.

Въ заключеніе, укажемъ еще на одну частность въ трудѣ графа Толстаго. На разсмотрѣнныхъ имъ монетахъ находятся единственныя дошедшія до насъ подлинныя изображенія нашихъ первыхъ христіанскихъ князей; какія бы онѣ ни были, а все же это портреты св. Владиміра и его сыновей—Святослава и Ярослава. На основаніи монетныхъ изображеній воспроизведенъ на заглавномъ листѣ изданія увеличенный портретъ великаго князя св. Владиміра. Несмотря на нѣкоторую поэтическую вольность художника, этотъ портретъ ближе долженъ подходить къ оригиналу, чѣмъ распространенныя иконописныя изображенія этого св. князя.

Н. П.

Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе второе, передѣланное и дополненное. Кіевъ. 1882.

Первое изданіе этой книги послѣдовало въ 1832 году и долгое время было капитальною книгою по данному предмету. Не менѣе капитальною книгою является и второе изданіе, такъ такъ оно передѣлано

и дополнено на основаніи всѣхъ важнѣйшихъ матеріаловъ и источниковъ, появившихся послѣ 1832 года. Главнымъ предметомъ изслѣдованія служитъ собственно духоборческая секта, хотя авторъ касается часто и другой секты, молоканской, которая часто смѣшиваема была съ духоборческою и имѣла нѣкоторое наружное сходство съ нею. И духоборцы и молокане равно отвергаютъ таинства церкви и всѣ ея постановленія, всю наружную сторону религіи. Но при всемъ томъ обѣ эти секты существенно различаются между собою. „Различій этихъ два,—говоритъ авторъ: во первыхъ, духоборцы невысоко цѣнятъ св. писаніе; они руководствуются въ своихъ воззрѣніяхъ тѣмъ, что возвѣстили имъ отцы ихъ, т. е. человѣческимъ преданіемъ, и притомъ не писаннымъ, а хранимымъ единственно въ памяти и сердцахъ; напротивъ того, молокане держатся исключительно св. писанія, какъ руководства въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ, хотя изъясняютъ его односторонне и потому ошибочно; во вторыхъ, духоборцы признаютъ преимущественное пребываніе Божества лишь въ своемъ духоборческомъ родѣ и считаютъ себя внутреннимъ храмомъ этого Божества, а потому весь наружный культъ богопоклоненія считаютъ совершенно ненужнымъ для себя, или что тоже, отрицаютъ, всю внѣшнюю сторону религіи съ своей субъективной точки зрѣнія; напротивъ того, молокане признаютъ самостоятельное существованіе Бога, какъ духа, и отрицаютъ всѣ таинства церкви и всю ея внѣшность съ объективной точки зрѣнія, на основаніи лишь текста св. писанія: „Богъ есть духъ, и покланяющіеся ему должны покланяться въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 24)“. Обѣ эти секты въ своемъ историческомъ развитіи имѣли соотношеніе съ Южной Россіей и, по всей вѣроятности, оставили въ ней замѣтные слѣды. По изслѣдованію г. Новицкаго, начало духоберческой сектѣ положилъ нѣкто иностранецъ, называвшій себя отставнымъ прусскимъ унтеръ-офицеромъ, который около 1740—1750 г. поселился въ харьковской губерніи, въ селеніи Охочемъ, и проповѣдывалъ здѣсь ученіе, совершенно согласное съ духомъ ученія квакерскаго. Послѣдователями и преемниками его ученія были Силуанъ Колесниковъ (1750—1775 г.) и сыновья его, Кирилъ и Петръ, жившіе въ селѣ Никольскомъ, екатеринославскаго округа. Ихъ ученіе систематизировано въ „Исповѣданіи ученія духоборцевъ екатеринославскихъ“, 1791 года, которое не безъ основанія приписывается извѣстному украинскому философу и народному учителю Сковородѣ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ „Исповѣданіи“ сглажены грубыя крайности секты и внесены чуждые ей элементы, и потому оно не можетъ считаться вѣрнымъ отображеніемъ духоборческаго ученія. Изъ Слободской Украйны духоборческое ученіе занесено было, въ XVIII же в., въ тамбовскую губернію, гдѣ главными коноводами духоборческой секты

были Побирохинъ и отставной капралъ гвардіи Капустинъ, привнесшіе въ духоборское ученіе элементы ученія хлыстовъ, а также анабаптистовъ или меноннтовъ. Наконецъ, обѣ эти отрасли духоборческой секты, слободско-украинская и тамбовская, сошлись на Молочныхъ Водахъ, въ мелитопольскомъ уѣздѣ, таврической губерніи, куда духоборцы, по ихъ желанію, переселяемы были въ царствованіе Александра I, съ цѣлію защитить духоборцевъ отъ нелюбви народной, а народъ православный отъ соблазна. Здѣсь, подъ руководствомъ Капустина, въ сосѣдствѣ съ нѣмецкими колонистами — менонитами, духоборцы практически закрѣпили начала своего ученія въ духоборческой общинѣ. Но со смертію Капустина, послѣдовавшей въ 1824 г., начались у мелитопольскихъ духоборцевъ безпорядки и открылись тяжкія преступленія, вслѣдствіе чего въ 1843—5 годахъ они переселены были, по Высочайшему повелѣнію, съ Молочныхъ Водъ на Кавказъ, въ числѣ четырехъ слишкомъ тысячъ. Отъ этого переселенія освобождены лишь тѣ, кои пожелали возвратиться въ лоно православной церкви. „Значительное число духоборцевъ предпочло остаться на мѣстѣ и подчиниться предложенному условію обращенія въ православіе: 27-мь душъ въ самомъ началѣ предложенія вступили въ нѣдра православной церкви. А нѣкоторые возвратились съ мѣста ихъ высылки, гдѣ положеніе ихъ вообще оказалось затруднительнымъ, и подчинились тому же условію". О дальнѣйшей судьбѣ духоборчества на югѣ Россіи авторъ изслѣдованія не говоритъ ни слова. Но нельзя думать, чтобы съ выселеніемъ мелитопольскихъ духоборцевъ на Кавказъ духоборческое ученіе совершенно исчезло на югѣ Россіи; мы знаемъ, что далеко не всѣ духоборцы выселялись изъ Слободской Украйны на Молочныя Воды. Многіе оставались на мѣстахъ прежняго жительства, сохраняя втайнѣ свое ученіе. По всѣмъ признакамъ, оно и возникло въ болѣе позднее время подъ названіемъ *шалопутства*, которое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ.

Другая параллельная духоборчеству секта, молоканская, о которой г. Новицкій говоритъ въ своемъ изслѣдованіи только мимоходомъ, хотя возникла и не на югѣ Россіи, но съ теченіемъ времени перешла сюда и, по видимому, больше оставила слѣдовъ послѣ себя, чѣмъ духоборчество. Первыя сѣмена молоканства авторъ видитъ еще у Матвѣя Семенова Бакшина, XVI в., котораго сами молокане считаютъ основателемъ ихъ секты. Ихъ „надписанія", т. е. перечень текстовъ ветхаго и новаго завѣта, имѣющихъ отношеніе къ ихъ ученію, унаслѣдованы ими отъ лекаря Дмитрія Тверитинова, который проповѣдывалъ около 1713 года кальвинское ученіе и осужденъ былъ на послѣднемъ россійскомъ соборѣ въ 1714 году. Въ 1765 году, въ донесеніи тамбовской консисторіи св. синоду, эта секта

получила даже опредѣленное названіе *Молоканіи*. Вскорѣ послѣ этого въ молоканствѣ является замѣчательный человѣкъ Уклеинъ, зять извѣстнаго уже намъ духоборца Побирохина. Около 1780 года онъ объединилъ тамбовскихъ молоканъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ, привнесъ въ молоканство нѣкоторые элементы духоборческіе и распространилъ свое ученіе въ нѣсколькихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Между прочимъ, молоканство появилось, около 1788 года, и въ Слободской Украйнѣ. Здѣсь вѣроятно молокане познакомились съ сочиненіями Григорія Савича Сковороды и прониклись глубокимъ уваженіемъ къ нимъ. На сколько намъ извѣстно, говоритъ г. Новицкій, Григорій Савичъ Сковорода имѣлъ сильное вліяніе на молоканъ. И донынѣ они распѣваютъ въ домахъ въ праздничные дни нѣкоторые его стихи, и нѣкоторые псалмы изъ библіи поютъ его напѣвомъ. Изъ печатныхъ сочиненій его въ большомъ употребленіи у молоканъ: 1) Библіотека духовная, Спб. 1798 г.; 2., Начальная дверь къ христіанскому добронравію, 1766 г. (и въ Сіонскомъ Вѣстникѣ за 1808 г.), 3., Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ, Моск. 1837 г. Самый журналъ „Сіонскій Вѣстникъ" до того популяренъ у молоканъ, что, кромѣ публичныхъ библіотекъ, его по преимуществу можно встрѣтить только у нихъ. Рукописныя сочиненія Сковороды охотнѣе всѣхъ списывали и сознательнѣе всѣхъ читали молокане; онъ же былъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ *Апостола Христіанства*. Въ 1804—5 гг. молокане, смѣшиваемые правительствомъ съ духоборцами, присылаемы были на Молочныя Воды подъ именемъ духоборцевъ; но они не были приняты духоборцами въ свою общину, поселены отдѣльно, въ сосѣдствѣ съ татарами и меннонитами, и вѣроятно во многомъ подчинились вліянію послѣднихъ. Вслѣдствіе такихъ наращеній на основу молоканства сторонних элементовъ, само оно съ теченіемъ времени распалось въ своемъ вѣроученіи на нѣсколько толковъ—тамбовскій, владимірскій, донской и проч.; и молокане закавказскіе, послѣдователи Уклеина, не хотятъ имѣть ничего общаго съ молоканами изъ Саратова и Молочныхъ Водъ. Тамошніе старики, покачивая головами, съ тяжелымъ вздохомъ говорятъ: „поползло вкривь и вкось все наше молоканство".

Оставило ли молоканство какіе-либо слѣды на югѣ Россіи, объ этомъ авторъ изслѣдованія не говоритъ ничего, да и не считалъ себя въ правѣ говорить, не отступая отъ главнаго предмета. Мы съ своей стороны проведемъ нѣсколько дальше нить его изслѣдованія и постараемся намѣтить въ общихъ чертахъ связь одного изъ толковъ молоканскихъ съ современной штундой. Мы выше видѣли, что между молоканскими толками извѣстенъ толкъ молоканъ изъ Саратова и Молочныхъ Водъ, съ которыми кавказскіе молокане не хотятъ имѣть ничего общаго. Этотъ-то

толкъ и имѣетъ наибольшее отношеніе къ современной штундѣ. Мы имѣемъ подъ руками рукописное „вѣроисповѣданіе евангелическихъ христіанъ, бывшихъ молоканами", иначе „молоканъ воскресниковъ" Саратовскихъ, сообщенное намъ К. Д. Поповымъ. Оно заключаетъ въ себѣ главные пункты ученія этихъ молоканъ, очень сходные и почти тождественные по содержанію съ извѣстными, „десятью правилами" штундистовъ. (См. Разборъ десяти правилъ вѣроученія штундистовъ, свящ. Кл. Ооменко. Кіевъ. 1873). Вотъ нѣкоторые изъ этихъ молоканскихъ пунктовъ: 1) „Вѣруемъ, по ученію Спасителя, въ трехъ-ипостаснаго Бога (Матѳ 28, 19) и поклоняемся истинному Богу, Отцу и Сыну и св. Духу; 4) Вѣруемъ, что Господь Іисусъ Христосъ своею кровію стяжалъ намъ вѣчное искупленіе (Римл. 3, 23—25), установилъ и освятилъ: а., крещеніе водою (Іоан. 3, 5; Дѣян. 8, 38—39) и духомъ содѣловаетъ новое рожденіе человѣка; б., причащеніе плоти и крови; по обѣтованію Его (Іоан. 6, 54) уповаемъ имѣть жизнь и воскресеніе; 7., Вѣруемъ, что Богъ установилъ въ Церкви должности; по новому завѣту, во всѣхъ церквахъ избирались и рукополагались (Дѣян. 14, 23; Тимоѳ. 3, 1; 1 Тит. 1, 5) пресвитеры и діаконы (Ефес. 4, 12), для совершенія святыхъ на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова. 9., Церковь избираетъ служителей по качеству даровъ должности, согласно слова Божія (1 къ Тимоѳ. 3, 2—10; къ Титу, 1, 6—10), и служба ихъ продолжается, пока въ нихъ будутъ дары должности; по нарушеніи же правилъ, увольняются братствомъ отъ службы; 10., На моленіе мы собираемся безъ различія полу и возраста каждое воскресенье и годовые праздники Христовы; молимся два раза въ день и, по слову Спасителя (Матѳ. 12, 50), всѣ мы братья и сестры; 11., Моленіе наше изливаемъ къ всемогущему Богу (1 посл. къ Тимоѳ. 2, 1—3) за себя, за Царя и Царицу, августѣйшихъ монарховъ нашихъ, и за высокодостойное семейство ихъ, и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмятежное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; 12., По ученію Спасителя и св. апостоловъ, мы обязаны отдавать Царю царское, а Богу—божье, (Матѳ. 22, 21), и всякой власти повиноваться изъ усердія (Римл. 13, 1—9), и никому ни въ чемъ должными не оставаться, кромѣ взаимной любви; 13., Къ богослужебнымъ дѣйствіямъ принадлежитъ: а., Крещеніе; пресвитеръ вѣрующаго крещаетъ водою въ покаяніе, во имя Отца и Сына и св. Духа (Матѳ. 28, 19); б., прежде вечери Господней, по повелѣнію Господнему, омываемъ ноги другъ другу (Іоан. 13, 5 и 14); в., причастіе на вечери; пресвитеръ молится и говоритъ: Господь І. Христосъ на послѣдней вечери (Лук. 22, 19; 1 Кор. 11, 23—24) взялъ хлѣбъ, преломилъ и сказалъ: „сіе есть тѣло Мое, которое за васъ предается", по примѣру Спасителя, разламываетъ хлѣбъ, самъ вкушаетъ и всѣ при-

сутствующіе. Также послѣ вечери и чашу съ краснымъ виномъ взялъ и подалъ ученикамъ и сказалъ: „сія чаша есть новый завѣтъ въ моей крови, которая за васъ проливается; сіе творите въ мое воспоминаніе". И мы въ память Его страданія распиваемъ сію чашу и по обѣтованію Его уповаемъ имѣть жизнь и воскресеніе. г) Помазаніе елеемъ больнаго исполняемъ, согласно повелѣнію св. апостола Іакова (Марк. 6, 13; Іаков. 1, 14). д) Погребеніе усопшихъ: не погребаемъ скороспѣшно и если кто умираетъ скоропостижно,—о томъ доносимъ мѣстному начальству; моленіемъ, пѣніемъ и наставленіемъ совершается погребеніе. в) Бракосочетаніе: вѣруемъ, что Богъ сочетаетъ супружниковъ (Марк. 10, 9); пресвитеръ допускаетъ до брака совершеннолѣтнихъ и безъ нарушенія степеней родства; тогда родители благословляютъ дѣтей, и пресвитеръ молится и проситъ отъ Бога на нихъ благословенія; пѣніемъ и наставленіемъ оканчивается бракъ, каковой почитаемъ нерасторгаемымъ. ж) Въ церкви имѣемъ общее влагалище (Марк. 12, 41 и сл.; Лук. 21, 1 и сл.; Іоан. 13, 29; Евр. 13, 16); каждый членъ церкви каждое воскресенье приходитъ въ собраніе и опускаетъ свою лепту, сколько его совѣсть велитъ ему подавать, въ пользу бѣдныхъ членовъ, вдовъ и сиротъ; влагалищемъ руководствуются дьяконы по совѣту братства (Дѣян. 6, 3 и 5). 14) О церковномъ сужденіи: Церковь руководствуется духовно-гражданскими правами, по ученію Спасителя и св. апостоловъ (Матѳ. 18, 15—18; 1 Коринѳ. 5,1—6): а) наставляя одинъ другаго любовію, б) кто впадаетъ въ соблазнъ, того тщательно увѣщеваемъ къ обращенію, в) но если кто либо воспротивится и не послушаетъ церкви, того исключаемъ изъ братства (Матѳ. 18, 17), г) если возникаетъ раздоръ или обида, то избранные церковію члены стараются помирить, чтобы дѣло не доходило до судовъ (Коринѳ. 6, 5) и д) церковь внушаетъ каждому члену преданность Государю и вѣрность въ службѣ. 15) Наконецъ объявляемъ, что вѣра, упованіе наше, заимствована единственно изъ священнаго слова Божія, и въ дѣлахъ вѣры не допускаемъ никакое лице или общество лицъ проповѣдывать другое вѣроупованіе, и, кромѣ ветхаго и новаго завѣтовъ, никакія книги не почитаемъ богодухновенными и никакія изображенія не имѣемъ и не желаемъ имѣть, взирая на Начальника и Совершителя вѣры І. Христа и его св. апостоловъ".

Мы не будемъ здѣсь сличать эти пункты молоканскаго вѣроисповѣданія съ десятью правилами штундистовъ и замѣтимъ только, что послѣднія представляютъ только болѣе систематическую редакцію первыхъ, съ замѣтнымъ анабаптистическимъ или менонитскимъ оттѣнкомъ. Но въ заключеніе позволимъ себѣ привести извлеченіе изъ статьи Ф. Щербины о вѣрованіяхъ и обычаяхъ штундистовъ николаевскаго уѣзда, хер-

сонской губерніи, помѣщенной въ 15 № „Кіевскаго Телеграфа“ за 1876 годъ. Изъ этой статьи мы наглядно, такъ сказать, убѣждаемся, что жизнь херсонскихъ штундистовъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ появленія штунды, совершенно соотвѣтствовала изложеннымъ нами молоканскимъ пунктамъ вѣроученія и какъ будто устроялась по нимъ. По сообщенію г. Щербины, догматическая сторона штунды пока еще нисколько не опредѣлена. Понятіе о Богѣ, о троичности лицъ и проч., все это такіе вопросы, которыхъ штундисты пока еще совершенно не касались. Нѣсколько яснѣе и опредѣленнѣе взгляды штундистовъ на таинства, изъ которыхъ безусловно необходимымъ они признаютъ собственно только одно—бракъ, и то не въ церковномъ смыслѣ. Таинство крещенія остается еще пока спорнымъ пунктомъ. Всѣ остальныя таинства отвергаются, хотя и существуетъ у нѣкоторыхъ штундистовъ такъ называемое преломленіе хлѣбовъ, напоминающее собою таинство причащенія. Бракъ, по понятіямъ штундистовъ, не есть таинство, а просто самый обыкновенный житейскій актъ, совершаемый тѣмъ не менѣе съ нѣкоторою обрядностію и церемоніями. Въ прежнее время бракъ совершался такъ называемымъ „старшимъ братомъ“ (пресвитеромъ). Въ настоящее время онъ устанавливается нѣсколькими личностями. Дѣло обыкновенно бываетъ такъ: женихъ и невѣста, раньше сговорившіеся, заявляютъ нѣсколькимъ штундистамъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ. Въ назначенный день всѣ они собираются вмѣстѣ, читаютъ при этомъ нѣкоторыя мѣста изъ евангелія, поютъ стихи, пѣсни и псалмы, говорятъ проповѣди и рѣчи и тутъ же объявляютъ состоявшимся бракъ. Этимъ дѣло и оканчивается. Почти такимъ же образомъ совершается и крещеніе. При совершеніи его точно также собирается нѣсколько штундистовъ, обыкновенно вечеромъ, на берегу рѣки. Здѣсь они также поютъ духовныя пѣсни и псалмы, импровизируютъ рѣчи и проч. Самъ крестящійся входитъ въ рѣку и окунается. Такое крещеніе называется вводнымъ крещеніемъ и прежде совершалось старшимъ братомъ, но въ послѣднее время нѣкоторыми штундистами былъ поднятъ вопросъ о томъ, что вводное крещеніе есть не что иное, какъ обрядъ, и что поэтому оно совершенно излишне для вступающихъ въ штунду, для которыхъ оно собственно и было установлено. Всѣми штундистами отвергаются также иконы и крестъ. Самая молитва признается необходимою, но какихъ нибудь постоянныхъ, разъ навсегда установленныхъ молитвъ нѣтъ. Какъ совершается погребеніе,—неизвѣстно; но когда въ одно время штундистамъ не было позволено хоронить мертвеца на общемъ кладбищѣ, они замѣтили: „намъ все равно, лишь бы гдѣ нибудь похоронить“. Наконецъ, празднованіе воскресенья, несмотря на то, что соблюдается почти всѣми, многими отвер-

гается, и по этому поводу въ настоящее время у сектантовъ бываютъ самые оживленные толки и разсужденія. Что касается духовной іерархіи, то она положительно не признается штундистами. Прежде имѣлъ еще нѣкоторое значеніе такъ называемый старшій братъ. Въ настоящее время вмѣсто старшаго брата необходимыми признаются одни общія собранія. Общія собранія бываютъ каждое воскресенье. На нихъ участвуютъ оба пола, мужескій и женскій. Собранія начинаются обыкновенно общимъ пѣніемъ духовныхъ пѣсней и псалмовъ; затѣмъ читается по обыкновенію евангеліе, желающій или желающая разъясняетъ и толкуетъ прочитанное; говорятъ цѣлыя проповѣди, рѣчи и импровизаціи,—и все собраніе принимаетъ, такъ сказать, полемическій характеръ. По отношенію къ дѣйствительности штундисты остаются самымъ мирнымъ и самымъ безобиднымъ народомъ. Это—ея послушныя, покорныя дѣти. Сила и насиліе не въ ихъ характерѣ, ложь и подкопы—точно также. Но мы погрѣшили бы противъ истины,—говоритъ г. Щербина,—если бы сказали, что идея о братствѣ не имѣла положительно никакого вліянія на складъ жизни самихъ штундистовъ. Вліяніе ея въ этомъ отношеніи довольно замѣтно, хотя далеко еще не полное. Для штундистовъ дѣйствительныя братскія отношенія составляютъ вопросъ первѣйшей важности. Всякіе раздоры и ссоры между собою, въ семьѣ ли, на собраніяхъ, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, штундисты всячески стараются уладить и пресѣчь. Миръ и согласіе—отличительныя черты ихъ жизни. Всѣ вообще штундисты—братья и сестры; потому, какъ бы въ подтвержденіе этой мысли, штундисты зовутъ другъ друга братьями и цѣлуются при встрѣчѣ; тоже дѣлаютъ и женщины. Таковъ въ общихъ чертахъ идеалъ взаимныхъ отношеній, который штундисты всячески стараются примѣнить къ своей жизни.

Если вѣрить г. Щербинѣ, штундисты съ теченіемъ времени отступаютъ мало по малу отъ первоначальныхъ правилъ своей секты,—и очень возможно, что съ теченіемъ времени они примутъ форму какой либо другой новой секты. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что первоначальное штундистское ученіе сходно и почти тождественно съ ученіемъ нѣкоторыхъ молоканскихъ толковъ и, безъ сомнѣнія, изъ него выродилось. Въ такомъ случаѣ штундизмъ нужно изучать не въ однихъ только современныхъ его проявленіяхъ, но и въ его исторіи, когда онъ въ зачаточномъ своемъ состояніи скрывался еще въ другихъ формахъ бытія, заключался въ другихъ сектахъ съ иными названіями. Понятно послѣ этого, что труды, подобные изслѣдованію г. Новицкаго, должны имѣть важное значеніе, при изученіи современнаго состоянія сектанства и въ южной Россіи и особенно раціоналистическихъ, отрицательныхъ сектъ.

Н. П.

Jozef Dunin-Karwicki.—Szkice obyczajowe i historyczne. Warszawa. 1882.

(Іосифъ Дунинъ-Карвицкій.—Очерки нравовъ и исторіи).

Книга г. Карвицкаго посвящена исключительно Волыни. Она заключаетъ въ себѣ десять отдѣльныхъ очерковъ, изъ которыхъ четыре посвящены разнымъ историческимъ воспоминаніямъ края, не представляющимъ впрочемъ особенно важнаго научнаго интереса. Въ статьѣ „Воспоминанія о Луцкѣ, Острогѣ и Олыкѣ" авторъ представилъ въ краткомъ очеркѣ сводъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ о названныхъ городахъ; три другія статьи представляютъ извлеченія изъ современныхъ записокъ начала XVIII столѣтія о событіяхъ слишкомъ частнаго и мѣстнаго характера; это—описаніе торжества вѣнчанія короною чудотворной иконы Богоматери въ костелѣ мѣстечка Подкаменя (1727 г.), описаніе похоронъ гетмана Адама Сѣнявскаго (1726 г.) и девникъ праздненствъ, отправленныхъ при бракосочетаніи гетмана Денгофа (1724 г.)

Гораздо интереснѣе остальныя шесть статей, посвященныя быту Волыни въ началѣ текущаго столѣтія, составленныя по воспоминаніямъ самаго автора и поколѣнія непосредственно ему предшествовавшаго.—Весьма живо написаны очерки, посвященные біографіи Ѳаддея Чацкаго и исторіи возникновенія основаннаго имъ волынскаго лицея въ Кременцѣ. Авторъ придаетъ, нѣсколько увлекаясь воспоминаніями прошедшаго, гораздо болѣе серьезное значеніе научной дѣятельности этого лицея, чѣмъ она была въ дѣйствительности и считаетъ особенно цѣлесообразнымъ то направленіе „гуманитарно-энциклопедическое", [1]) которымъ отличалось это учебное заведеніе. Описывая подробно бытъ учившейся молодежи, онъ совершенно вѣрно изображаетъ, какъ они, подъ вліяніемъ окружавшаго общества, предавались гораздо болѣе салоннымъ увеселеніямъ и свѣтской жизни, чѣмъ научнымъ работамъ, и видитъ въ этомъ направленіи въ высокой степени похвальное и отрадное, съ своей точки зрѣнія, явленіе. Затѣмъ двѣ статьи посвящены воспоминаніямъ о пребываніи на Волыни вел. кн. Константина Павловича и императора Александра I. Съ особеннымъ сочувствіемъ г. Карвицкій собралъ преданія о вел. кн. Константинѣ Павловичѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно посѣщавшемъ Волынь въ качествѣ генералъ-инспектора кавалерійскаго корпуса,

[1]) Статья Е. М. Крыжановскаго: „Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ", помѣщенная въ февральской и мартовской книжкахъ „Кіевской Старины", даетъ вѣрное и полное понятіе объ этомъ направленіи.

расположеннаго въ то время въ волынской губерніи. Характеристика личности великаго князя самая симпатическая. Авторъ описываетъ неутомимую дѣятельность Константина Павловича, его исполненныя благоволенія и дружелюбія отношенія къ волынскому аристократическому обществу и высокое его образованіе; съ большою любовью передаетъ много анекдотовъ, относящихся къ его жизни на Волыни, и характеристику болѣе выдававшихся лицъ окружавшей его свиты.

Двѣ остальныя главы посвящены біографически-бытовымъ очеркамъ двухъ крупныхъ землевладѣльцевъ Волыни: генерала Михаила Бржостовскаго и князя Романа Сангушка;—характеристика и лицъ и еще болѣе окружавшей ихъ обстановки представляетъ много интересныхъ чертъ для бытовой исторіи данной мѣстности и общественной среды.

Личная точка зрѣнія автора на событія и общественныя отношенія нѣсколько субъективна. Онъ интересуется исключительно бытомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и признаетъ ихъ дѣятельность почти исключительно полезною для края; по временамъ, съ сдержаннымъ чувствомъ грусти, онъ относится къ нововведеніямъ, сожалѣетъ объ экономическомъ и юридическомъ ограниченіи вліянія магнатовъ и, повидимому, съ трудомъ мирится съ фактомъ освобожденія крестьянъ. Отстранивъ впрочемъ субъективныя ощущенія автора, вѣроятно принадлежащаго къ поколѣнію болѣе связанному съ прошедшимъ, чѣмъ съ настоящимъ, мы не можемъ не указать на его книгу, какъ на сборникъ весьма интересныхъ фактическихъ и бытовыхъ данныхъ объ одной изъ областей юго-западнаго края.

Исторія Русской Церкви, Макарія, митрополита московскаго.

Т. XI. Спб. 1882 г. Патріаршество въ Россіи. Книга II.

Первая изъ двухъ частей этой книги озаглавлена: *Патріархъ Филаретъ и два его преемника.* Здѣсь представлена исторія сѣверо-русской церкви или московскаго патріаршества при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, Іоасафѣ I и Іосифѣ, съ общимъ заключительнымъ взглядомъ на тогдашнее состояніе церкви въ сѣверовосточной Россіи. Вторая, подъ общимъ заглавіемъ: *Западно-русская митрополія въ борьбѣ съ уніею, подъ управленіемъ православныхъ митрополитовъ*, содержитъ слѣд. частнѣйшіе отдѣлы: Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и возобновленіе имъ западно-русской іерархіи; митрополитъ Іовъ Борецкій, м. Исаія Копинскій, м. Петръ Могила; общій взглядъ на состояніе западно-русской митрополіи. Эта вторая часть значительно обширнѣе первой, составляя почти двѣ трети книги. Обстоятельство—не случайное, указывающее именно

на то, что церковная жизнь въ московскомъ патріаршествѣ въ данное время оказывалась менѣе содержательною, въ сравненіи съ церковною жизнію въ западно-русской митрополіи. Тамъ вниманіе историка привязывается, за рѣдкими исключеніями, къ одному центру, къ столицѣ, гдѣ, въ дѣятельности высшей церковной власти и также дѣятельности государственной власти по отношенію къ церкви, сосредоточиваются преобладающіе интересы церковной жизни, ограниченные болѣе или менѣе однообразными мѣропріятіями къ возстановленію внѣшняго церковнаго порядка, съ слабыми попытками „церковныхъ исправленій“ обрядоваго характера и съ еще болѣе слабыми, едва замѣтными, стремленіями къ улучшеніямъ болѣе широкимъ и существеннымъ, напр. въ области нравственнаго развитія церкви или въ области духовнаго просвѣщенія, которое, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ, ни на шагъ не подвинулось въ сѣверо-восточной Руси за данное время. То, что изрѣдка начиналось или предпринималось здѣсь въ этомъ направленіи, возникло только подъ сторонним вліяніемъ,—вліяніемъ захожихъ грековъ и пришлыхъ ученыхъ южно и западно-руссовъ, но не прививалось къ мѣстной средѣ, въ слѣдствіе продолжавшейся въ ней наклонности къ національной замкнутости и закоснѣлости и отсюда—подозрительности, даже антипатіи къ пришлымъ ученымъ и учителямъ. Въ этомъ то недостаткѣ мѣстныхъ возбужденій и силъ для просвѣтительнаго движенія, съ которымъ неразлучно и нравственное развитіе, заключалась причина малосодержательности церковной жизни въ сѣверо-восточной Россіи даннаго времени,—не смотря на тѣ надежды, какія могло внушать недавнее время величественнаго подъема въ ней народно-религіознаго духа въ борьбѣ съ бѣдствіями и смутами безъ государя. Но время ея было еще впереди. Для западной Руси и ея церкви именно данное время было временемъ новаго, усиленнаго напряженія духовныхъ и общественныхъ силъ. Потому и ея исторія за это время является обильнѣе и разнообразнѣе содержаніемъ. Здѣсь, начиная съ Кіева, гдѣ послѣдовало въ 1620 г. возстановленіе западно-русской іерархіи и кіевской митрополіи, въ лицѣ Іова Борецкаго, и гдѣ окончательно возстановлена начальная Кіево-Софійская каѳедра ея, при м. Петрѣ Могилѣ, взоръ историка проходитъ по всему пространству юго-западной и западной Руси, повсюду встрѣчаясь съ разнообразными проявленіями мѣстныхъ, личныхъ и коллективныхъ силъ и усилій, направленныхъ въ общемъ для всѣхъ интересѣ, интересѣ защиты родной вѣры и церкви, и, въ связи съ тѣмъ,—въ интересѣ лучшаго благоустройства церкви во всѣхъ сферахъ ея жизни, съ особенными при этомъ заботами о развитіи образовательныхъ учрежденій для церкви и цѣлой страны, съ заботами о просвѣщеніи. Самый сжатый очеркъ всего, столько обильнаго и разнообраз-

наго содержанія исторіи западно-русской церкви за обнимаемый настоящимъ томомъ 26 лѣтній періодъ ея, съ 1620 г. до конца 1646 г., или до кончины м. Петра Могилы, не вмѣстился бы въ немногихъ строкахъ библіографической замѣтки. Заключимъ ее двумя—тремя замѣчаніями объ этомъ великомъ іерархѣ, начиная съ заключительнаго отзыва о немъ историка, съ свойственною ему ученостію, критическимъ талантомъ и добросовѣстностію обработавшаго въ настоящемъ томѣ біографію и характеристику Могилы. „Имя Петра Могилы, говоритъ онъ, одно изъ лучшихъ украшеній нашей церковной исторіи. Онъ, несомнѣнно, превосходилъ всѣхъ современныхъ ему іерарховъ не только мало-русской, но и велико-русской церкви и даже всей церкви восточной: превосходилъ своимъ просвѣщеніемъ, еще болѣе любовію къ просвѣщенію и своими подвигами на пользу просвѣщенія и церкви". Частнѣе обозначивъ великія услуги, оказанныя Петромъ Могилою мало-русской церкви, историкъ отмѣчаетъ въ особенности ту великую услугу, какую оказалъ онъ всей русской церкви основаніемъ и обезпеченіемъ своей коллегіи, послужившей разсадникомъ и образцомъ для духовно-учебныхъ заведеній. Припомнимъ съ своей стороны, что эту коллегію знаменитый іерархъ въ своемъ завѣщаніи называлъ *„единственнымъ залогомъ своимъ"*, давая понять, что именно въ силѣ просвѣщенія, имѣвшаго вырабатываться изъ среды коллегіи, видитъ онъ главную силу, могущую направить церковь и страну къ лучшей будущности. Великіе умы обнимаютъ предметы шире, чѣмъ умы обыкновенные. Если и Петръ Могила, подобно своимъ предмѣстникамъ и другимъ тогдашнимъ представителямъ южно-русской церкви, обращался къ сѣверной Россіи съ просьбами о вещественныхъ пособіяхъ и съ надеждами на болѣе сильную помощь въ будущемъ, то онъ одинъ съ замѣчательною опредѣлительностію и, какъ онъ выражается, *паче всѣхъ прошеній своихъ"*, предъявлялъ въ грамотѣ отъ 1640 г. 7 апр. къ царю Михаилу Ѳеодоровичу прошеніе о томъ, чтобы приказалъ соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ могли бы жить старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря и обучать *дѣтей боярскихъ и простаго чину людей* грамотѣ греческой и славянской и пр. Такъ въ своихъ помыслахъ о просвѣщеніи онъ обнималъ всю русскую церковь, всю Россію и въ этомъ смыслѣ былъ истиннымъ предтечей Петра В., былъ предтечей и нашего времени, ибо помышлялъ объ образованіи не высшихъ только классовъ, но и простаго чину людей. Съ мыслію объ училищахъ, въ найболѣе удобномъ тогда видѣ училищныхъ монастырей, Петръ Могила питалъ и старался осуществить мысль объ иноческихъ ученыхъ братствахъ, призванныхъ къ книжнымъ, ученымъ трудамъ. Эта мысль, занимавшая и Петра В., поднимавшаяся иногда и послѣ него, осталась, къ великому сожалѣ-

нію, заброшенною, и наше пореформенное монашество, за исключеніемъ учебно-служебнаго и выходящаго изъ среды его іерархическаго, спускалось все ниже и ниже въ просвѣщеніи, до нашихъ дней комплектируясь, за весьма и весьма рѣдкими исключеніями, изъ недоучекъ, изъ людей малограмотныхъ и даже просто безграмотныхъ. Наша привычка къ такому до крайности странному явленію заставляетъ предполагать, будто наше пониманіе вещей стало далеко ниже возвышенныхъ и свѣтлыхъ идей двухъ Петровъ—Петра Могилы и Петра Великаго. Не говоря о другихъ дѣйствіяхъ Петра Могилы на пользу церкви, какъ напр. составленіе имъ первой въ нашей церкви символической книги, извѣстной подъ названіемъ *„Православнаго Исповѣданія“* его имени, не можемъ не вспомнить, какъ назидательно было бы вдуматься и сопоставить съ нашимъ временемъ такіе, въ частности, учрежденія и обычаи, мѣропріятія и начинанія Могилинскаго и ближайшаго къ нему времени, какъ поддержка церковной проповѣди съ помощію постоянной должности проповѣдниковъ, обычные, каждый годъ или рѣже, епархіальные соборы, фактъ существованія которыхъ подкрѣпленъ новыми указаніями въ настоящемъ томѣ „Исторіи“ преосв. Макарія, далѣе—участіе общественныхъ, личныхъ и коллективныхъ представителей въ завѣдываніи церковными учрежденіями, даже попытка образовать, особо отъ епархіальной администраціи или каѳедральной капитулы, судебную коллегію изъ 24 пресвитеровъ—„въ священническій судъ, чтобы они судили, какъ капитула“, каковая попытка заявлена была именно на кіевскомъ соборѣ 1640 г., созванномъ Петромъ Могилою. Въ ряду многихъ, весьма интересныхъ совѣщаній и разсужденій, бывшихъ на соборѣ, равно предложеній внесенныхъ на соборъ, заслуживаетъ вниманія предложеніе признать *докторомъ богословія* игумена Исаію Трофимовича Козловскаго, который былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Петра Могилы по устройству коллегіи, по многимъ другимъ дѣламъ, болѣе всѣхъ потрудился въ составленіи „Православнаго Исповѣданія“ и вполнѣ достоинъ былъ докторской степени. Вообще сопоставляя Могилянское время съ нашимъ, придемъ къ сознанію, что многое, что есть хорошаго, даже лучшаго теперь, коренится своими начатками въ томъ далекомъ прошломъ, но что эта отдаленная эпоха вырабатывала еще и такія идеи и стремленія, которыя оказываются какъ бы не подъ силу нашему времени, хотя были бы безспорно полезными и для нашего и для будущаго времени, бывъ согласованы съ новыми условіями нашей церковной и общественной жизни.

М.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

Церковно-археологическое Общество при к. д. академіи въ 1881 г.

Церковно-археологическое Общество, существующее при кіевской духовной академіи съ конца 1872 года, въ 1880 г. принято подъ покровительство Е. И. В. вел. кн. Владиміра Александровича. Къ концу 1881 года въ составъ Общества входили: предсѣдатель, 31 почетный членъ, 83 дѣйствительныхъ члена и 43 члена-корреспондента, всего съ предсѣдателемъ 158 человѣкъ. Въ прошломъ году Общество проектировало дополненія и измѣненія въ своемъ уставѣ, касавшіяся главнымъ образомъ усиленія дѣятельности Общества чтеніемъ въ немъ рефератовъ и печатаніемъ ихъ, равно какъ отчетовъ и сообщеній членовъ онаго, въ академическомъ или одномъ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, отдѣленія музея отъ академической библіотеки и избранія особаго завѣдывающаго музеемъ и помощника секретаря. По утвержденіи этихъ дополненій и измѣненій св. синодомъ, нѣкоторыя изъ нихъ стали практиковаться уже въ прошломъ году. Собранія общества сдѣлались очередными мѣсячными. На нихъ пересматривался уставъ Общества и музея, назначались коммиссіи и отдѣльные члены для исполненія разныхъ археологическихъ порученій, обсуждались мнѣнія и доклады этихъ коммиссій и членовъ, сообщались рефераты и проч. Такъ членъ Общества, проф. Н. И. Петровъ принималъ участіе въ занятіяхъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ; товарищъ предсѣдателя, протоіерей П. Г. Лебединцевъ и члены П. А. Лашкаревъ и Н. И. Петровъ приглашены Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ, первый—въ качествѣ предсѣдателя, въ составъ особой коммиссіи, для возобновленія фресковъ XII в. въ кіево-кириловской церкви членомъ названнаго и вмѣстѣ кіевскаго церковно-археоло-

гическаго Общества, проф. А. В. Праховымъ; тотъ же протоіерей П. Г. Лебединцевъ и тѣже члены Лашкаревъ и Петровъ, въ составѣ особой коммиссіи, со включеніемъ въ нее и членовъ Прахова и Сычугова, по предварительномъ освидѣтельствованіи, составили особыя указанія, направленныя къ сохраненію остатковъ древности, при производствѣ работъ, по обновленію свято-троицкой, XII вѣка, церкви, надъ святыми вратами кіево-печерской лавры онъ же П. Г. Лебединцевъ и члены Малышевскій, Лашкаревъ, Праховъ, Сычуговъ и свящ. Кл. Ѳоменко, въ составѣ нарочитой коммиссіи и въ тѣхъ же видахъ, обсуждали планъ и способъ производства нѣкоторыхъ перестроекъ въ кіево-софійскомъ соборѣ, съ цѣлію обращенія онаго въ теплый; наконецъ членъ Общества П. А. Лашкаревъ, по порученію Общества, вслѣдствіе отношенія кіевской консисторіи, осматривалъ трещину, образовавшуюся на сѣверо-западномъ углу лѣваго придѣла кіево-печерской, спасской на Берестовѣ, церкви и представилъ особыя соображенія объ исправленіи означеннаго угла, безъ нарушенія въ чемъ либо памятниковъ древности.

Изъ рефератовъ, предложенныхъ на засѣданіяхъ церковно-археологическаго Общества въ 1881 году, отмѣтимъ слѣдующіе: Объ Острожской печатной библіи, по поводу ея трехсолѣтія, два реферата С. М. Сольскаго и С. Т. Голубева; о рукописномъ разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей второй половины прошлаго вѣка, спискѣ предметовъ церковно-археологическаго музея, имѣющихъ какое либо отношеніе къ занятіямъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, о ходѣ работъ по открытію фресковыхъ изображеній въ кіево-кирилловской церкви XII вѣка и о графитахъ въ этой церкви, равно о поѣздкѣ на V археологическій съѣздъ въ Тифлисъ,—Н. И. Петрова; о первоначальныхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, С. Т. Голубева; когда, гдѣ и кѣмъ учреждено празднованіе св. Владиміру 15 іюля, И. И. Малышевскаго. Кромѣ того, членъ профессоръ Ѳ. А. Смирновъ продолжалъ описаніе филаретовской коллекціи иконъ церковно-археологическаго музея.

Независимо отъ внутренней дѣятельности своей, церковно-археологическое Общество имѣло сношенія со всѣми русскими подобными учрежденіями, съ хорватскимъ археологическимъ Обществомъ въ Загребѣ и др.

Денежныя средства Общества въ 1881 году были слѣдующія:

Оставалось отъ 1880 года 954 р. 89 к.; вновь поступило 323 р. 57 к. Пріобрѣтено облигацій перваго восточнаго займа номинальной стоимостью въ 1100 р. Израсходовано на нужды Общества и музея 56 р. 40 к.; на покупку облигаціи 1025 р. 20 коп. Оставалось къ 1882 году облигаціями 1100 руб. и наличными деньгами 196 р. 86 к. сер., всего 1296 р. 86 к. серебр.

При Обществѣ существуетъ церковно-археологическій музей, главнымъ образомъ обогащающійся приношеніями членовъ Общества, а также посѣтителей музея и другихъ лицъ. Въ 1881 году всѣхъ жертвователей было свыше 90 человѣкъ. Пожертвовано и пріобрѣтено слѣдующее количество предметовъ:

а) въ музей:

Памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и т. п.	69
Медалей, жетоновъ, монетъ и ассигнацій	391
Религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта	847
Актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.	14
Рукописей	66
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ	48
Гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. п.	263

б) въ библіотеку музея:

Книгъ и брошюръ	64
Всего	1762

Болѣе важныя изъ этихъ поступленій были слѣдующія: чеканное современное изображеніе Петра В. на большой мѣдной круглой бляхѣ, со зданія кіевской городской думы, сгорѣвшаго въ 1811 году, отъ М. Д. Свиридова; восемь томовъ профессорскихъ лекцій иннокентіевскаго періода кіевской дух. академіи, отъ священника Л. П. Демяновскаго; коллекція индѣйскихъ и японскихъ (синтоитскихъ и буддійскихъ) предметовъ древности и религіознаго культа и быта, числомъ 52, отъ члена православной японской миссіи ар-

химандрита Анатолія; глиняные и металлическіе предметы изъ кургана близь деревни Корытищъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, отъ помѣщика Н. Я. Тарнавскаго; снимокъ съ ольвійской греческой надписи I вѣка по Р. Христовѣ, двѣ ольвійскія тессеры, два бронзовые наконечника стрѣлъ и 10 монетъ, найденныхъ на мѣстѣ древней Ольвіи, девять пантикапейскихъ сосудцевъ и серебряная римская монета Секта Помпея изъ Аккермана (древняго Тираса)— отъ И. К. Суручана; золотой кабинетный крестъ отъ наслѣдниковъ покойнаго протоіерея І. Игнатовича, кіевскаго старожила; коллекція рисунковъ и акварелей отъ Т. В. Кибальчича; каменный образокъ св. Николая, изъ костромской губ., отъ протоіерея А. М. Воскресенскаго; старообрядческій деревянный иконостасикъ о 15-ти створкахъ, изъ харьковской губерніи, отъ преосвященнаго харьковскаго Іустина; 20 черногорскихъ и герцеговинскихъ рукописей съ XIV по XVIII вѣкъ, и 32 церковно-славянскія книги XVI—XVIII в., изъ коихъ нѣкоторыя доселѣ неизвѣстны были нашимъ библіографамъ, отъ настоятеля русской посольской церкви въ Вѣнѣ, протоіерея Раевскаго; связка документовъ относительно имѣній луцкой и острожской епископіи и жидичинскаго монастыря, XVI—XVIII в., отъ настоятеля тригурскаго монастыря, волынской епархіи, архимандрита Модеста; 658 кремневыхъ орудій, 20 бронзовыхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 8 глиняныхъ пряслицъ и 25 фрагментовъ бусинъ и стеклянныхъ браслетовъ изъ окрестностей села Вишеновъ, остерскаго уѣзда, черниговской губерніи, отъ мѣстнаго священника Ѳ. Яновскаго; клыкъ мамонта и большая картина страшнаго суда, на холстѣ, отъ священника села Конончи, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, А. Славинскаго; 145 древне-греческихъ, римскихъ, византійскихъ и другихъ монетъ отъ преосвященнаго астраханскаго Евгенія; 17 татарскихъ, куфическихъ и другихъ восточныхъ монетъ изъ клада, найденнаго въ белебеевскомъ уѣздѣ, уфимской губерніи, отъ учителя уфимской дух. семинаріи И. Троицкаго; 20 кипрскихъ и палестинскихъ древностей отъ настоятеля русской миссіи въ Іерусалимѣ архимандрита Антонина; 52 таблицы фотографическихъ снимковъ съ предметовъ первобытной культуры, полученныхъ путемъ раскопокъ или пріобрѣтенныхъ предварительнымъ комитетомъ V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, а также съ древнихъ грузинскихъ иконъ, отъ начальника кавказ-

скаго военно-народнаго управленія, генералъ-лейтенанта А. В. Комарова.

Въ совокупности съ поступленіями предыдущихъ годовъ, коллекціи Общества къ 1 января 1882 года представляли слѣдующую численность:

а) по музею.

Церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п.	1494
Памятниковъ церковныхъ	5968
Фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ досокъ, гравюръ чертежей и т. п.	2392
Актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.	1286
Рукописей	733
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ	505

б) По библіотекѣ музея:

Книгъ и брошюръ	468
Всего.	12846

Предметы музея распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) первобытныя историческія древности, преимущественно языческія; 2) акварели, гравюры и снимки; 3) муравьевская коллекція древностей и святынь; 4) принадлежности церковнаго богослуженія; 5) и 6) иконы; 7) картины и портреты; 8) статуи; 9) памятники медальернаго искусства—монеты, медали и проч.; 10) образцы письма и печати; 11) старопечатныя книги и рукописи. Первые шесть отдѣловъ размѣщены въ особенныхъ залахъ или комнатахъ, послѣдующіе четыре—въ галлереѣ музея и одинадцатый въ библіотекѣ кіевской академіи. Преметамъ, находящимся въ музеѣ, составленъ и изданъ указатель, равно какъ составлено и издано описаніе рукописей церковно-археологическаго музея.

Въ теченіи 1881 года, за исключеніемъ вакаціальнаго времени, музей открытъ былъ по воскресеньямъ для членовъ Общества, студентовъ академіи и сторонней публики. Стороннихъ посѣтителей, платившихъ за входъ въ музей, было до 250 человѣкъ.

Н. П.

Рукописи Румянцевскаго Музея по исторіи Кіева.

Въ монументальномъ трудѣ Востокова: «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума» (Спб. 1842) нерѣдко встрѣчаются указанія на сочиненія и акты, касающіеся кіевской земли, упоминаются историческія лица края, описываются предметы и совершившіяся здѣсь событія; все это невольно возбуждаетъ желаніе—познакомиться ближе съ самими рукописями Музеума, извлечь изъ нихъ все относящееся къ исторіи Кіева, или по крайней мѣрѣ сдѣлать имъ болѣе подробную опись, болѣе опредѣленную оцѣнку, чѣмъ это сдѣлано Востоковымъ. Ему, составившему книгу въ 900 стр., трудно было сдѣлать больше для мѣстной исторіи; великое спасибо ему и за то, что онъ приложилъ къ своей книгѣ указатель, облегчающій возможность пользоваться ею. Изъ этого указателя я привожу все, что упоминается въ немъ по отношенію къ Кіеву и располагаю эти указанія въ хронологическомъ порядкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по ихъ содержанію. По этимъ указаніямъ, лицу, стоящему близко къ Музеуму, легче будетъ сдѣлать нужныя справки и, можетъ быть, составить рядъ статей, весьма полезныхъ для исторіи края вообще и для «Кіевской Старины» въ частности.

А. Историческія сочиненія вообще.

1., Лѣтописцы, говорящіе между прочимъ о кіевскихъ событіяхъ, №№ CCLII, CCXLVII.

2., Переводъ съ польскаго о княженіи русскомъ кіевскомъ, 1600 г., стр. 145.

3., Синопсисъ кіевскій, № CCCLXXXIX, стр. 766.

Б. По исторіи церкви.

4., Патерикъ печерскій, писанный въ 1462 г., № CCCV, с. 427—434.

5., Тоже, списокъ для гр. Румянцова, № CCCVI, стр. 434.

6., Похвала препод. Ѳеодосію Печерскому (изъ Патерика Печерскаго), стр. 679.

7., Ѳеодосія Печерскаго поученія въ дни великаго поста, стр. 615 и дал.

Его же поученія о казняхъ Божіихъ, стр. 686.

Не ему-ли принадлежитъ и житіе князя Владиміра? стр. 434.

8., Вопрошеніе кн. Изяслава къ игумену печерскому Ѳеодосію о латинѣхъ, стр. 308.
9., Кириллъ III, митр. кіевскій, его поученіе къ попомъ, стр. 280.
10., Исторія, сирѣчь повѣстникъ о епископіяхъ, елико подлежатъ и послушны суть митрополиту кіевскому и всея Руси, стр. 643.
11., Форма грамоты митрополичьей на намѣстничество въ Кіевѣ, стр. 38.
12., Герасимъ, келарь печерской лавры; Іона, философъ, уставникъ; Давидъ, ключникъ,—всѣ 1446 года, стр. 111.
13., Іосифъ Солтанъ, нареченный митрополитъ кіевскій, 1499 и 1514 г., стр. 138 и 277.
14., Игнатій, игуменъ пустынскій въ Кіевѣ, 1514 г., стр. 277.
15., Кончина митр. Петра Могилы показана 1647 г., декабря 31, въ четвергъ; стоялъ въ св. Софіи до 9 марта, стр. 709. Родъ ею въ Синодикѣ, стр. 575.
16., Іоанникій Голятовскій, его «Бесѣда Бѣлоцерковская», с. 555.
17., Жалованная грамота митрополиту Гедеону Святополку кн. Четвертинскому, 1686 г., стр. 144.
18., Соизволительная грамота констант. патріарха Діонисія на посвященіе Гедеона, стр. 145.
19., Переписка моск. патріарха Іоакима съ кіев. митрополитомъ Гедеономъ, № CCCCLXXI, стр. 797.
20., Надпись на антиминсѣ кіево-соф. собора, стр. 150.
21., Выписки изъ синодиковъ выдубицкаго монастыря, михайловскаго, межигорскаго, николаевскаго, печерской Лавры, софійскаго собора, стр. 574—581.
22., Митрополитовъ кіевскихъ роспись (въ синодикѣ софійскаго собора), стр. 581—582.
23., Краткое извѣстіе о кіево-братской иконѣ Божіей Матери, стр. 524.
24., Монастырь выдубицкій, стр. 219, 574.
25., Вежгалъ, кн. Миколай, бискупъ кіевскій 1529 г., стр. 118. (Онъ же) Вѣжкгайлъ, бискупъ жомонтскій, 1531 г., стр. 119.

В. Историчвскіе акты.

26., Грамота царя Алексѣя Михайловича 1654 г., с. 139.
27., Челобитье кіевскихъ мѣщанъ, 1669 г., стр. 146.

Г. Кіевляне, событія и мѣстности кіевскія.

28., Олельковичей князей родъ, стр. 576.
29., Путятича, воеводы кіевскаго, родъ (въ синодикѣ), с. 581.
30., Юрьша, панъ воевода кіевскій, 1438 г., стр. 110.
31., Ходкевичъ, панъ Иванъ, намѣстникъ кіевскій въ XV в., стр. 127, 128.
32., Селивестръ Поповичъ, мѣщанинъ кіевскій, 1514 г., стр. 276.
33., Андрей Немировичъ Якубовичъ, панъ воевода кіевскій, 1514—1522—1526 г., стр. 112, 124, 277.
34., Ходкевичъ, панъ Григорій Александр., воевода кіев., 1555 г., стр. 122.
35., Балица, панъ Яковъ, войтъ кіевскій, 1608 г., стр. 709.
36., Усовичъ Василій, синдикъ кіевскій, № CCCCXII, 1566, стр. 633.
37., Хмельницкій, гетманъ, стр. 141, 576.
38., Моровое повѣтріе въ Кіевѣ, 1710 г. (?), стр. 576.
39., Голицынъ Алексѣй, кіевскій губернаторъ, 1717—1719 г., стр. 139.
40., Збруевъ, плацъ маіоръ въ Кіевѣ, 1722 г., стр. 141.
41., Воейковъ Θед. Матв., генералъ аншефъ, кіевскій губернскій главный командиръ, 1768 г., стр. 115.
42., Кіевскія окрестности, историческія выписки Берлинскаго, с. 220.

Д. Поэзія.

43., Слово (легендарное) о Димитріѣ, купцѣ кіевлянинѣ, стр. 565, 569; сказаніе о немъ же, с. 546.
44., Въ сборникѣ стихотвореній, воспѣваемыхъ слѣпцами на торжищахъ (стр. 623) есть стихъ «на прибытіе имп. Екатерины II», но куда—неизвѣстно, стр. 625. Нужна справка въ самомъ Музеѣ.

Изъ всего этого иное давно уже напечатано, но, можетъ быть, нелишнимъ будетъ сличеніе съ рукописью; иное, конечно, мелочно, но въ своемъ мѣстѣ и оно пригодится; наконецъ иное можетъ быть уяснено простою справкою съ книгою Востокова, въ которой часто приведены существенныя выписки. Поэтому надѣемся, что настоящій указатель будетъ не безполезенъ для всѣхъ тѣхъ, кому близки судьбы Кіева.

С. П.

ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛІОТЕКА КІЕВСК. ДУХ. АКАДЕМІИ

КОДЕНСКАЯ КНИГА
И
Три бандуриста.

Предъ нами столѣтніе листы, писанные не перомъ и чернилами, но топоромъ и кровью. Это такъ называемая «Коденская Книга», сборникъ допросовъ, справокъ, протоколовъ и рѣшеній суда надъ гайдамаками съ 1769 по 1772 годъ. Книга эта спасена отъ утраты М. А. Максимовичемъ и отъ него перешла къ достойному участнику и продолжателю его изысканій въ области южно-русской исторіи, В. Б. Антоновичу. Пользуясь благосклонностію послѣдняго мы будемъ отъ времени до времени сообщать отдѣльные выдающіеся случаи изъ этой записной книги ужаса и смерти.

Широкимъ пламенемъ кроваваго пожарища освѣтила Украину Коліивщина; но оно вспыхнуло на мгновенье и такъ же быстро потухло, точнѣе потушено было. Черными тучами звѣрства, ужасовъ и смерти покрывали ее и сосѣднюю Волынь въ теченіи 4-хъ лѣтъ расправа и судъ надъ участниками народнаго возстанія 1768 года. Съ лишнимъ четыре года ихъ предавали самымъ невѣроятнымъ мучительнымъ казнямъ,—четвертовали, на колъ сажали, сдирали полосами и всю въразъ кожу, солью посыпали и вновь ее надѣвали, отрѣзали на перекрестъ руку и ногу, или только уши, и такъ въ свѣтъ пускали, жгли желѣзомъ и смолою, словомъ: *катовали* Украину, по выраженію народнаго пѣвца. Вытерпѣла многострадальная!

Первоначальнымъ мѣстомъ этого страшнаго судилища было мѣстечко Кодня на Волыни, въ 30 верстахъ отъ Житомира; отсюда и названіе: коденскій судъ, коденскія казни, коденскія книги. Сюда стянули главныя силы украинскаго и подольскаго отрядовъ войскъ, какъ три года предъ тѣмъ стянулъ Вороничъ въ центръ Украины подъ Ольшану для предупрежденія народнаго волненія и всенароднаго въ средѣ обоза сожженія мліевскаго ктитора Даніила Кушнира. Тутъ была главная квартира, *команда* главнаго начальника коронаго войска, тутъ творился судъ, совершались казни; но картины ежедневныхъ по нѣскольку десятковъ смертей съ оглашающими всю окрестность криками и стонами были до того ужасны, что ихъ не вынесли нервы владѣльца Кодни, Глембоцкаго, и онъ

отказалъ судилищу въ гостепріимствѣ. Тогда регименгарь Стемпковскій, стяжавшій себѣ въ короткое время безсмертное имя въ потомствѣ, перенесъ резиденцію судилища въ м. Трояновъ, на Волыни-жъ, а оттуда на Украину въ м. Тетіевъ и др. пункты,—по тойже ли причинѣ, или для вылавливанія гайдамакъ, либо совершенія казни по мѣсту жительства преступниковъ, не знаемъ. Такъ называемая нами *коденская книга* (въ одномъ переплетѣ) состоитъ изъ 608 страницъ въ форматѣ большаго листа толстой писчей бумаги. Листы писаны различными почерками, испещрены всевозможными отмѣтками и крестами на маринесахъ и переплетены безъ всякой системы: ни номераціи актовъ, ни хронологической послѣдовательности. Такъ напр.: предварительныя показанія, собранныя въ 1769 году на мѣстѣ поимки гайдамакъ, находятся и въ началѣ книги, и въ серединѣ, списокъ-же казненныхъ въ томъ-же году по этимъ уликамъ помѣщенъ въ самомъ концѣ; различные акты, относящіеся къ одному и тому-же дѣлу, разбросаны по всей книгѣ; сначала вклеены протоколы 1772 года, а за ними слѣдуютъ 1771-го или еще болѣе давніе, при чемъ коденскіе акты перемѣшаны съ трояновскими, тетіевскими и др. Количество дѣлъ, занесенныхъ въ протоколы суда въ Трояновѣ, преобладаетъ надъ другими; это обстоятельство даетъ нѣкоторое право полагать, что книга, о которой идетъ рѣчь, есть только часть всего сборника актовъ вышеупомянутой главной квартиры Стемпковскаго, а именно—четвертая и послѣдняя его часть (на что есть указаніе въ самомъ текстѣ),—послѣдняя потому, что обнимаетъ то время, когда этотъ судъ смерти засѣдалъ уже не въ самой Кодни, но въ Трояновѣ. Въ такомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ: гдѣ-же три первыя части сборника, если только онѣ уцѣлѣли? Но, съ другой стороны, здѣсь-же имѣются акты, помѣченные и въ Кодни, и въ Тетіевѣ 1772-мъ годомъ и показывающіе, такимъ образомъ, что это судилище не имѣло въ послѣдніе годы своего существованія постояннаго мѣста засѣданія, названіе-же «коденскаго» удержалось за нимъ по мѣсту открытія первыхъ его дѣйствій. Если-же къ разбросанности актовъ въ самой книгѣ прибавимъ то обстоятельство, что, не смотря на многословіе протоколовъ суда въ послѣдніе годы его существованія въ Трояновѣ, коденскій судъ въ началѣ своихъ операцій проявилъ больше энергіи по количеству казненныхъ чрезъ повѣшеньс и от-

сѣченье головъ, руководствуясь, должно быть правиломъ, «больше дѣла, меньше словъ», то съ одинаковымъ правомъ можемъ полагать, что имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи книга есть именно сборникъ протоколовъ коденскаго суда за *весь* періодъ 1769—1772 года, засѣдалъ-ли онъ въ Кодни, Трояновѣ или въ другомъ какомъ-нибудь пунктѣ. По крайней мѣрѣ, пока не отыщутся тѣ три части, о которыхъ упоминается въ самомъ текстѣ нашей книги, и пока, слѣдовательно, не будетъ доказано, что эти три части не вошли въ одинъ переплетъ имѣющагося сборника, до тѣхъ поръ вопросъ этотъ можемъ считать открытымъ.

Перечитывая коденскую книгу, мы остановили прежде всего наше вниманіе на казни трехъ лицъ, по видимому, всего менѣе причастныхъ къ дѣлу возстанія. Это три пѣвца народныхъ думъ, три бандуриста.

Почти всѣ народы, переживая героическій періодъ, имѣли своихъ рапсодовъ, бардовъ, баяновъ, въ душѣ которыхъ были, такъ сказать, конденсированы всѣ помыслы и желанія народа. Такими пѣвцами являются по большей части слѣпые старики, въ силу уже этой особенности способные къ большей сосредоточенности, къ болѣе глубокому мышленію, воспріятію и прочувствованію совершающагося на бѣломъ свѣтѣ, увидѣть котораго имъ не суждено. Выбирая изъ жизни нѣсколькихъ современныхъ имъ поколѣній болѣе выдающіеся факты, эти сѣдовласые пѣвцы складываютъ подъ звуки какого-нибудь музыкальнаго инструмента тѣ эпопеи, которыя переходятъ потомъ по наслѣдству къ внукамъ и правнукамъ такъ, какъ нѣкоторыя изъ подобныхъ пѣсней были восприняты ими самими отъ отцовъ и дѣдовъ. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на «людей Божьихъ», съ любовію и благоговѣніемъ; слушающій ихъ думы и пѣсни и самъ задумывается, а подъ часъ и до слезъ растроганный слышитъ въ ихъ голосѣ будто собственную пѣсню про свое тяжкое горе или полное славы прошлое своего народа, и по неволѣ, самъ того не замѣчая, воспитывается въ духѣ отцовъ. Такое значеніе и такое вліяніе имѣли въ свое время индійскіе пѣвцы съ биной, татарскіе съ бзурою, греческіе рапсоды съ пандурою, сербскіе «слѣпачки пьѣваци», великорусскіе сказатели былинъ, древне-

славянскіе баяны съ гуслями, наши кобзари съ бандурою. Съ незапамятныхъ временъ по обоимъ берегамъ Днѣпра раздавались звуки многострунной бандуры, безъ которой немыслима была для южно-русса и самая жизнь: въ дни-ли шумныхъ семейныхъ радостей, въ уединенномъ-ли уголкѣ его пасѣки, или въ открытомъ полѣ, наканунѣ битвы съ врагомъ. Вѣщій пѣвецъ сопровождаетъ Игоря Святославича въ его трудномъ походѣ на половцевъ; кобзарь— непремѣнный членъ запорожскаго «товарищества»; бандуристы сопровождали и гайдамацкія ватаги.

Въ гайдамацкихъ ватагахъ бандуристы были облагораживающимъ элементомъ: они поднимали чувство самосознанія какъ личности, такъ и всего народа, вносили въ дѣло кровавой борьбы высшія начала Божія суда и правды, чувства героизма, любви къ родинѣ, высшей рыцарской чести, выразителями которыхъ они и были въ періодъ козачества. Народъ, слушая ихъ думы и пѣсни о прежнихъ воителяхъ за вѣру отцевъ, за землю и рѣчь родную, не могъ не возвышаться до той мысли, что и онъ возсталъ не изъ одного чувства мести и борьбы за существованіе, но за вѣру поруганную и попранную свободу. Бандуристы вдыхали въ возставшихъ мужество и отвагу, поддерживали бодрость духа, заставляли не дорожить жизнію, но только свободою, съ презрѣніемъ смотрѣть на смерть и всѣ ея ужасы. Ихъ значеніе понимали должно быть и тѣ, которые творили судъ надъ возставшими: этимъ и объясняется отчасти строгость коденскаго суда относительно тѣхъ трехъ бандуристовъ, которые захвачены были во время всеобщей ловли гайдамакъ и о казни которыхъ мы на этотъ разъ хотимъ сказать. Исторія ихъ смерти не многословна, какъ и всѣхъ судившихся въ коденскомъ судилищѣ.

На страницѣ 497 коденской книги записанъ слѣдующій обвинительный актъ 2-го января 1770 г. «*Прокопъ Скряга* бандуристъ изъ Остапова. Этотъ навелъ (naprowadził) донскихъ козаковъ (dońców) на грабежъ пана Спендовскаго и самъ его вязалъ, и билъ, и грабилъ». Сознался-ли обвиняемый въ взводимомъ на него преступленіи, была-ли его виновность доказана свидѣтельскими показаніями, не извѣстно; только противъ этихъ трехъ строчекъ стоитъ еще болѣе краткій вердиктъ: ten ma być ścięty (этотъ долженъ быть обезглавленъ), а на страницѣ 604, въ поименномъ спискѣ казненныхъ, значится, что Прокопъ Скряга купно съ четырмя дру-

гими за проступки (excessa) гайдамацкіе обезглавленъ того-же дня, т. е. 2 января 1770 года.—Коротко и ясно.

На страницѣ 491 той-же книги записано: «*Михайло Сокового зятъ* изъ села Шаржиполя, консьскаго имѣнія [1]), обвиняется въ грабежѣ мѣстечка Цыбулева вмѣстѣ съ гайдамаками; въ этомъ онъ не сознается, а признаетъ только то, что его взяли (гайдамаки) въ Цыбулевъ съ тѣмъ, чтобы имъ игралъ на бандурѣ. Онъ имъ и игралъ, за что получилъ отъ нихъ жилетъ и брюки барскіе (kamizelkę i spodnie szlacheckie), которые были узнаны и отняты у него паномъ Долинскимъ, какъ принадлежавшіе этому послѣднему. Ни въ грабежѣ, ни въ убійствѣ двухъ евреевъ, которыхъ при немъ убили гайдамаки, не сознается; онъ даже не пособлялъ имъ въ этомъ, но только игралъ, они-же сами при немъ грабили и двухъ жидовъ до смерти убили». Это самовольное присвоеніе шляхецкихъ брюкъ и жилета повлекло за собою приговоръ: «ten winien śmierci (этотъ достоинъ смертной казни) 18 января 1770 г.»—Живо и игриво.

Подобная-же резолюція, недѣлю спустя, написана судилищемъ еще одному бандуристу. На страницѣ 449 читаемъ: «*Василій Варченко* перешелъ изъ Звенигородки въ Козацкую Долину [2]), откуда пошелъ съ ватажкомъ Ремезою и ходилъ съ этимъ послѣднимъ въ Водяники, Кобылячки и Попуринцы, *którym* (гайдамакамъ) *na bandurze grywał*». И этотъ гайдамацкій кобзарь 26-го января 1770 года, вмѣстѣ съ другими двадцатью двумя «різунами», былъ приговоренъ къ смертной казни!.

Съ подавленіемъ гайдамачества, съ уничтоженіемъ Сѣчи Запорожской, съ введеніемъ новаго порядка вещей, измѣнились и отношенія народа къ своимъ бандуристамъ. Народъ все еще продолжаетъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ слушать этихъ пѣвцовъ, но предъявляетъ менѣе высокія требованія, охотнѣе слушаетъ шуточныя и плясовыя пѣсни, чѣмъ старыя думы, предпочитаетъ лиру бандурѣ. «Теперь простолюдія якась чудновата: не розуміе, що краще.

---

[1]) М. Конелая, уманскаго уѣзда, кіевской губерніи.

[2]) Нынѣ с. Козацкое, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, имѣніе Потемкинское, потомъ Голицынихъ, у которыхъ проживалъ Крыловъ, по воспоминаніямъ Вигеля, затѣмъ извѣстнаго И. И. Фундуклея. Водяники—того-же уѣзда, а Кобылячки и Попуринцы уманскаго.

Имъ абы згукъ бувъ, абы оця корова (лира) ревла!»—такъ характеризуютъ теперешніе кобзари своихъ базарныхъ слушателей.

К. Ф. У. О.

Выборные священники.

Древнѣйшій, апостольскій обычай избранія прихожанами священника, давно утраченный на сѣверѣ Россіи, въ южной Россіи, даже въ новыхъ ея колоніяхъ, удерживался до недавняго еще времени. Тщетно теперь земства и частныя лица стараются вызвать къ жизни этотъ недавно умершій, во многомъ благодѣтельный и во всякомъ случаѣ естественный порядокъ. Нельзя устроить того, чтобы рука или иная часть нашего организма жили другою жизнію, нежели все тѣло. Случается впрочемъ, что помертвѣютъ одни части, а другія живутъ, засохнетъ одна сторона дерева, а другія зеленѣютъ и плоды даютъ. Такъ и съ названнымъ обычаемъ. Онъ не былъ вдругъ отмѣненъ, но отмѣнялся постепенно и этимъ объясняется сохраненіе его до позднѣйшаго времени въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сама жизнь его поддерживала. Такъ было въ новозаселяемыхъ мѣстахъ и вообще тамъ, гдѣ была нужда въ кандидатахъ священства, и до тѣхъ поръ, пока не явились окончившіе курсы духовныхъ семинарій въ изобиліи. Въ Бессарабіи обычай избранія священниковъ прихожанами существовалъ еще въ 20-хъ годахъ этого столѣтія: рукополагались во священники только тѣ, которые представляли епархіальному архіерею *«одобреніе»* прихожанъ. Вотъ образчикъ такого одобренія.

Мы нижеподписавшіеся, ясскаго цинута, селенія Болнотина прихожане, свидѣтельствуемъ по чистой нашей совѣсти, что желающій быть при нашей Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы церкви священникомъ, города Кишинева, архангельской церкви указный дьячекъ, Климентій Даренскій есть человѣкъ добрый, не пьяница, въ домостроительствѣ своемъ не лѣнивый, не клеветникъ, не сварливъ, не любодѣйца, не убійца, въ воровствѣ и обманахъ не изобличенный, добронравенъ, поведенія честнаго и потому мы его Даренскаго желаемъ имѣть при нашей Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы церкви священникомъ. Въ томъ подписываемся" (слѣдуютъ подписи грамотнаго лица, утвержденныя ва кружкѣ крестикомъ руками неграмотныхъ).

Очень любопытно одобреніе, данное бывшими запорожскими козаками священнику Бобырю.

„Дано сіе отъ насъ нижеподписавшихся бывшихъ запорожскихъ и усть-дунайскихъ войскъ уволенному изъ армейскаго духовенства священнику Іоанну Бобырю въ томъ, что, на основаніи изъявленной намъ Монаршей воли, для постояннаго нашего жительства между Килією и Аккерманомъ отведенъ участокъ земли—селеніе наше, подъ названіемъ Акмегнеть [1]), на которомъ участкѣ поселилось насъ хозяевъ болѣе шестдесятя домовъ, тѣмъ болѣе, что переходъ къ заселенію нашего званія людей день отъ дня усугубляетъ. Какъ же мы, зная священника Бобыря съ давныхъ лѣтъ кроткого, воздержливаго и въ домостроительствѣ рачительнаго, а потому желаемъ его Бобыря имѣть въ нашемъ козачьемъ обществѣ для исправленія христіанскихъ требъ священникомъ, съ надеждою, что когда и церковь построимъ, то будетъ онъ Бобырь оставаться при оной навсегда. Подписями нашими удостовѣряемъ 1820 года іюля 18 дня. Отъ арміи поручикъ Кузьма Бѣлой, отъ арміи подпоручикъ Онисимъ Визиръ, полковой хорунжій Григорій Аркуша, полковой хорунжій Иванъ Ломака, полковой хорунжій Игнатъ Федоренко, полковой хорунжій Марко Твердохлѣбъ и все козачье общество,—*я за ихъ неграмотныхъ и за себя подписался атаманъ Филипъ Скляренко.*“ [2]).

Одобренія эти обязаны были удостовѣрять благочинные. Благочиннымъ было предписано, «дабы они отнюдь заочно никакихъ одобреній не подписывали; но съѣзжали бы на мѣсто и спрашивали лично прихожанъ, и буде прихожане пожелаютъ имѣть кого-либо въ священники, діаконы или причетники, то бы засвидѣтельствовавъ одобреніе, отправляли оное при своемъ рапортѣ къ протопопу, который, естли не встрѣтитъ никакихъ законныхъ препятствій, обязанъ представлять кандидата къ архіерею при доношеніи».

Такой-же обычай и въ тѣхъ-же формахъ удерживался въ предѣлахъ кіевской епархіи и до 40-хъ годовъ, особливо для полученія низшихъ причетническихъ должностей. Было время, когда даже окончившіе курсъ семинаріи должны были представлять «одобренія» отъ прихода, который желали занять; но одобренія становились пустою и тягостною формальностію, когда избираемые были

---

[1]) Нынѣ Акмангитъ аккерманскаго уѣзда.

[2]) См. дѣла кишин. дух. консист. 1820 г. №№ 108 и 451.

вовсе неизвѣстны ихъ избирателямъ. Всячески это было еще единственное право совершенно безправнаго тогда народа.

К. Береза.

ПАСХАЛЬНАЯ ВИРША

„говоренная черноморцами его свѣтлости, великому гетману, князю Потемкину, на Свѣтлой день праздника Пасхи" (въ 1786—1787 г.) [1].

Вирша эта когда то была очень распространена въ Малороссіи, но теперь совсѣмъ забыта и едва ли найдется любитель старины, знающій изъ нея хотя нѣсколько стиховъ. Приготовляя ее къ печати, мы имѣли подъ руками два списка ея: одинъ изъ нихъ сообщенъ намъ А. А. Скальковскимъ, другой переданъ С. И. Пономаревымъ. Послѣдній писанъ собственною рукою Н. В. Гоголя и нѣсколько полнѣе перваго. Оба списка одинаково неисправны, но взаимное сличеніе ихъ дало намъ возможность уяснить затемнявшійся то тамъ, то здѣсь смыслъ и установить такой текстъ вирши, который, быть можетъ, будетъ найболѣе отвѣчать его первоначальному виду.

Списокъ гоголевскій представляетъ двѣ особенности: во 1-хъ описаніе мукъ и наказаній смерти въ немъ гораздо полнѣе, но сильно пародировано и вовсе не удобно для печати; во 2-хъ каждые три стиха по списку А. А. Скальковскаго соединены въ немъ въ одинъ, что облегчаетъ чтеніе, безъ потери для частой риѳмы. Мы приняли здѣсь сводный гоголевскій стихъ, извѣстный подъ именемъ львинаго.

Этотъ своеобразный письменный памятникъ, имѣвшій спеціальное назначеніе, не лишенъ нѣкоторыхъ достоинствъ: языкъ его простъ, краски яркія, картины простыя, даже грубыя, но въ высокой степени характерныя и типичныя, вплоть до сравнительнаго опредѣленія могущества Сатаны. Извѣстный запорожскій юморъ блещетъ въ каждомъ почти стихѣ, въ каждомъ его словѣ. Высокія религіозныя истины, не смотря на дикую, такъ сказать, образность рѣчи, сохранены во всей чистотѣ. Эта странная для нынѣшняго времени популяризація священныхъ истинъ, низведеніе высокаго, идеальнаго въ кругъ будничныхъ представленій были въ ходу гораздо раньше этого времени, и мы видѣли письменный памятникъ XVII

---

[1]) „Черноморцы"—черноморское козачье войско, образованное изъ запорожцевъ въ 1786 году.

вѣка, гдѣ въ такомъ тонѣ и картинахъ изложенъ общій ходъ исторіи человѣчества:—поляки и евреи осуждаютъ на смерть Іисуса Христа и подвергаютъ Его мученіямъ, а козаки въ разныхъ роляхъ окружаютъ Его крестъ и гробъ съ благоговѣйною вѣрностію и любовію. Въ этомъ пріемѣ, кажется, и заключается причина той громадной популярности, какою пользовалось это стихотвореніе въ свое время.—Любопытно, понималъ ли-вельможа—Гетманъ языкъ уничтоженнаго имъ и снова на короткое время воскрешеннаго для надобностей войны Запорожья, на которомъ оно приносило ему поздравленіе съ праздникомъ Пасхи. Мы воспроизводимъ произнесенную предъ нимъ виршу болѣе какъ памятникъ историческій, нежели литературный. Вотъ текстъ вирши.

Христосъ воскресъ! Радъ міръ увесь, дождавшись Божой ласки.
Теперь усякъ наівся въ смакъ свяченой паски.
Вси гуляють, выхваляють воскресшаго Бога.
Уже тая, що до рая, протерта дорога.
Злыи духи, такъ якъ мухи, вси уже послызли:
Загнавъ Ісусъ въ пекло по усъ, щобъ христьянъ не тризли.
А смерть люта, що намъ тута дуже докучала,
По болотамъ, очеретамъ, біжучи кричала.
Тамъ суцига теперъ бига, якъ шалена, зъ ляку;
Бо Богъ съ Христомъ чорта съ хвостомъ прогнавъ, якъ собаку.
Сей чортъ темный, князь пекельный, зъ смертью полыгався;
Всихъ зажерти въ адъ заперти—такъ винъ умовлявся.
Воны тое, вкупи двое, знюхавшись сацюють,
Хоть старого, хоть малого, всихъ туды лабцюють.
Була воля: хоть и кроля, у рай не пускають,
Хоть бы святыхъ вони и тихъ у пекло таскають.
На всихъ трактахъ и болотахъ сторожи стояли,
Середъ шляху, утюряху, до пекла хапали.
Того отци попы, черноця, не миналы шляху,
Философы крутопопы набирались страху.
Пропавъ вже страхъ, зарисъ той шляхъ купьямъ та болотомъ,
Де той злый духъ глытавъ, якъ мухъ, ненасытнымъ ротомъ.
Теперь скорый шляхъ просторый до рая протерли;
Нема стражи, вси навстяжи ворота отперли.
Уже велять яблука рвать изъ райського древа,

Зъ якого плодъ не велівъ Богъ, а вкусила Ева.
Давно той ужъ (змѣя) кричавъ недужъ, що спокусивъ Еву:
За ту болизнь ажъ полизъ по райскому древу;
Визжить, охлявъ, бо Богъ проклявъ лазити на чреви
За іого гріхъ, що винъ на сміхъ та набрехавъ Еви.
Бідна Ева одну зъ древа вырвала кисличку,—
Збулась власти, треба прясти на гребени мычку.
За неюжъ тамъ бідный Адамъ щось, кажуть, принудивсь:
Землю оравъ, ціпомъ махавъ, Богъ зъ рая пропудивъ.
За одну іду Ева біду заслужила сію;
Честь Адаму—ажъ за браму выбыли у шию.
Дурна жона! сама вона яблука трощила,
За одинъ плодъ увесь народъ въ пекли потопила.
Богъ милостивъ Еву простивъ, Адаму пробачивъ;
Для вызволу самъ до долу зъ неба зійти рачивъ.
Тамъ чортище, старый псище, не хоче смириться,
Крутить хвостомъ, еще съ Христомъ думае сварыться.
Лышень же Богъ самъ на порогъ въ пекло поточився;
То вельзевулъ попустивъ мулъ, зъ ляку омочився;
Завывъ гризно, якъ вовкъ ризко, голосомъ собачимъ;
Кричить пробу, що особу Христову побачивъ.
Давъ Богъ хлосты, що вси косты поломавъ и роги
И самого духа злого пидгарбавъ пидъ ноги.
А смерть, шлюха, стоя слуха, що робиця зъ дядькомъ;
Стала трястись, думала спастись неякимсь порядкомъ:
Пустила дуръ, бьется объ муръ, дереться на стіну,
Якъ шалена, тороплена, попустила слину.
Такъ сихъ покусъ знае Ісусъ хитрыи обманы,—
За те діло на все тіло наславъ злыи раны.
Тамъ крутенько, тутъ хутенько, давъ Богъ всему порай:
Адъ разоривъ, чорта стребивъ, смерть излыха хвора.
Прадідъ Адамъ и дядько Хамъ заиграли въ свиріли,
Закричали, задрожали, якъ Христа згляділи.
Усякъ узникъ крутый узликъ зъ шіи развязали,
Ісусъ-Христу, якъ на листу, усе расказали.
Ева зъгнута була тута отъ злого шайтана.
Сей покуса, злійшій Пруса и Крымскаго Хана,

Мучивъ дармо, у всіхъ ярма зъ шыи не злізали,
Струпъ на плечахъ, бо по печахъ въ адъ дрова возили.
Зъ ярма въ хомутъ, зъ узлами кнутъ, дротяные пуги;
Съ шыи до пьятъ, на спині знать кровавіи смуги.
Щобъ скакали, не брикали, кладуть въ ротъ удилы;
Сікуть плитью, щобъ тамъ митью, ступою ходили.
Всю налогу скоро Богу донесли во уши:
Не забаривъ, адъ розорившъ, выпустивъ вси души.
Святый Афетъ узявъ мушкетъ, выстреливъ на гасло.
Выйшла зъ раи сила не малая, ажъ пекло затрясло.
Гуртомъ ожили, вси загули, якъ весною мухи:
Съ пекла народъ бігъ навзаводъ, а иншій трюхи.
Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла удравъ,
Винъ, зъ Исакомъ, ледви ракомъ, и соби поплыгавъ;
Свята Сара, хочъ и стара, та женщина руча:
Вся пихота шла въ ворота, вона куды луча.
Племенникъ Лотъ въ купу сиротъ якъ изибравъ бідныхъ,
Такъ ни дверей, ни верей не зосталось мідныхъ...
Якъ та туча, куды луча, такъ и покотили
У Божу путь, тилько сопуть, ажъ попотіли.
Мойсей пророкъ въ дверяхъ замокъ и муръ пробивъ рогами,
Адъ сплюндровавъ и помандровавъ пішими ногами.
Якъ той бугай съ кошары въ гай выперся голодный,
Такъ изъ ада йде громада, рада, що свободна.
Рай отпертый, шляхъ протертый, Адамъ поспишайся!
Райскямъ плодомъ зо всимъ родомъ тамъ ты утишайся.
Веди всіхъ врядъ у райскій садъ яблука сбирати;
Іжъ отъ древа, бо билшъ Ева не буде вмирати!

Казаки въ партикулярной надобности.

Слышатся еще у насъ, хотя изрѣдка, жалобы на то, что полиція употребляетъ иногда лошадей пожарной команды на партикулярныя свои надобности; въ старину употребляли на это извѣстныхъ своею храбростію малороссійскихъ козаковъ. Вотъ подлинный документъ, правда, не очень далекаго времени.

Суду гродскому лубенскому.

Козакъ полку лубенскаго, сотни яблуновской, Иванъ Громашевскій, поданнымъ мнѣ настоящаго іюня 18 д. доношеніемъ представляетъ, что сотникъ первопирятинской Исаакъ Плѣвковскій, прошедшаго маія 27 числа, собравши выборныхъ сотни своей козаковъ до тридцати человѣкъ, вооруженныхъ, на лошадяхъ, при всемъ военномъ нарядѣ, да до сорока человѣкъ пѣшихъ своихъ людей, разбойническимъ образомъ наналъ ночью на имѣніе его Громашевскаго въ хуторѣ исаенковскомъ состоящее, производилъ съ ружа пальбу и напослѣдокъ выгнавши его Громашевскаго съ женою изъ того хутора, шести человѣкъ его людей и две женщины, тѣснилъ ихъ боемъ и работою въ колодкахъ; въ чемъ и самъ онъ Плѣвковскій, въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Пирятинъ, сего іюнія 22 числа, предо мною въ употребленіи команди козаковъ, будтобы къ своему собственному защищенію, не запирался; насколь сей его сотника Плѣвковскаго поступокъ въ злоупотребленіи козаковъ на свою партикулярную надобность зѣвинаемымъ быть не можетъ, и в содержаніи людей во вязеніи дерзостенъ, то от меня приказанно чрезъ вѣторосотенное правленіе забратихъ имъ людей освободить в то мѣсто, гдѣ свое жительство имѣли, которие ежели по претендуемому имѣнию сотнику Плевковскому принадлежитъ, то потому не заслуживаютъ своими персонами, лишившись своихъ домовъ и жителства, терпѣть изстязаніе; А суду гродскому лубенскому долгъ имею рекомендовать примѣрно о употребленіи вооруженной команды на свою партикулярную надобность, в нахалнихъ и дерзостнихъ наѣздахъ, изъслѣдовать строжайше, исполнивъ въ чемъ виновнимъ по изслѣдованіи окажется, представить, куда надлежитъ, по командѣ в немедленномъ времени и о томъ обстоятельно меня увѣдомить; бывшимъ же притомъ наездѣ на хухоръ просителя козака Громашевскаго козакамъ именной списокъ козаковъ мнѣ поданъ, причемъ включаю, и дабы впредь употребляемій сотникъ Плѣвковскій не виходилъ с предѣловъ своего званія, судъ гродски не имѣетъ оставить ко удержанію его безъ надлежащаго наблюденія.

С подлиннимъ верилъ
На подлѣнномъ тако:
Андрей Мілорадовичъ.
Градской писарь Андрей Викулскій.

23
7 Іюня
1 80 году.
Пятница.

Гродовый (кажется) канцеляристъ Федя Бѣдной.

Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.

Южно-русскій народъ не создалъ для себя своего родного театра. Въ Галиціи онъ есть, ну, да тамъ, извѣстно,—одно украинофильство. У насъ... интерлюдіи и интермедіи Довгалевскаго и знаменитаго Георгія Конисскаго представляли хорошіе задатки вполнѣ народнаго театра, но онѣ не подвинулись въ своемъ развитіи и, бывъ ложно поняты, повели къ долгому пародированію языка и духа народнаго, которымъ такъ отдаютъ даже лучшія произведенія въ этомъ родѣ позднѣйшаго времени. А между тѣмъ народъ малороссійскій такъ любилъ всякаго рода зрѣлища. Чѣмъ же онъ удовлетворялъ этой потребности своей? Низшіе и средніе классы—своимъ роднымъ вертепомъ, высшіе—*задніпрянцы* во всемъ въ чужой огородъ любили заглядывать, маетностями обзаводиться, на счетъ козаковъ живиться... Впрочемъ и они любили посмотрѣть вертепъ, послушать псальмы и канты, устроить, гдѣ можно было, даже свой домашній спектакль съ піэсами Котляревскаго и Гоголя—отца, пока не развились другіе вкусы.

Очень любопытно было бы собрать свѣдѣнія о положеніи театровъ въ нашихъ краяхъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ нихъ, конечно, ничего народнаго, но много забавнаго и плачевнаго. Театръ былъ въ положеніи кочующемъ, труппы странствующія, исключительно почти польскія, піэсы преимущественно переводныя, сюжеты иностранные, помѣщеніе, обстановка театровъ прискорбныя. Довольно было бы вспомнить судьбу странствовавшаго въ то время кіевскаго театра, помѣщавшагося одно время въ тюрьмѣ, т. е. бывшемъ арестанскомъ зданіи на Подолѣ. Въ Житомирѣ еще около 50-хъ годовъ піэсы разыгрывались въ такъ называемыхъ заѣздахъ, т. е. въ конюшняхъ постоялыхъ еврейскихъ дворовъ, и въ одно изъ представленій внезапно гуси, сидѣвшія на чердакѣ, не отгороженномъ отъ мѣста дѣйствія, влетѣли на сцену. Соотвѣтственныя сцены и отъ публики происходили: въ одномъ изъ театровъ, при самомъ началѣ спектакля, когда взвившійся занавѣсъ открылъ глазамъ зрителей группу какихъ-то средневѣковыхъ рыцарей, или разбойниковъ въ фантастическихъ костюмахъ,—въ первый разъ попавшій въ театръ семинаристъ во всю свою семинарскую пасть затянулъ: а-а-а-а-а!..; въ другомъ—купчикъ въ райкѣ, съ узелкомъ

въ рукѣ, прикурнулъ во время представленія и, очнучшись внезапно отъ сильныхъ аплодисменовъ, уронилъ невзначай платокъ съ орѣхами, когда же увидалъ, что орѣхи посыпались на партерную публику, съ просонковъ закричалъ: „орѣшки-то сами на здоровье кушайте, а мнѣ лишь платочекъ подайте»!

Полагаемъ, что не лучше было и въ заднѣпрской сторонѣ, на что имѣемъ любопытный документъ. Въ 1835 г. въ Черниговъ прибылъ содержатель странствующаго театра, нѣкто О. Мокржецкій и такъ запрашивалъ къ себѣ на бенефисъ „великодушное малороссійское дворянство.“

Чрезъ случившійся жестокый пожаръ въ Г. Минскѣ, 31-го Маія сего года, я и прочіе мои сотоварищы лишились всего достоянія, послѣ сего рѣшился я отправится съ моею труппою актеровъ въ губернскій городъ Черниговъ, гдѣ съ 30-го Іюля пользуясь благосклонностію почтеннѣйшей Публики, не смотря на недостатокъ нашихъ талантовъ, имѣли всегда болѣе и менѣе посѣтителей; во время же съѣзда господъ дворянъ для выборовъ, при которомъ мое ожиданіе большихъ для себя надеждъ къ великому нашему сожалѣнію видимъ совершенное забвеніе и невниманіе къ тѣмъ стараніямъ нашимъ, которые мы употребляемъ оказать благороднѣйшему дворянству наши услуги; почему вынужденнымъ нахожусь откровенно сознаться, что если господа дворяне и за симъ изъ одного состраданія къ нашему положенію не здѣлаютъ посѣщенія по крайности на Бенефисъ мой, который буду имѣть счастіе предетавить сего Октября 11-го числа, то долги наши на устройство театра, декораціи и разнаго гардероца ввергнутъ меня въ такое нещастное положеніе, послѣдствія которыхъ легко можетъ всякъ себѣ представить.

Зная великодушные правила дворянства малороссійскаго, въ полной увѣренности остаюсь, что снисходя нашему положенію, не отринутъ покорнѣйшей моей прозьбы здѣлать честь своимъ посѣщеніемъ театръ, гдѣ нижеподписавшійся будетъ имѣть честь представить.

О. Мокржецкій.

Поставлена была піэса «*Донъ-Жуанъ, Грандъ Испанскій*, наказанный вольнодумецъ, или трапеза духовъ на кладбищѣ, большая траги-комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ новымъ гардеропомъ, декораціею и огнемъ.» Начало, какъ и теперь, въ 7 часовъ и цѣны не ниже нынѣшнихъ: кресло 3 р., партеръ 2 р. и раекъ 80 к. «Мѣсто представленія, говорится въ современной афишѣ, въ быв-

щемъ ремесленномъ училищѣ въ домѣ близъ занимаемаго полиціею". Послѣднее—для современныхъ черниговцевъ.

Поправило ли малороссійское дворянство финансы О. Мокржецкаго, остается неизвѣстнымъ.

Къ портрету Петра Могилы.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ величайшаго изъ дѣятелей южно-русской исторіи вообще и южно-русскихъ іерарховъ въ частности представляетъ фототипный снимокъ съ портрета его, находящагося въ Императорской Академіи Художествъ и бывшаго на с.-петербургской художественной выставкѣ 1870 года. Интересны въ археологическомъ отношеніи всѣ принадлежности архіерейскаго облаченія того времени, но еще болѣе интереса представляютъ эти мужественныя черты лица великаго святителя. Въ нихъ отражаются его многообъемлющій, далеко видящій умъ, несокрушимая энергія и сила воли, строгость взгляда и самой жизни. Лице отпечатлѣваетъ слѣды жизненной борьбы, но сохраняетъ, не смотря на возрастъ, всѣ признаки мужества, бодрости и силы. Могила умеръ ровно 50-ти лѣтъ; портретъ, снимокъ съ котораго прилагаемъ, представляетъ его очевидно въ послѣднюю пору его жизни. Въ молодые годы, хотя въ санѣ святительскомъ, онъ представленъ на портретѣ находящемся въ актовомъ залѣ кіевской академіи; но тутъ Могила слишкомъ мало напоминаетъ намъ Могилу, какого мы знаемъ по исторіи и какого видимъ на портретѣ Академіи Художествъ. Портретъ Могилы приложенъ къ Исторіи Бантышъ-Каменскаго. Другихъ портретовъ его мы не знаемъ.

Къ тому, что сказано въ настоящей книжкѣ о Могилѣ—въ особой статьѣ и въ библіографической замѣткѣ по поводу XI т. Исторіи русской церкви митр. Макарія, мы прибавимъ здѣсь, что имя его должно стоять на ряду съ именемъ Богдана Хмельницкаго. Если этотъ великій дѣятель нашей исторіи крайнимъ напряженіемъ народныхъ силъ вырвалъ всю истерзанную страну изъ рукъ враговъ и возвратилъ ее къ общему источнику, то Могила залечилъ ея главные нравственные недуги, вдохнулъ въ нее духъ и силу для новой жизни. Для насъ кіевлянъ имя Могилы имѣетъ

особое значеніе не по одной созданной имъ академіи и не по сохранившемуся отъ него учрежденію «пассій», но въ особенности по возстановленію древнѣйшихъ кіевскихъ храмовъ, этихъ вѣковыхъ памятниковъ народной святыни, всегда готовыхъ сказать, что Кіевъ—*мати градомъ русскимъ*, колыбель православія. Но и вообще славныя дѣянія Могилы, связавшія имя его съ именемъ того времени, дѣлаютъ образъ этого іерарха глубоко памятнымъ и симпатичнымъ для всякаго, кому понятно значеніе вѣры и науки въ развитіи и охраненіи народной жизни, кому дорога вѣковѣчная предковская святыня, то воскрешенная имъ изъ праха, то исторгнутая изъ рукъ враговъ, то возвеличенная и украшенная его заботами и средствами. Иноземецъ по рожденію, но воспитанный народомъ и церковію, которымъ отдалъ онъ всю свою жизнь, Могила болѣе русскій, чѣмъ всякій русскій. «Намъ надобно учиться, говорилъ этотъ великій патріотъ, что бы Русь нашу не называли глупою». И какъ памятны должны быть намъ и теперь его слова!

Имя Могилы долго хранилось въ памяти народной и въ молитвенномъ воспоминаніи о немъ всѣхъ кіевлянъ на братско-богоявленской панихидѣ 31 декабря, въ день его кончины. Теперь хранитъ о немъ память лишь книга, да созданная имъ академія въ тотъ же день его кончины.

Воскресимъ образъ великаго святителя, воздадимъ хвалу славнымъ его дѣяніямъ!